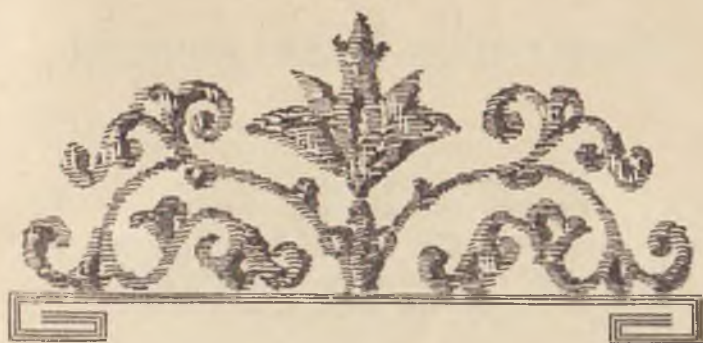

**медно-
волосая
девушка**

■

СКАЗКИ
И
МИФЫ
НАРОДОВ
ВОСТОКА

■

МЕДНОВОЛОСАЯ ДЕВУШКА

КАЙМЫЦКИЕ
НАРОДНЫЕ
СКАЗКИ

*Перевод, составление и примечания
Марка Ватагина*

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Москва 1964

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

*Редакционная коллегия серии
«Сказки и мифы народов Востока»:*

И. С. БРАГИНСКИЙ, Н. И. КОНРАД, Е. М. МЕЛЕТИНСКИЙ,
Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ (председатель), Э. В. ПОМЕРАНЦЕВА,
Б. Л. РИФТИН (секретарь), С. А. ТОКАРЕВ

Этим сборником издательство «Наука» начинает серию «Сказки и мифы народов Востока». Серия преследует цель познакомить советского читателя с оригинальным творчеством народов Востока, с их интересными обычаями, традициями, с их богатейшей фантазией и тонким юмором. Большинство сказок серии будет опубликовано на русском языке впервые.

Все книги серии рассчитаны на взрослого читателя.

Ответственный редактор

Б. К. ПАШКОВ

Художник М. ЛОХМАНОВА

ПРЕДИСЛОВИЕ

Калмыки обладают чрезвычайно богатым фольклором. К сожалению, эти богатства еще очень мало изучены. До сих пор опубликована совсем незначительная часть того, что создано народом. За последнее время Калмыцкий научно-исследовательский институт языка, литературы и истории организовал несколько фольклорных экспедиций по Калмыкии. Записано несколько сот сказок, песен, пословиц

Калмыцкий фольклор очень разнообразен по жанрам. Тут и песни, и йорелы (благопожелания), и макталы (обрядовые стихи), и харалы (проклятия), и бесчисленные пословицы, поговорки и загадки, сказки, и, наконец, величественный героический эпос «Джангар» — синтез всех жанров.

Калмыки очень любят свой фольклор. «Калмык способен верить чудесному и охотник до сказок. Иногда дня по три сряду слушает предания о подвигах сказочных героев, которых очень любит. Рассказчики водятся мастера своего дела и сопровождают, где следует, пением, музыкой, телодвижением, где нужно — подражанием голосу животных. Герои бывают ростом в несколько верст, махом меча поражают целые тысячи, косями перескакивают моря и горы... Замечательный всякий случай рождает у калмыков песню». Так писал Н. В. Гоголь в очерке «Волжские калмыки в Астраханской губернии» (альманах «Тевгия Герл», 1963, № 2, Элиста).

Главный жанр фольклора — сказки. Акад. В. Я. Владимирцов однажды назвал Калмыкию второй родиной сказок после Индии.

Сказки по тематике очень разнообразны и вместе с тем специфичны, имеют яркую национальную окраску. Даже сказки на бродя-

чле сюжеты, такие, как «Шопара» (о ловком, умелом работнике, обманывавшем и проучившем своего хозяина), изобилуют чисто калмыцкими деталями, отличаются ярким национальным колоритом. Вариант сказки «Шовара», опубликованный в этом сборнике, особенно интересен, так как он очень близок по сюжету к сказке Пушкина «Сказка о попе и работнике его Балде».

Переводов калмыцких сказок на русский язык до сих пор сделано мало. Несколько сборников, выпущенных до войны, давно стали библиографической редкостью. Быстро разошлись и послевоенные издания («Калмыцкие народные сказки», Элиста, 1961 и «Калмыцкие сказки», составленные Б. Джимбиновым, М., 1962).

Истинный сборник, составленный и переведенный поэтом Марком Ватагиным, отличается от всех предшествующих изданий прежде всего тем, что почти все сказки, представленные в нем, публикуются на русском языке впервые.

Источниками сказок для переводчика послужили сборники калмыцких сказок, собранных Рамстедтом (т. I, Хельсинки, 1909 и т. II, Хельсинки, 1919), сборники «Хальмг фольклор» («Калмыцкий фольклор», Элиста, 1940), «Хальмг тууль» («Калмыцкие сказки», Элиста, 1961), «Седжии кюр» («Задуманный разговор», Элиста, 1960), а также материалы фольклорных экспедиций Калмыцкого научно-исследовательского института языка, литературы и истории.

Составители привлекли четыре основных класса сказок: богатырские, волшебные, бытовые и сказки о животных. По ним мы можем получить довольно полное представление о богатстве и разнообразии калмыцкого сказочного фольклора.

Принципиально новым в этом издании является публикация двух богатырских сказок.

Богатырские сказки — это форма героического эпоса, переходная ступень между собственно сказками и «Джангаром». Есть основания предполагать, что в древности эти сказки имели стихотворную форму. Но со временем туульчи (сказатели) упростили их, придали им форму прозаических произведений. Однако и до сих пор сохранились значительные формальные особенности, отличающие богатырские сказки от общей массы сказок: четкий ритм, анафоры, а также внутренние созвучия и часто повторяющиеся присущие только этому жанру сказочные формулы.

Проф. А. М. Позднеев о подобных произведениях говорит, что это «рассказы об опозитивированных народной фантазией богатырях в

отдельных событиях, заключенные в формы изящной народной речи, нередко витиеватою, мерной или даже стихотворной»¹.

Ю. Г. Рамstedт подчеркивал «оригинальный, чисто искусственный» характер этих повествований, утверждал, что «он не переложим на европейские языки»².

Действительно, перевод богатырской сказки с сохранением поэтических особенностей подлинника — задача чрезвычайно сложная. И не случайно до самого последнего времени переводчики эту задачу перед собой даже не ставили, ограничиваясь пересказом содержания.

Все богатырские сказки построены по одной схеме: рождение богатыря, выбор им коня, сборы богатыря в поход, бег коня на встречу врагу, бой богатыря с врагом, победа, уничтожение врага (если это мус или мангас) или братание с ним (если это другой богатырь). Дальше сюжет в основном развивается так: богатырь с победой возвращается домой, но дом его разорен, люди и скот угнаны злой силой (мусом, мангасом). Богатырь едет их выручать, побеждает злую силу и возвращает домой свой улус.

Но богатырские сказки — это произведения в первую очередь поэтические и главное в них — детали, яркие поэтические описания. Эти описания канонизируются и кочуют из сказки в сказку.

Неистощима фантазия сказителей при описании одежды и вооружения богатыря, сбруи коня, сборов богатыря в поход и т. д.

Вот, например, описание сборов богатыря в поход из сказки «Эрия-Сия-Сияка»: «Габунчик привел золото-буланого неутомимого коня. И Эрия-Сия начал его седлать. Сначала положил нежный белый подпоясник, потом серебристый потник. Положил крепкое, как наковальня, седло, положил подушку с бронзовой оправой. Надел нагрудник с серебряными колокольчиками. Подпруги натянул так, что затрещали ребра коня. А уздечку, медью-бронзой изукрашенную, издалека подбросил к голове коня. Конь сам белыми крепкими зубами схватил черно-стальные гремящие удила. После этого он всю свою буйную силу в крепкий крестец собрал, скорость свою к высоким копытам собрал, зоркость свою к острым глазам собрал, чуткость свою к длинным ушам собрал, красоту свою собрал в широкой груди.

¹ Цит. по сб.: «Логолевские тексты», СПб., 1910.

² Там же.

А Эрпн-Син тем временем черно-серебристую кольчугу падел, слова повесил из желтой стали тяжелый меч, справа прицепил красное несгибаемое копые. За спину повесил желтый лук с бешеной белой стрелой. Взял он плеть, сплетенную из шкур трехгодовалых быков, туго сплетенную плеть с узором спины идовитой змеи. Черным стальным наконечником был окован ее конец. Мясо легко отделила она от костей. Желтый сапдаловый черенок ее сжал Эрпн-Сян, и по пальцам его закапал сок каплями, величиной с воробья».

А вот описание бега коня из сказки «Батыр Дамбин-Улаи и храбрый конь его Давшураи-Хурдун-Хара»: «Давшураи-Хурдун-Хара так скакал, что передние ноги на день уходили вперед. Кто спереди на коня смотрел, думал, что это степной серый заяц бежит, кто сзади на коня смотрел, думал, что это звонкая стрела летит, кто сбоку на коня смотрел, думал, что это пуля из ружья летит, кто сверху на коня смотрел, тот думал, что это быстрокрылая птица летит, а кто снизу на коня смотрел, думал, что это могучее море шумит. В нитку вытягивался конь, подбородком отталкивался от земли. От дыхания Аранзыла-коня травы ложились плашмя, а пыль от копыт коня подымалась до самых небес».

Калмыцкому фольклору, как говорится, везет. Двадцать пять лет назад поэт Семен Липкин сделал блестящий перевод калмыцкого героического эпоса «Джангар». А сегодня, используя богатый опыт Семена Липкина, поэт Марк Ватагин сделал образцовый перевод калмыцких богатырских сказок. На русском языке сказка обрела форму, соответствующую оригиналу. Найденные переводчиком русские эквиваленты сказочных поэтических формул, четкий ритм придают произведениям своеобразное, неповторимое звучание.

«Так прекрасна она, что в сиянии ее лица можно табун охранять, так прекрасна она, что в сиянии черных глаз можно узор вышивать...» «Так далеко находится эта страна, что, если птица филин вздумает туда полететь, трижды яйца успеет филин снести, трижды птенцов выведет филин в пути». Эти формулы кочуют из сказки в сказку.

Интересна серия бытовых сказок с их ярко выраженным демократизмом. В сказке «Му» бедняк по имени Му, т. е. «замухрышка», оказывается во много раз умнее и благороднее хала. Хал обращается к нему за советом, хал не может без него жить. В сказках «Шовара», «Обманщик Сеняка» бедняки расправляются со своими хозяевами-униженными.

Народ высмеивает скудность, хвастовство в сказках «Скупые старик и старуха», «Старик-силач» и с любовью рассказывает о наблюдательных братьях-следопытах («Три сына старика Дживдя»), об умной девушке («Три брата и сестра»). Идея защиты родной земли пронизывает богатырские сказки.

Волшебные и бытовые сказки наиболее полно отражают жизнь народа, его традиции и нравы, в них приводится множество интересных этнографических сведений. Читая их, мы знакомимся с национальной культурой, с национальным характером, обычаями, унаследованной думой и чаянием народа на протяжении многих веков. Встречающиеся в сказках религиозные элементы не мешают нам выделить главное — стремление народа к правде, справедливости.

Современные калмыцкие писатели учатся яркому, образному народному языку сказок. Некоторые писатели, умело используя фольклорные сюжеты, дают им новое, современное звучание. Здесь в первую очередь следует отметить сказки Давида Кугультинова («Бамба и красавица Булгун», М., 1959).

Народы нашей страны почти не знакомы с калмыцкой культурой. Мы надеемся, что эта книга поможет читателям понять богатейшее творчество калмыцкого народа — народа мудрого, обладающего неистощимой фантазией, народа, который и в своих сказках всегда мечтал о справедливости и о счастливой жизни.

Б. К. ПАШКОВ

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Мне посчастливилось долгое время работать в Калмыкии и близко познакомиться с замечательным калмыцким фольклором.

Я хочу, чтобы читатели этой книги полюбили калмыцкие сказки, мудрые и поэтические.

Пользуясь случаем, хочу выразить сердечную благодарность и признательность сотрудникам Калмыцкого научно-исследовательского института языка, литературы и истории Л. С. Савгаеву и А. Ш. Кичикову, сделавшим подстрочные переводы сказок, а также М. Э. Джимгирову и писателям С. К. Каляеву и Д. Н. Кугультинову, у которых я получал исчерпывающие консультации во время работы над книгой.

МАРК ВАТАГИП

БОГАТЫРСКИЕ СКАЗКИ

**Батыр Дамбин-Улан
и храбрый конь его
Давшурин-Хурдун-Хара**

то случилось давно, очень давно. Жил на земле хан Довджи-Цагап, который семь поколений не воевал. Был у него табун в один миллион голов, который мирно пасся при свете луны. Был у него другой табун в семь миллионов голов, который в сиянии солнца резвился в вольной степи. И был в том табуне один жеребец. Длинные уши и черные губы были у того жеребца.

Но не имел наследника старый великий хан.

И вот, наконец, родился прекрасный сын у седовласого хана Довджи на склоне лет. Через сутки сын-богатырь вырос так, что не хватало овчины, чтобы его завернуть. На вторые сутки не хватало и двух овчин, на третьи сутки было мало и трех овчин, на четвертые — четырех овчин, а на пятые сутки — пяти овчин не хватало, чтобы его завернуть.

На шестые сутки сын спросил у отца:

— Отец, есть ли в твоём табуне конь, достойный меня?

— Есть у меня табун в миллион голов, который мирно пасется при свете луны, — отвечал отец, — есть другой табун в семь миллионов голов, который в спянии солнца резвится в вольной степи. Есть в том табуне один жеребец. Длинные уши и черные губы у того жеребца. Думаю, что среди этих кошей найдется и конь, достойный тебя.

Уздечку с серебряной оправой и длинный аркан взял сын-богатырь и пошел к табуку отца, чтобы выбрать коня, который был бы достоин его. Очень быстро сын Довджи-хана шел. Широкие балки перешагивал в два шага, узкие балки перемахивал в один шаг. Видит: пасется табун в миллион голов.

Табунщик спросил его:

— Чей ты сын и как тебя, мальчик, зовут?

Но мальчик имени своего не знал — не было имени еще у него.

К матери он пришел, густого золотистого молока пососал и спросил:

— Чей я сын, как зовут меня?

— Имя твоё отныне — Дамбин-Улан. Отец твой — великий хан Довджи-Цаган, который семь поколений не воевал.

Снова взял мальчик узду и аркан и опять побежал к табуку. Широкие балки перешагивал в два шага, узкие балки перемахивал в один шаг. Вот и табун пасется под светом луны.

— Есть ли в табуне моего отца для меня подходящий конь? — у табунщика он спросил.

— А кто ты такой, отвечай мне, кто твой отец?

— Дамбин-Улан отныне имя мое. Отец мой — великий хан Довджи-Цаган, который семь поколений не воевал.

— Время, видно, пришло хану великому воевать. Вот почему у него родился сын-богатырь, — проговорил старик.

— Миллион голов пасется в сиянии луны. Неужели здесь не найдется коня для тебя?

И свистнул табунищик и крикнул табунищик, и миллионный табун растянулся в цепочку и побежал по тропинке копь за копом. Дамбин-Улан осмотрел всех пробежавших коней, но не было среди них подходящего коня для него. И заплакал Дамбин-Улан. И сказал:

— Мой отец — великий Довджи-Цаган-хан, который семь поколений не воевал, не смог подготовить за это время коня, коня, который был бы достоин меня!

И тогда ему старший табунищик сказал:

— Есть у отца твоего семимиллионный табун. Этот табун в сиянии солнца резвится в вольной степи. Думаю, в том табуне и найдется копь, могучий, богатырский копь, достойный тебя.

Дамбин-Улан побежал к тому табуну. Широкие балки переплагибал в два шага, узкие балки перемахивал в один шаг. Видит, пасется семимиллионный табун. Поздоровался с табунищиком Дамбин-Улан и спросил:

— Есть ли в табуне моего отца копь, достойный меня?

Но старший табунищик не ответил ему, а спросил:

— Кто ты такой, отвечай мне, кто твой отец?

— Знай же: Дамбин-Улан отныне имя мое. Отец мой — Довджи-Цаган-хан, который семь поколений не воевал.

— Время, видно, пришло хану великому воевать, потому и родился у хана сын-богатырь. В сиянии солнца пасется семь миллионов голов. Неужели и здесь не найдется коня для тебя?

И свистнул табунищик и крикнул табунищик, и семь миллионов голов растянулись в цепочку и побежали по тропке копь за копом. Дамбин-Улан осмотрел всех пробежавших коней, но не было среди них подходящего коня для него. Снова заплакал Дамбин-Улан и сказал:

— Не смог, за семь поколений не смог мой отец подготовить коня для меня!

Тогда ему старший табунищик сказал:

— Есть за горами в долине еще один небольшой табун. На сочной траве пасется тысяча лучших коней. Во главе табуна стоит гнедой жеребец. Шерсть у него так коротка, что нельзя ущипнуть. Чуткие уши всегда стоят у него. Глаза, как

ночные костры, горят у него. В том табуне ты и найдешь коня для себя.

Дамбин-Улан побежал к тому табуну. Широкие балки перешагивал в два шага, узкие балки перемахивал в один шаг. Высокие горы в двадцать шагов перелез. Видит: на лучшей траве в долине пасется табун. Мальчик сразу приметил стройного жеребца, черногубого гнедого красавца, охрапявшего весь косяк. Поздоровался он с табуницей и спросил:

— Есть ли в лучшем табуне моего отца конь, достойный меня?

— А кто ты такой? — табуница спросила его, — кто твой отец?

— Дамбин-Улан — так люди зовут меня, — ответил батыр, — отец мой — великий Довджи-Цаган-хан, который семь поколений не воевал!

— Время, видно, пришло хану великому воевать. Вот почему у него родился сын-богатырь.

Свистнул табуница в два пальца, и побежал табун, побежал мимо них по тропинке конь за конем. Внимательно Дамбин-Улан следил за каждым конем. Но не нашел и здесь богатырь коня для себя. Снова заплакал Дамбин-Улан и сказал:

— Нет, не сумел за семь поколений отец подготовить коня для меня!

Тогда старый табуница сказал:

— Есть темно-гнедая кобыла у нас. Семь лет исполнилось этой кобыле сейчас. Очень короткая гладкая шерсть у нее. Каждый год второго апреля жеребится она. Но из лесу в этот момент выплзает огромный змей. И жеребенка мигом съедает огромный змей. Сегодня кобыле жеребится пришла пора. Сегодня кобыла к лесу ушла с утра.

И Дамбин-Улан к лесу скорей побежал. Широкие балки перешагивал в два шага, узкие балки перемахивал в один шаг. По следу кобылы на юго-восток идет. Видит: по следу кобылы ползет огромный змей. Вырвал тяжелый тополь Дамбин-Улан. Обогнал он змея и стал терпеливо ждать. Змей поровнялся с ним, и ударил Дамбин-Улан тяжелым тополем змея по голове. И начал яростно змей гремящим хвостом хлестать. Увернулся Дамбин-Улан от ударов его хвоста. И снова

его ударил, и змей, изогнувшись, затих. Разжег огромный костер Дамбин-Улан. Змея порубил на куски, а куски на костре спалил. И дальше по следу кобылы еще быстрее побежал. Видит: темно-гнедая кобыла на опушке стоит. Жеребенок жадно сосет добрую мать. Бросил Дамбин-Улан на жеребенка аркан и изо всех богатырских сил к себе его потащил. Но жеребенок пустился вскачь, пытаясь вырваться из петли, и Дамбин-Улана легко за собой поволок. Устоять попытался Дамбин-Улан — по поясу в землю зарылся он. Но жеребенок выдернул его из земли и опять за собой поволок. По плечи зарылся Дамбин-Улан и жеребенка сумел удержать. Тогда жеребенок гордо его спросил:

— Имеешь ли право ездить на мне, человек?

— Отец мой — великий хан Довджи-Цаган, который семь поколений не восвал, — отвечал богатырь. — Дамбин-Улан — так люди зовут меня. В трех табунах моего отца я искал коня. Но нигде достойного коня не нашел. И тогда мне старый табушник сказал: «Есть темно-гнедая кобыла у нас. Семь лет исполнилось этой кобыле сейчас. Очень короткая гладкая шерсть у нее. Каждый год второго апреля жеребится она. Но из лесу в этот момент выползает огромный змей. И жеребенка миглом съедает огромный змей. Сегодня кобыле жеребится пришла пора. Сегодня кобыла к лесу ушла с утра». По следу этой кобылы я побежал. Огромного змея топором я убил. Тебя, жеребенок, от жадного змея спас.

— Если так, я буду тебе служить, — жеребенок сказал. — А пока отпусти меня. Я должен окрепнуть, материнского молока пососать.

Три дня жеребенок добрую мать сосал. На четвертый день стал он взрослым конем.

Вместе они вернулись домой.

— Пусть жеребенка зовут Давшурин-Хурдун-Хара, — сказал Довджи-хан.

Дамбин-Улан пустил коня своего в табун.

Однажды с ребятами в бабки играл богатырь. Вдруг из малого хурула прибежал манджик, разбросал все бабки и убежал. Дамбин-Улан догнал его и на землю свалил. Манджик ему сказал:

— Я малосильный, меня легко победить. А вот живет на

свете Бор-Улан-хан, лихой богатырь. Тридцать три храбрых богатыря в дружине его. Сейчас он пирует, а после пира пойдет в поход. В поход против Довджи-Цаган-хана, твоего отца. Бор-Улан-хан — противник, достойный тебя. С ним потягайся, силу свою покажи.

Поднял манджика Дамбин-Улан и спросил:

— А где живет Бор-Улан, лихой богатырь?

— На юго-востоке, — ответил ему манджик.

На другое утро из среднего хурула прибежал манджик и бабки разбросал. Дамбин-Улан догнал его и свалил.

— Я малосильный, — манджик ему закричал. — А вот живет на свете Бор-Улан-хан, лихой богатырь. Тридцать три храбрых богатыря в дружине его. Сейчас он пирует, а после пира пойдет в поход. В поход против Довджи-Цаган-хана, твоего отца. Бор-Улан-хан — противник, достойный тебя. С ним потягайся, силу свою покажи.

Поднял манджика Дамбин-Улан и спросил:

— А где живет Бор-Улан, лихой богатырь?

— На юго-востоке, — ответил ему манджик.

На третий день из большого хурула прибежал манджик. Бабки Дамбин-Улана манджик разбросал. Сбил его наземь, рассерженный Дамбин-Улан. А манджик про Бор-Улан-хана рассказ повел.

— На юго-востоке живет твой враг, — закончил манджик.

Дамбин-Улан обо всем рассказал отцу.

— Я пойду навстречу врагу, — сказал богатырь. — У Бор-Улана есть нестро-серый конь. Красавца-коня я себе заберу, чтобы в гости ездить на нем. Хапиу-красавицу, которой вечно пятнадцать лет, в жены себе заберу. Богатырей Бор-Улана в плен возьму, чтоб в моих походах охраняли они меня. А самого Бор-Улана разрежу я на куски и по степи разбросаю, чтоб птицы съели его.

Довджи-Цаган-хан сыну ответил так:

— Милый мой сын, ты еще не окреп, рано тебе воевать. Ты мало еще сосал материнского молока.

— Нет, — сказал храбрый Дамбин-Улан, — разве могу я ждать, пока враг с войсками явится в нашу страну. Бить надо врага на его земле, потому что враг, пришедший в чужую страну, в победе уверен всегда.

Вышел из дому Дамбин-Улап и табуицику закричал:
— Эй, табуицик, седлай Давшурин-Хурдун-Хара, храброго моего коня!

Родителям он сказал:

— Вооружайте меня всем, что вы для меня принасли.

Мать принесла оружие и доспехи его. Надел богатырь сапоги, которые шила тысяча мастеров. Надел на себя семьдесят крепких бешметов один за другим, слева короткую саблю повесил, справа — стальной кинжал. В правую руку взял сплетенную из бычьей шкуры тяжелую плеть. Рукоятку сандаловую сжал, и по пальцам его потек светлый сандаловый сок.

Табуицик его Кюдр-Цаган-Мерчи копя Давшурин-Хурдун-Хара к нему подвел. Конь свою силу в крепкий крестец собрал, скорость свою к резвым ногам собрал, зоркость свою к черным глазам собрал, чуткость свою к длинным ушам собрал, красоту свою собрал к широкой груди: «Эй, где ты враг, не тань, выходи!» Готов к большому походу могучий конь.

Дамбин-Улап к походу тоже готов. На прощанье поел богатырь того, чего никогда не ел. На прощанье родителям молитву дал, что с победой придет домой.

— Да будет счастливым твой путь, сынок, — сказал на прощанье отец. — Да пусть никто не догонит тебя, да ни один из смертных не сломит тебя, да ни один живой не свалит тебя. Возвращайся с победой скорей.

Богатырь лишь коснулся стремян — очутился вмиг на коне. Лишь поводья он натянул — очутился в чужой стороне. Ничто не сдержит теперь стремленья его. Юго-восток теперь направленья его. Много дней и ночей он летел. Вот на пути сто восемь хурулов стоят. Слева направо, по ходу солнца подъехал к ним богатырь *. Конь его походу так искусно бежал, что крушые травы ногами не задевал, тонкие травы ногами не шевелил. К главному хурулу подъехал Дамбин-Улап. Главному ламе сказал он такие слова:

— Бор-Улан-хан на юго-востоке живет. Еду к нему, буду сражаться с ним. Тело его разрежу я на куски и по степи разбросаю, чтоб птицы съели его. Ханшу-красавицу, которой вечно пятнадцать лет, в жены себе возьму, коня нестро-серого тоже себе возьму, чтобы в гости ездить на нем, богаты-

рей Бор-Улана в плен заберу, чтобы в походах моих охраняли меня.

— Милый маленький Дамбин-Улан, — лама сказал, — ты еще не окреп, рано тебе воевать. А тот богатырь живет далеко-далеко.

Быстро встал отважный Дамбин-Улан. Гневом сверкали острые его глаза.

— Думал я, что вы благословите меня, — он сказал.

Мигом на Давшурии-Хурдун-Хара, копя своего, вскочил. Слева направо, по ходу солнца объехал сто восемь хурулов и на юго-восток поскакал. Семью семь — сорок девять дней мчался Дамбин-Улан. Не замечая ни времени, ни пространства, гнал своего коня. На высокую гору взлетел и начал с вершины смотреть. Зоркими своими глазами видел далеко-далеко. И увидел вдали старика, охранявшего скот.

— Отец, чей вы насете скот? — подъехав, спросил богатырь.

— Это скот Довджи-Цаган-хана, — ответил старик. — А ты, малыш, кто такой, чей ты сын?

— Отец мой — великий Довджи-Цаган-хан, я — Дамбин-Улан, оду Бор-Улан-хана покорять.

— Нет, малыш, ты еще не окреп, чтоб драться с богатырем. Он уже третий год готовится к страшной войне. Хочет он покорить нашу страну.

— Разве можно так говорить, когда враг к бою готов! — воскликнул Дамбин-Улан.

Прыгнул он на коня, ударил плетью его восемь тысяч раз и дальше, на юго-восток скорей поскакал.

Давшурии-Хурдун-Хара так скакал, что передние ноги на день уходили вперед. Кто спереди на коня смотрел, думал, что это степной серый заяц бежит, кто сзади на коня смотрел, думал, что это звонкая стрела летит, кто сбоку на коня смотрел, думал, что это пуля из ружья летит, кто сверху на коня смотрел, думал, что это быстрокрылая птица летит, а кто снизу на коня смотрел, думал, что это могучее море шумит. В нитку вытягивался конь, подбородком отталкивался от земли. От дыхания Аранзала-коня травы ложились плашмя, а пыль от копыт коня подымалась до самых небес. Долго мчался отважный Дамбин-Улан. Достиг, наконец, великой

снежной горы. Валетел он на гору, слез с коня и начал зорко смотреть. Но нигде-нигде ничего не увидел он. Снова сел на коня и на юго-восток поскакал. Семью семь — сорок девять дней мчался вперед. И вот на восходе увидел он, наконец, сияющий желтой крышей большой золотой дворец. Это и был Бор-Улаи-хана главный дворец. Казалось, в воздухе небывалый дворец висит. Нет никакой опоры внизу, нет никакой заценки вверху. Подъехал смело к нему храбрый Дамбин-Улаи. У пестро-черного знамени хана коня своего привязал. Правой рукою плетъ свою крепко сжал. Дверь распахнул и быстро пошел во дворец. Он увидел пирующих богатырей. Семерых одним шагом перепрыгнул и в дальнем углу, поближе к хану, сел на ширдык. Подносчик вина наполнил огромную чашу вином и поднес ее четырем богатырям, соседям Дамбин-Улаи, а его обошел.

«Как же так получается, и ведь гость, а мне не хотят поднести вина?!» — подумал Дамбин-Улаи. Подносчик с чашей снова его обошел.

«Может, у них обычай такой: сначала дважды своим поднести, а потом уж гостям», — подумал Дамбин-Улаи. Но и в третий раз подносчик его обошел. И тогда схватил подносчика Дамбин-Улаи. За правую руку подносчика он схватил.

— Ты, видно, привык ханским богатырям угождать! — крикнул он и так его оттолкнул, что вылетел тот из дворца.

Чаша была так велика, что ее едва поднимали семьдесят человек. Но подносчик был богатырь. Он один ее поднимал. Дамбин-Улаи ввзял чашу одной рукой, палил в чашу вина и мигом ее осушил. Так он выпил семьдесят чаш подряд. При каждом шаге земля проваливалась под ним — так он окреп.

— На слабой почве построили вы дворец, — с усмешкой сказал богатырь.

Раскрасневшийся на свое место сел Дамбин-Улаи. Вынул из кармана трубку с голову быка, с верблюжьей голову охалку табаку в нее положил, прикурил от огромной, с лошадиную голову тлеющей головни и начал курить-дымить. И услышал разговор богатырей:

— Как говорится, добыча сама волку в пасть бежит, сам к нам пришел, голыми руками сейчас мы его возьмем.

В это время лихой богатырь хан Бор-Улаи сказал:

— В гости к нам приехал один человек. Надо его угостить, а потом расспросить, зачем он приехал к нам.

Тогда подносчик вина огромную чашу поднес ему. Выпил Дамбин-Улан семь чаш одну за другой. Встал и начал прохаживаться взад-вперед. И громко сказал:

— Отец мой — Довджи-Цаган-хап, который семь поколений не воевал, я — Дамбин-Улан, конь мой — Давшуриг-Хурдун-Хара. Слыхал я, что хочешь ты напасть на нашу страну. Вот и приехал я опередить тебя. Слыхал я, что втрое ты сильнее меня. Вот и приехал я победить тебя. Коня твоего Боденгиг-Бора себе возьму, чтобы в гости ездить на нем, красавицу-ханшу, которой вечно пятнадцать лет, в жены себе возьму, богатырей твоих в плен заберу, чтобы в походах моих охранял они меня, тебя самого разрежу я на куски и по степи разбросаю, чтоб птицы съели тебя.

— Ха-ха-ха, — будто гром загремел, засмеялся хан Бор-Улан. — Что-то руки мои чесались последние дни. Вижу, не зря. Сам противник явился ко мне. Эй, седдайте скорее Боденгиг-Бора, храброго моего коня! Мужчины умирают в дикой пустынной глуши! Едем в далекую степь!

И вот Бор-Улан и Дамбин-Улан, два бесподобных богатыря, на храбрых своих конях рядом поехали в степь. Наконец достигли дикой пустынной глуши. Слезли они с коней, развели костер, заварили чай. Белоснежный шатер поставил каждый себе. Вытащили трубки свои с бычьей головой величиной, набили их табаком и начали тихо курить, дым выпускать. Каждый в своем шатре белоснежном лежал. Потом залились крепкого чаю они. Оседлали храбрых коней, и битва их началась.

Плетьми тяжелыми долго билась они. Мечами стальными долго рубились они. Вились, пока плети окованные не расплелись. Рубились, пока мечи не рассыпались на куски. Тогда пиками стали друга друга колотить. Но никто не мог выбить противника из седла. И сказал отважный Дамбин-Улан:

— Не будем мучить наших ни в чем не повинных коней.

Слезли они с коней, пустили коней пастись. Кожанные шаровары свои подвернули они до колен. Сняли бешметы, тела свои белые обнажив. И началась борьба. По одиннадцать тысяч раз друг друга они трясали. Но оба стояли как каменные

столбы. Наконец, лихой Бор-Улан Дамбин-Улана от земли оторвал и держал его на весу семь дней и ночей, думая думу, как его одолеть. Наконец, сказал Бор-Улан:

— Последнее слова свои говори. Сейчас я тебя задушю!

И ответил Дамбин-Улан:

— На далекой родине малышом я перебарывал всех. И еще не успел тебе все ловкости свои показать.

Тут он все мускулы свои напряг, освободился, а самого Бор-Улана подбросил вверх. Когда Бор-Улан, достигнув небес, падал назад, Дамбин-Улан бешметом его подхватил и на землю упасть не дал. Держа Бор-Улана в руках, с усмешкой спросил:

— Куда это вы летали, храбрый батыр?

— К облакам подняться решил, чтобы напиться пресной воды,— процедил Бор-Улан.

Дамбин-Улан воткнул Бор-Улана в землю на девять локтей, назад его выдернул и громко ему сказал:

— Три обиды есть у мужчины, говори свои, Бор-Улан.

— Нет у меня обид, можешь меня убить.

Тогда сказал отважный Дамбин-Улан:

— Давай помиримся, давай будем братьями, Бор-Улан.

Но Бор-Улан, насупившись, промолчал. Лишь на третий раз ответил хан Бор-Улан:

— Да, я согласен, буду братом твоим. Скорей поедем в мой золотой дворец и устроим в честь нашего братства великий пир.

Семью семь — сорок девять дней пировали богатыри. Наконец, храбрый конь Давшурин-Хурдуп-Хара к Дамбин-Улану подошел и сказал:

— Эх ты, человек, а не вспомнишь свой дом родной! А я соскучился по матери по своей. Жеребенком ты взял меня. Ведь я не успел досыта поесть материнского молока.

И в степь побежал. Вихрем выскочил из дворца отважный Дамбин-Улан, а конь его еле виден был. И крикнул он вслед коню:

— Не человек я без тебя, а ты без меня не конь!

Услыхал и вернулся конь.

Пировал еще семь дней отважный Дамбин-Улан. Потом Бор-Улану сказал:

— Когда я из своей страны уезжал, взять в плен богатырей обещал. Твою ханшу, которой вечно пятнадцать лет, тоже должен забрать в плен.

Отвернувшись, заплакал лихой богатырь Бор-Улан. А потом посмотрел, улыбнулся и так сказал:

— Все это я выполню, брат мой, Дамбин-Улан. Я их сам к тебе приведу. Спокойно домой поезжай.

Долго-долго ехал Дамбин-Улан. Вот стоит большая гора. Влетел на нее богатырь и начал смотреть вокруг. Но нигде не увидел ни души. С удивлением он произнес:

— На три локтя пеба не достает дворец моего отца. Почему же нигде не видно его? Куда девался дворец?

Снова сел на быстрого своего коня и снова вдаль поскакал. Когда же, проехав сорок девять дней, он достиг родной стороны, увидел богатырь, что дворец отца разрушен злобыным арагом. Проехал дальше и увидел, что разграблена вся страна.

Обрывок желтой бумаги заметил Дамбин-Улан. Бумагу он поднял, было на ней письмо:

«Семь великанов-мусов напали на нашу страну. Все разорили, угнали и скот и людей. Сын наш любимый, милый Дамбин-Улан, если живым вернешься, нас не щип. Еда для тебя зарыта там, где был наш очаг, одежда зарыта там, где ты раньше спал. Оружие зарыто там, где лежало всегда».

Дамбин-Улан быстро все откопал. Поел в дороге того, чего никогда не ел. Надел на себя одежду, которую никогда не носил. Взял оружие, которое никогда не брал. И вдаль поскакал по следам, по которым угнали его родных. По дороге он увидел табун, посущийся под холмом. Коня своего несравненного в плохонького конька превратил, сам превратился в нищего и, к табунчику подойдя, спросил:

— Нельзя ли из вашего табуна что-нибудь взять поесть.

— Раньше, когда Довджи-хану принадлежал табун, я бы дал тебе пять голов, но теперь он мусам принадлежит. И если жеребенок пропадает, у нас вырезают по ремню из спины. Но наш бедный Дамбин-Улан где-нибудь голодает, как и ты. Возьми вот кобылицу, поешь.

Взял кобылицу Дамбин-Улан. Сварил кобылицу и начал

есть. Крушные кости выплевывал изо рта, мелкие кости выдувал через нос.

Сел на коня и дальше поехал он. А табунщики, глядя вслед, начали говорить:

— Как похожа на походку Давшуурин-Хурдун-Хара походка коня! А сам седок на Дамбин-Улана чем-то похож.

Подошли они к тому месту, где Дамбин-Улан мясо варил, и увидели, что большие кости обглоданы целиком.

— Дай бог нашему Дамбин-Улану так же поесть, — сказали они.

А Дамбин-Улан ехал по следу семь дней. И вот, наконец, кибитку он увидал. У кибитки сидела старушка с одной косою.

— Эй, женщины, — сказала старушка, — время доить кобыл.

Когда женщины со старушкой ушли к табуну, Дамбин-Улан в кибитку вошел и выпил весь их чиган. А архад, в который налит был чиган, перевернул вверх дном.

Вернулась старушка и видит: кто-то в кибитке спит. А архад перевернутый где-то в углу лежит. И закричала старушка:

— Что за шулма! Пришел и без спроса выпил весь мой чиган!

И начала старушка его терзать, бешмет на его плечах богатырских рвать. И вдруг заметила родинку на лопатке его. Такая родинка была лишь у сына ее. Ноги у нее подкосились, и она упала без чувств. Поднял мать могучий Дамбин-Улан.

— Что с вами случилось, в чьих вы руках? — спросил.

— Мы в руках семи людоедов-мусов, — отвечала мать. — Отца твоего держит мус у себя. Каждый день человеческим мясом кормит его. Раз в неделю старуха-шулма отца твоего съест. Теплую кровь человеческую старуха пьет.

— Что надо сделать, чтоб вас освободить?

— Это очень трудное дело, — ответила мать. — Вон смотри: в тех трех тополях два шулмуса сидят. В полдень они выходят на солнышке поиграть, потом возвращаются в тополя отдыхать, а вечером идут людей поедать. Ты должен осторожно подойти, пока шулмусы спят, вырвать тополь и их на месте убить. Потом к братьям-мусам иди. Мусам скажи: «Враг утащил самых лучших ваших друзей». Мусы будут

друг другу говорить: «Ты иди отбивать друзей! — Нет, ты иди отбивать!» Подерутся они и друг друга быстро перебьют. Тогда к Сохор-Баавину, старшему мусу, иди. «Ваших друзей и братьев какой-то батыр угнал», — скажи. Сохор-Баавин тогда закричит: «Давно я тебя поджидал, сейчас я тебя проглочу!» Ты от него убегай, старайся, чтоб мус тебя не схватил. Из черепа муса черные нитки начнут выходить. Постарайся нитки схватить — в нитках его душа. Когда Сохор-Баавин умрет, захвати его каменного коня. Но только в пещеру не заезжай — в пещере войска стоят, они узнают коня и вступят в бой. Коня убей, разруби, сожги, а пепел брось в океан. Шулма же, которая каждую неделю пьет кровь твоего отца, сегодня к нему придет. Насосавшись крови, она на трое суток ложится спать. Поезжай к отцу, узнай, где старая спит, убей, разруби, сожги, а пепел брось в океан.

Так закончила мать.

В это время шулмусы вылезли из тополей, поиграли на солнышке, покувыркались и залезли в деревья спать. Все выполнил Дамбин-Улан, что ему говорила мать. Шулмусов убил, мусов поспорил, так что они перебили друг друга. Всех их разрезал, сожг, а пепел выбросил в океан. Потом пошел к Сохор-Баавину и сказал:

— Ваших друзей и ваших братьев какой-то батыр угнал.

— Давно я тебя поджидаю, сейчас я тебя проглочу! — закричал ему мус в ответ. И бросился на него. Дамбин-Улан побежал, уворачиваясь от него и успевая бить его плетью по голове. Черные нити из черепа муса начали выходить. Схватил эти нити Дамбин-Улан и в степь поскакал. Долго скакал, пока нити вытянул до конца. В этот момент Сохор-Баавин свалился с коня. Тогда поймал каменного коня отважный Дамбин-Улан. Коня убил, разрубил, сожг, а пепел выбросил в океан.

Приехал к отцу. Видит: отец связанный по рукам и ногам сидит, а старуха-шулма зубы вошла в него и кровь из него сосет.

— Отец, разреши зарубить эту шулму, — сказал богатырь.

Ведьму убил, разрубил, сожг, а пепел выбросил в океан. Развязал отца, к матери его отвез.

— Отдыхайте, отец и мать, — ласково им сказал.

Сам тут же лег и заснул. Пришло к нему, что бьет его кто-то по голове. Мглом проснулся отважный Дамбин-Улан. Видит: хвосты шулмусов выюются вокруг него. Выхватил острую саблю и начал хвосты рубить. Очень юркие были хвосты, долго он их рубил. Наконец, разрубил оба хвоста на куски.

Так уничтожил всех врагов богатырь.

Собрались люди его великой страны и двинулись все на посток.

Когда подъехал к своим владениям храбрый Дамбин-Улан, он увидел, что брат его Бор-Улан уже ждет его. Коня своего Боденгин-Бора с собой Бор-Улан привел, красавицу-ханшу, которой вечно пятнадцать лет, тоже привел. Тридцать три храбрых богатыря рядом с ханом стоят.

Встретились два кочевья и начали пировать. Семью семь — сорок девять дней длился великий пир.

А потом отважный Дамбин-Улан отпустил Бор-Улана домой вместе с богатырями, женой и конем.

Ничего он себе не взял!

Эрин-Сян-Сеняка

авным-давно жил белобородый старик. Был у него белый одногорбый верблюд. И был у него единственный сын, которого звали Сомпан-Дельдинг.

Однажды старик почувствовал, что пора ему отойти в мир многомудрых тепгршев, и вот что он сыну сказал:

— Сын мой, я очень скоро умру. Здесь, на этом месте, меня и похорони. Гелюngu, который будет молитву надо мною читать, подари верблюда, кибитку и все добро. А сам иди туда, где солнце встает. Иди на восток, пока не встретишь дворец. В этом дворце живет хан Ики-Сапап. По ходу солнца, по обычаям предков ко дворцу подойди. Там ты встретишь

трехлетнего сына великого хана. Его зовут Эрин-Сян Сеника. Подойти к юному богатырю и скажи: «Живет на свете девушка, ваша суженая красавица. Зовут ее Гегиан-Герел. Щеки у нее красны, как спелое яблоко». Эрин-Сян схватит тебя за руку и спросит: «Где, где живет моя суженая красавица Гегиан-Герел?» А ты ответь так: «Она живет в юго-западной стороне. Так далеко находится этот край, что если птица филин вздумает туда полететь, трижды яйца успеет филин снести, трижды птенцов выведет филин в пути».

Такими словами закончил речь белобородый старик. Тут же он поплотился во Всеведущего Белого старца и через орко вознесся на небо.

Сомнан-Дельдинг выполнил все, что приказал отец.

Белого одnogорбого верблюда, кибитку и все добро подарил гелюngu, который читал молитвы над телом отца.

А сам пошел туда, где солнце встает. Шел он долго, шел семью семь — сорок девять дней. И вот увидал золотой дворец, о котором ему говорил отец. Этот дворец нигде не касался земли и на три локтя неба не доставал. В воздухе этот дворец золоченый висел. Сияние солнца восхода испускала крыша его.

Сомнан-Дельдинг по ходу солнца, по обычаям предков обошел дворец. И увидел Эрин-Сяна, трехлетнего богатыря. Сомнан-Дельдинг поздоровался с богатырем и сказал:

— Есть на свете девушка, ваша суженая красавица. Зовут ее Гегиан-Герел. Щеки у нее красны, как спелое яблоко.

Эрин-Сян схватил его за руку и закричал:

— Где, где живет моя суженая красавица Гегиан-Герел?

— Она живет в юго-западной стороне. Так далеко находится этот край, что если птица филин вздумает туда полететь, то трижды яйца успеет филин снести, трижды птенцов выведет филин в пути.

Эрин-Сян подарил Сомнан-Дельдингу золота полный мешок и побегал к отцу.

— Миллионы кибиток вам подвластны, отец, — сказал богатырь, — по не нашелся среди ваших подданных такой человек, который дал бы мне мудрый совет. А мальчик, который с запада к нам пришел, сказал мне, где живет моя суженая красавица Гегиан-Герел. Ведите скорее моего золото-

буланого неутомимого копя, подайте мне оружие и доспехи, которые я еще не надевал. Поеду на юго-запад суженую мою искать, невиданную красавицу, невесту Регян-Герел.

Табушник привел золото-буланого неутомимого копя. И Эрин-Сян начал его седлать. Сначала положил нежный белый подпотник, потом серебристый потник. Положил крепкое, как наковальня, седло, положил подушку с бронзовой оправой. Надел нагрудник с серебряными колокольчиками. Подруги натянул так, что затрещали ребра копя. А уздечку, медью-бронзой изукрашенную, издали подбросил к голове копя. Копь сам белыми крепкими зубами схватил черно-стальные гремящие удила. После этого он всю свою буйную силу в крепкий крестец собрал, скорость свою к высоким копытам собрал, зоркость свою к острым главам собрал, чуткость свою к длинным ушам собрал, красоту свою собрал к широкой груди.

А Эрин-Сян тем временем черно-серебристую кольчугу надел, слева повесил из желтой стали тяжелый меч, справа прицепил красное несгибаемое копьё. За спину повесил желтый лук с бешеной белой стрелой. Взял он плетъ, сплетенную из шкур трехгодовалых быков, туго сплетенную плетъ с узором спяны ядовитой змеи. Черным стальным наконечником был окован ее конец. Мясо легко отделяла она от костей. Желтый саидаловый черенок ее сжал Эрин-Сян, и по пальцам его капал сок каплями величинной с воробья.

Готов к походу копь. Готов к походу батыр.

Чуть коснулся стремени Эрин-Сян — как искра взлетел на копя.

— До свидания, отец, до свидания, мать! — крикнуть успел богатырь.

Копь ушами чуть-чуть успел повести и исчез среди белого дня.

Без остановки мчался батыр семью семь — сорок девять дней. Копь золото-буланый, Алтан-Шарга, передние ноги ставил на сутки вперед. Кто спереди на копя смотрел, думал, что это степной серый заяц бежит, кто сзади на копя смотрел, думал, что это звонкая стрела летит, кто сбоку на копя смотрел, думал, что это пуля из ружья летит, кто сверху на копя смотрел, думал, что это быстрокрылая птица летит, а кто

снизу на коня смотрел, думал, что это могучее море шумит. В нитку вытягивался конь, грудью отталкивался от земли. От дыхания чудо-коня травы ложжились плашмя, а пыль от его копыт поднималась до самых небес.

И вдруг неутомимый конь его как вкопанный стал.

— Что такое? — удивленно спросил богатырь.

— Впереди показался небесный бык, — ответил Алтан-Шарга.

— Я богатырь, а ты мой конь. Так нам ли бояться теленка, который сошел с небес?

Тронул поводья Эрн-Сян, и конь галопом пошел вперед. А навстречу бежал небесный бык, тяжелый, как сто быков. Низко голову наклоня, рога уставя вперед, бежал красно-пестрый бесстрашный бык с гору величиной. Бежал он так, что от бега его глухо стонала земля. Дышал он так, что от гнева его ветер гудел-свистел.

Эрн-Сян зарядил свой желтый лук бешеной белой стрелой и пустил ее прямо в шею быка. И голову ему оторвал!

Быка разрезал, сварил и съел. Крупные кости выбрасывал взо рта, мелкие кости выдувал через нос.

Сел на коня и снова вперед поскакал. И скоро конь его снова как вкопанный стал.

— Что такое? — опять спросил богатырь.

— Впереди стоит небесный буря, — ответил Алтан-Шарга.

— Нам ли бояться верблюжонка, который сошел с небес? А ну, скорее вперед!

И поскакали прямо навстречу ему. Сердитым ревом встретил их грозный верблюд. Но Эрн-Сян бешеной белой стрелой зарядил свой надежный лук... И голову буре оторвал. И с ним расправился так же, как с красно-пестрым быком.

Поскакали дальше. И снова стал и замер отважный конь.

— Что случилось? — спросил Эрн-Сян. — Что ты теперь увидал?

— Впереди широкая, как море, река. Ни перелететь, ни переплыть.

— Нам ли с тобой бояться воды? Едем, едем вперед!

И вот подъехали к самой реке. Эрн-Сян говорит копы:

— Сейчас я пущу лихую стрелу, ударю ею по воде. Вода расступится под стрелой, и на миг покажется дно. Ты дол-

жеи вслед за стрелой бежать и вмиг пересечь реку, быстрее ветра бежать по дну, пока не сомкнулась вода! А если не сможешь, то я тебя не буду считать конем!

И в подтверждение клятвы своей он вынул свой желтый меч и трижды холодную сталь обливал. И ударил плетью коня. Тогда его конь могучий сказал:

— Держись на мне, Эрин-Сян! А не удержишься — я за тобой в воду не возвращусь. Если сползешь с моего бедра — не буду тебя считать достойным богатырем!

И в подтверждение клятвы своей конь трижды ковыль закусил. Подпрыгнул на месте он девять раз, и пустил богатырь стрелу! И вслед за нею рванулся конь и так пробежал по дну, что ни одним копытом воды не задел и на берег вышел сухим.

Снова вперед Эрин-Сян поскакал и во владения Гетлегчи-хана примчался за семь недель.

Он увидел несметный табун за хлямом.

— Эй, табунишки, чьих вы пасете коней?

— Это табун Гетлегчи-хана, мудрейшего из людей.

— Дайте хоть жеребенка поесть, я очень давно не ел.

Гладкую жирную кобылицу табунишки дали ему.

— Бери кобылицу, пожалуйста, ешь, у хана много скота!

Эрин-Сян ее быстро зарезал, сварил и с удовольствием начал есть. Крупные кости выплевывал изо рта, мелкие выдувал через нос. Табунишки подошли посмотреть на кости, когда Эрин-Сян ускакал. Белые, чисто обглоданные на солнце сверкали они. И табунишки восхищения не смогли удержать.

— О, это был настоящий батыр!

А Эрин-Сян на своем неутомимом коне все дальше скакал и скакал.

И вот в сиянии солнца восхода он увидел дворец, который на три локтя неба не доставал. Было непонятно, что ярче светит: солнце или крыша дворца. Красным золотом и желтым золотом был он щедро покрыт. Эрин-Сян по обычаям предков подъехал к дворцу, Эрин-Сян слева направо подъехал к дворцу, Эрин-Сян по ходу солнца подъехал к дворцу. Конь его легкой иноходью бежал, крупные травы копытами не задевал, тонкие травы дыханием не шевелил.

У белого знамени хана богатырь коня привязал. Двадцать дверей дворца открыл одну за другой. По-ученому поклонился хану и сел на ширдык.

— Гость приехал к нам из чужой страны. Надо его угостить, а потом расспросить, — сказал седовласый хан.

После угощения богатырь сказал:

— Отца моего зовут Ики-Саван. Меня зовут Эрин-Сян-Сеняка. Кося моего зовут Алтап-Шарга. Я приехал сватать вашу дочь, суженую мою красавицу Гегян-Герел. Я приехал, чтобы вашим сыном стать. Моя страна находится так далеко, что если птица филин вздумает туда полететь, то трижды яйца успеет филин снести, трижды птенцов выведет филин в пути.

— Что ж, скотине скотина, а человек человеку, — ответил мудрейший хан. — Мы возражать не будем.

И устроил великий пир. Приехали на этот пир все нойоны и богатыри. Собрались на великий пир все подданные его.

В самый разгар веселья ханский батыр Бяр-Улап, выпив одну за другой семнадцать пиал хорзы, встал и крикнул так, что дрогнул дворец:

— Что вы делаете, наш несравненный хан? Вы согласились отдать чужестранцу вашу Гегян-Герел, красавицу, которая светом своим по утрам спорит с зарей. Разве нет в вашем собственном неизмеримом ханстве достойного богатыря? Разве нет достойного среди нас, бесстрашных, как барсы, богатырей?

И выбежал из дворца. Эрин-Сян-Сеняка встал и выбежал вслед за ним.

— Ты хорошо сделал, что вышел за мной, — сказал Бяр-Улап. — Ты правильно понял меня. Да, я должен тебя убить. Мужчины умирают в степи. Собирайся, поедем в степь!

Эрин-Сян ответил:

— Я согласен тебя убить. Едем скорее в степь, заносчивый богатырь!

Оседлали они коней и помчались в степную глушь.

— Где будем драться, — спросил Бяр-Улап, — в балке или в открытой степи?

— В балку люди ходят оправляться, а богатыри дерутся в открытой степи! — пряча ушешку, сказал Эрин-Сян.

— Как будем драться: плечами-лопатками, которые дали нам мать и отец, или оружием, которое сделали нам мастера? — снова спросил Бяр-Улан.

— Сначала испробуем оружие, которое сделали мастера.

Бились плетями, пока плети окованные не расплелись. Рубились мечами из желтой стали, пока не рассыпались они на куски. Копьями друг друга кололи, стараясь в главную жилу, под самое сердце попасть.

Но были неуязвимы бесстрашные богатыри.

Тогда Эрин-Сян сказал:

— Больше не будем мучить паших ни в чем не повинных коней, которые едят лишь степную траву. Померяемся теперь силой плеч-лопаток, ведь мы мясо едим!

Слезли они с коней. Пустили коней пастись. Кольчуги свои и бешметы свои сняли они. Богатырские белые мощные груди и спины обнажили они. Шаровары из шкур четырехгодовалых красных быков выше колен подвернули они. И начали сходитьсь издалека. Шли, как верблюды, гордо, шли кружка, как ястребы, шли шагами борцов. И, наконец, сошлись. Сшиблись так, как рогами сшибаются два барана. Треск по земле пошел, затрещали кости плеч. Сшиблись так, как лбами сшибаются два быка. Гром над землей загремел и закачалась земля.

Подбрасывали они друг друга по одиннадцать тысяч раз. Там, где стояли горы, образовались моря, там, где были моря, горы встали стеной. А они землю все трясли и трясли. Но никто не мог победить. И вот, наконец, Бяр-Улан Эрин-Сяна схватил и вогнал его в твердую землю на семь локтей.

— Три обиды есть у мужчины. Говори свои, богатырь! — грозно сказал Бяр-Улан.

— Убивай! — сказал Эрин-Сян. — Нет у меня обид.

Снова про обиды спросил Бяр-Улан. И промолчал Эрин-Сян. В третий раз Бяр-Улан спросил, и Эрин-Сян ответил ему:

— Отец на прощанье мне говорил: «Пусть ни конный, ни пеший не свалит тебя!» Вот и обидно мне, что не выполнил напутствий отца.

— А кто твой отец?

— Мой отец — хан Ики-Сапан.

— Так, значит, ты и есть богатырь Эрпи-Сян-Сеняка? — удивленно спросил Бяр-Улап.

— Я и есть Эрпи-Сян-Сеняка.

— Милый! Да я же твой дядя, я брат твоей матери, я — Бяр-Улап!

Он отпустил Эрпи-Сяна и тихо сказал:

— Что ж, забирай пещеру свою Гегян-Герел... И скорее с ней уезжай! Знай, что четырнадцать Черных Богатырей для младшего брата своего решили Гегян-Герел забрать. Очень скоро они приедут сюда. Самый старший из них — великий Хара-Батыр. Руки его крепки, как красный гранит. Даже когда он родился, в кулаках он пламя держал. Он беспощаден. Живым от него еще никто не ушел.

Вернулись они во дворец и начали пировать. Но уже на третий день сказал Эрпи-Сян:

— Время пришло, великий хан, нам уезжать домой.

Хан выделил для дочери половину скота всех четырех родов, и кочевье тронулось в путь. Где была черта, там они шли, где круг — останавливались почевать. Медленно двигались, долго ехали по степям. Наконец не выдержал Эрпи-Сян и сказал прекрасной Гегян-Герел:

— Я поеду вперед на моем золото-буланом неутомимом коне и к твоему приходу построю дворец, а ты вместе с подданными и скотом отправляйся вслед за мной.

Вскочил он на бесстрашного неутомимого коня, и за семь недель примчал его к дому Алтай-Шарга. На три года кочевье он обогнал!

Собрал Эрпи-Сян строителей-мастеров и приказал им построить дворец, который бы на три локтя не доставал небес и был бы красным золотом от земли до вершины покрыт.

А сам начал ездить охотиться с бешеной белой стрелой.

Три года прошло, а Гегян-Герел все нет. Еще три месяца подождал, а ее все нет. Еще три недели прошло — не видно ее. Тогда Эрпи-Сян поехал ее встретить. И увидел кочевье через сутки быстрой езды. Рядом с женой стоял молодой батыр. Было ему около трех лет. Это был юный сын Эрпи-Сяна, прекрасный, как лотос, батыр. Обнял его Эрпи-Сян и назвал Ута-Халга *. Вместе они вернулись домой. Стали жить в золотом дворце.

Однажды уехал охотиться Эрин-Сян и в степи ему встретился страшный черный великан. Он скакал на огромном коне и кричал:

— Где живет хан Ики-Сапан?! Где живет его сын Эрин-Сян?

Увидев Эрин-Сяна, подъехал к нему и спросил:

— Не знаешь ли ты, охотник, где живет богатырь Эрин-Сян? Говорят, он взял себе в жены Гегян-Герел, красавицу, которая светом своим спорит с красной зарей! Я приехал, чтобы Гегян-Герел забрать. Моему младшему брату красавицу я обещал!

Эрин-Сян подумал: «Вот он, Хара-Батыр, тот, о котором мне говорил Бяр-Улан!» И, глядя ему прямо в глаза, сказал:

— Поедем в гости ко мне, храбрый батыр, я тебя угощу, а потом расскажу, где живет Эрин-Сян-Сеняка.

Они приехали в золотой дворец.

Жене Эрин-Сян сказал:

— К нам приехал жестокий враг, беспощадный Хара-Батыр.

Всем подданным он приказал:

— Варите, скорее варите злую хорзу и несите во дворец.

И гостя пошел угощать. Налил ему чашу такой хорзы, которая валит с ног могучих богатырей. Выпил чашу Хара-Батыр и попросил еще. Люди со всех сторон песли во дворец хорзу. Выпил Хара-Батыр семьдесят чаш подряд. А еще две огромные чаши выпил уже с трудом. И свалился, убитый сном.

Эрин-Сян побежал в табуи, заколол жеребца, полностью шкуру снял и припес во дворец. В шкуру зашил спящего Черного Богатыря. Потом заколол быка и буру. Шкуры содрал. И надел их на Черного Богатыря одну за другой. Бычьими жилами и свежими ремнями крепко шкуры зашил. Вскочил на коня. Левою рукою схватил этот мешок и поспешил к океану, чтобы в волны бросить его. Пока он достиг океана, проснулся Хара-Батыр, начал в мешке шевелиться и грозно рычать. Но был он в три толстые шкуры крепко зашит и выйти из них не мог. Неутомимый Алтан-Шарга взлетел на скалу и с этой скалы прямо в волны бросил Хара-Батыра батыр Эрин-Сян.

Но когда с океана он возвратился домой, ни одного человека он не нашел на своей земле. Там, где раньше стоял золотой дворец, рос высокий бурьян. Эрин-Сян, подавленный горем, по развалинам тихо брел. На желтую кожу случайно он наступил. Было на ней письмо: «Пища, которую ты не ел, зарыта под очагом, одежда, которую ты не носил, зарыта там, где ты спал, оружие, которое ты не держал, зарыто справа от двери дворца. О нас не думай, нас не ищи, нас угнал мус-людоед Шара-Кюринг».

Эрин-Сян снова письмо прочитал и решил сейчас же отправиться в путь. Мужчины не умирают сидя, мужчины умирают в походах. Так говорит народ.

Эрин-Сян поел пищу, какой никогда не ел, надел одежду, какой еще не носил, взял оружие, какого еще не брал, вскочил на своего золото-буланого неутомимого коня и поскакал по следам кочевья, которое угнал мус-людоед.

В степи богатырь увидел человека, излучавшего солнечный свет. Человек был закован в цепи и лежал на земле. Он умирал. Эрин-Сян подошел поближе и его узнал. Это был его старший брат. Эрин-Сян дал ему выпить крепкого чаю и настоя целебных трав. Сразу силу обрел богатырь, цепи порвал и встал. Эрин-Сян оживил и его коня.

Они поскакали вдвоем и увидели в степи человека, излучавшего лунный свет. Он тоже был в цепи закован и умирал. Это был Сомпан-Дельдинг, тот, который когда-то дал Эрин-Сяну мудрый совет — ехать к Гетлегчи-хану сватать Гегян-Герел. Ему они тоже дали крепкого чаю и настоя целебных трав. Встал полный сил храбрый Сомпан-Дельдинг, и они поскакали втроем.

Но вот дорогу им пересек всадник на тощем коне.

— Эй ты, — кричали они ему, — если тебе чего-нибудь надо, можешь подъехать к нам!

— Если вам что-нибудь надо, можете подъехать ко мне, — ответил тот.

— Какой он дерзкий, — сказал Эрин-Сян. — А ну-ка, Сомпан-Дельдинг, догони его и ко мне приведи.

Сомпан-Дельдинг его догнал, хотел схватить, но тот его опередил, стащил с коня, прижал к своему седлу и дальше в степь поскакал.

Тогда Эрин-Сян брата своего послал. И брата всадник прижал к седлу. Эрин-Сян удивился и сам поскакал своих друзей выручать. Всадник соскочил с коня, свалил Эрин-Сяна, крепко прижал к земле и сказал:

— Зачем ты пришел ко мне, малосильный? Три обиды свои говори, и я тебя задупу!

«Да ведь это мой сын Ута-Хаалга», — подумал вдруг Эрин-Сян.

— Я Эрин-Сян, я твой отец, здравствуй, Ута-Хаалга! — радостно он прокричал.

Узнал отца Ута-Хаалга, обнял его и сказал:

— Наш народ сидит под землей в огромной черной норе. Туда загнал его страшный мус-людоед. Каждый день он пожирает людей. Твою любимую мать мус-людоед сделал своей женой. У нее недавно родился сын, маленький мус. А Гегян-Герел мальчика там родила. Твой сын, мой братик родной, солнца еще не видал. Едем скорее наш народ выручать!

И они вчетвером поехали на восток. И вот у подножья горы увидели черный вход. Желтый мус этой пещерой владеет. Целый народ в этой пещере сидит. Эрин-Сян воткнул у входа стальное нестигаемое копьё и сказал:

— Ждите меня, я пойду один, если заржавеет мое копьё, считайте, что я не вернусь.

И прыгнул в зияющий черный вход. Долго катился по склону, долго шел в темноте. И вот, наконец, кибитка. Вошел в нее богатырь... К нему бросился мальчик на тонких белых ногах. Ноги его были не толще, чем у саранчи. А живот у мальчика был величиной с быка.

— Мой отец, мой отец пришел! — этот мальчик вдруг закричал.

Вошла мать Эрин-Сяна, но не узнала его.

— Ээдже, дайте напиток, — попросил богатырь.

Взяла старуха кумыс — но не во что было налить.

— Возьми вон собачью чашку, в нее я тебе налью.

— Из собачьей чашки я никогда не пил! — ответил ей Эрин-Сян. — Вон на сундуке стоит сапдаловая желтая пиала. Из нее я и буду пить!

— О нет, это священная пиала: из нее когда-то пил мой сын Эрин-Сян. Но ты на него чем-то похож. Ладно, пей.

И налила кумыс в желтую ипалу. Эрпн-Сян выпил кумыс, но не весь: половину отдал своему младшему сыну.

Тут он увидел свою ятку и захотел поиграть. Старуха разрешила. Он коснулся струн. Ятка пдала шестьдесят восемь мелодий счастья и сто восемь мелодий скорби. Звуки напоминали плач оставшего лебодя и крик подстреленной утки. В кибитку вбежала Гегян-Герел.

— Ээдже, да ведь это играет наш Эрпн-Сян, мой муж, ваш любимый сын, — закричала она. Увидев Эрпн-Сяна, красавица подбежала к нему и стала его целовать.

— Как уничтожить желтого муса? — спросил богатырь. Но ничего не смогла ответить Гегян-Герел. Только сказала:

— Его душа не в нем.

Тогда младший сын Эрпн-Сяна тихо проговорил:

— Слушайте, я расскажу, как муса убить. Есть у него и у бабушки сын, маленький мус. Бабушка, ты должна перестать этого сына кормить. Будет кричать и плакать маленький мус. И тогда людоед Шара-Кюринг спросит у вас: «Почему плачет мой сын?» Вы ответьте: «Он плачет, потому что хочет съесть верблюда, быка и жеребца». Тогда Шара-Кюринг скажет: «Дайте сыну все, что он хочет съесть!» А вы варите это мясо и кормите меня, пока я не окренну, пока не встану на ноги. А ребенок снова будет плакать. Снова спросит Шара-Кюринг: «Почему плачет мой сын?» Вы ему ответьте: «Он плачет потому, что хочет соединить свою душу с вашей могучей душой». Шара-Кюринг будет говорить, где спрятана его душа, но все это будет ложь. Только на третий раз скажет правду жестокий мус.

Все сделали так, как посоветовал младший сын. И на третий раз Шара-Кюринг открыл, где хранится его душа.

— Моя душа в семи воробьях, воробьи под большим бугром. Если воробьев поймают, я буду болеть семь дней.

Эрпн-Сян пошел к большому бугру. Срезал его мечом. Из-под земли выпорхнули семь воробьев. Шестерых Эрпн-Сян поймал и убил. Но седьмой от него улетел. Тогда волшебный камень вытащил Эрпн-Сян. И над землей засвистела, завывала буря-шурган. Только над своей ладонью оставил батыр место без снега и без дождя. Все живое, что было

вокруг, полетело к нему на ладонь. Последним сел воробей. Эрпн-Сян схватил его, положил под пятку в правый сапог и к людоеду пришел. А тот лежал злой и большой и, увидев богатыря, прорычал:

— Дни и ночи я жду тебя. Ну, негодяй, берегись!

И бросился на него. Долго они боролись, и начал мус побеждать. Вдруг пролетел воробей. Вспомнил батыр Эрпн-Сян о воробье, который лежал у него в сапоге. И раздавил воробья. И тут же рухнул громадный мус-людоед. Когда он упал — протянулся мостом через три реки. Вспорол богатырь огромный его живот и оттуда вышло очень много людей.

Собрал Эрпн-Сян весь свой улус и повел в родные края.

Он шел и думал: «А ведь маленький мус, сын людоеда, остался жив. Когда он вырастет, он обязательно к нам придет, чтобы всем отомстить. Надо вернуться. Надо его убить».

И он с сыновьями и с женою Гегян-Герел поехал назад. Когда они вошли в кибитку, маленький мус выскочил из своей железной люльки, разорвал ее пополам и с громким криком бросился на богатыря. Завязалась борьба. И вот маленький мус начал уже побеждать... Тогда младший сын Эрпн-Сяна, выросший под землей, сказал:

— Давайте копать глубокую яму, чтобы муса сбросить туда!

Но вот покачнулся и начал бледнеть Эрпн-Сян. Сейчас задушит его маленький мус.

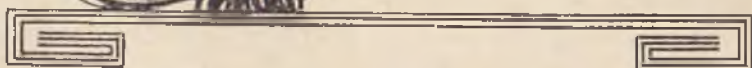
— Где ты мой сын Ута-Хаалга! — крикнул батыр.

Подбежал Ута-Хаалга. Начал бороться вместо отца. Но и его побеждает маленький мус. Тогда подбежал младший сын, правой рукой муса схватил и в яму бросил его. Вылез из ямы маленький мус. Руками в землю вцепился он.

— Жаль, что я не успел вдоволь попить золотого, густого материнского молока! А так бы я вас давно всех победил!

Сказал так и прыгнул в яму, на дно, и навсегда умолк.

А Эрпн-Сян со своим народом вернулся в родные края и в честь великой победы устроил невиданный пир. На пиру богатырь дал имя младшему сыну. Он назвал его Зара-Цецен *.

ВОЛШЕБНЫЕ СКАЗКИ

**Зальта-Мерген-Баатр
и мудрый конь его
Золь-Цоохор**

авно, в стародавние времена, жил Зальта-Мерген-Баатр *, пламенный богатырь. Был у Мергена конь Золь-Цоохор, мудрый и добрый конь.

Только во сне был Мерген уязвим. Когда же он бодрствовал, никто в целой вселенной не мог его одолеть, ни у кого не хватало силы, чтобы тягаться с ним.

И зорко за ним следили хранители его души. Первый хранитель — медноклювая ведьма на тонких козких ногах.

Второй хранитель — старик Ак-Сакал, трехсот семидесяти семи лет *. Он охранял бесчисленный скот, скот четырех родов *.

В первый день месяца овцы * Мерген ложился спать. И спал, не просыпаясь, три дня и три ночи подряд. Только три дня в году спал богатырь. И только в эти три дня его могли победить. Вот оно было как.

И жил, говорят, по-соседству с ним хан-убийца, Алачи-хан. Давно мечтал Алачи-хан Зальта-Мергена убить.

Он шел три года за табуном, три года табунщику говорил:

— Мудрый табунщик, Ак-Сакал, ты должен меня пропустить. Пропусти к Мергену меня, Ак-Сакал. Все, что захочешь, тебе подарю!

Три года все это хан повторял, и сдался старик Ак-Сакал.

Тогда хан-убийца, Алачи-хан, к модпокловой ведьме пришел. Ее уговаривал девять лет, и ведьма сказала:

— Да.

Ведьма сказала:

— Я пропущу. Я пропущу к Мергену тебя. Но только знай, пока он не спит, его нельзя одолеть. В первый день месяца овцы ляжет спать богатырь. В первый день месяца овцы смело к нему приходи.

Ушел домой Алачи-хан. Пришел и начал мясо есть. Сидит и ест, сидит и ждет, когда весна придет.

А конь Мергена Золь-Цоохор-конь пасся в высоких горах. Там бесстрашный Золь-Цоохор-конь с барсом и львом играл.

И вот приближается месяц овцы. Идет к Мергену Алачи-хан.

Вот уже подошел к табунам, и его пропустил старик Ак-Сакал. Мечется старая ведьма: она уже чувствует хана издали...

А Зальта-Мерген безмятежно спит, а Зальта-Мерген беспробудно спит, уже целые сутки спокойно спит. Еще двое суток осталось спать.

А конь в это время ест траву. А конь прозрачную воду пьет. С барсом и львом играет конь. Скачет он по холмам.

Но вот почувал недоброе конь и мигом к хозяину прибежал. Как ветер к кибитке он прилетел, копытом ударил и кричит:

— Хозяин мой! Владыка мой! Скорей проснись, пошевелись! К тебе идет убийца-хан! Тебя убьет Алачи-хан!

На миг проснулся Зальта-Мерген и промычал:

— Э-э...

А когда был близко Алачи-хан, снова примчался Золь-Цоохор-конь. В стену кибитки ударил конь. Крепким копытом ударил конь.

Зальта-Мерген открыл глаза:

— Старуха, что там с моим конем?

— Спи спокойно, мой господни. С барсом и львом яграет конь.

Снова заснул Зальта-Мерген. Был уже рядом Алачи-хан. Тогда ворвался в кибитку конь и на ухо спящему закричал:

— Вставай! Подходит Алачи-хан!

Вадрогнул во сне могучий батыр, а потом вскочил и сел на коня. С собою он взял только двух собак и двух попугаев, ученых птиц. И конь как ветер его унес. И тут же явился Алачи-хан.

Убийца-хан людей забрал, забрал его жену и весь улус его угнал в далекую страну.

В бой вступить Зальта-Мерген не мог: свящего его унес Золь-Цоохор-конь.

А дальше было так. Зальта-Мерген решил, что придет время, он вернется и отобьет свой улус у Алачи-хана. А пока он поедет по земле странствовать, мудрости набираться.

Приехал он во владения далекого чужого хана. Видит: пасет отару овец пятнадцатилетний мальчик. Зальта-Мерген подъехал к нему, поздоровался и спросил:

— Чьих овец ты пасешь?

— Это овцы великого хана, — ответил тот.

Зальта-Мерген подумал и говорит:

— Мальчик, давай я буду вместо тебя работать у хана. А тебе я дам золота и серебра, сколько поместится в твой мешок. И ты сможешь уйти куда хочешь.

Мальчик обрадовался и согласился. Зальта-Мерген свистнул, конь его Золь-Цоохор фыркнул правой ноздрей — золото

полетело, фыркнул левой — серебро заблестело. Мальчик набрал полный мешок золота и серебра, сказал Мергену «спасибо!» и побежал домой.

— Подожди, мальчик, — крикнул Зальта-Мерген, — расскажи, какую работу ты выполняешь вечером в ханском дворце? Чем тебя кормят?

— Уже четыре года я прислуживаю младшей дочери хана. Утром и вечером она дает мне одну лепешку и пиалу воды. Это и вся еда. А когда ханская дочь ложится спать, я лижу ей пятки, пока она не заснет.

— Понятно, — сказал Зальта-Мерген.

Он превратился в такого же мальчика-пастуха и погнал овец ко дворцу. Но перед дворцом протекала неширокая река. Овцы подошли к воде и остановились. «Эх, не догадался я спросить мальчика, где переправа», — подумал Мерген. В это время хан в пестрых одеждах вышел из дворца, стал и смотрит. «Сейчас мне хан сам подскажет, как переправиться», — подумал Мерген, — я его заставлю подсказать». Взял он одну овцу и перебросил ее на другой берег. Овца разбилась.

— Что ты делаешь, болван! — закричал хан. — Ты что, с ума сошел что ли?

А Мерген молча взял еще одну овцу и опять бросил на тот берег.

— Что это на тебя нашло? — закричал еще громче хан. — Куда девался твой глупый язык, который должен сказать: «Река, река, расступись!»

«Вот она, тайна, — подумал Мерген. — Теперь все понятно!»

— Река, река, расступись! — крикнул он.

Река расступилась. Открылось песчаное дно. Овцы перешли на тот берег.

— Что с тобой случилось, негодяй?! Ты погубил двух моих овец! Будешь за это бесплатно работать год! — кричал хан.

Мерген загнал овец. Пришел к младшей дочери хана. Она дала ему одну лепешку и пиалу воды. Мерген сделал вид, будто пошел есть, а сам воду выплеснул, а лепешку бросил собаке.

Когда все в хотоне уснули, прилетел конь Золь-Цоохор, накормил Мергена и исчез вместе с двумя вершыми собаками и двумя говорящими птицами-попугаями.

«Теперь мне надо идти лизать ее пятки, — подумал Мерген. — Как же быть?» Он поймал собаку, вырвал у нее язык, положил в карман и вошел в кибитку младшей дочери.

— Где ты ходишь, мальчик, я уже легла, иди скорее лизать мои пятки, я не могу заснуть! — капризно сказала ханская дочь.

Мерген начал водить по ее пяткам собачьим языком.

— Ах, мальчик, почему у тебя сегодня такой холодный, такой жесткий язык?

— А потому, что уже четыре года я пью только холодную воду и ем только черствые лепешки.

Ханская дочь не знала, что ответить, промолчала и скоро заснула.

Месяц пасет ханских овец Зальта-Мерген. Второй месяц. Третий. Мудрый конь Золь-Цоохор прилетает к нему и кормит его. Спит Мерген у самых дверей кибитки — охраняет ханскую дочь.

Однажды он очень крепко заснул и во сне случайно принял свой настоящий облик. А был он такой красивый, как первый луч восходящего солнца, и такой светлый, как последний луч заходящего солнца. Сразу в кибитке стало светлей, чем днем. Свет разбудил ханскую дочь. Она встала и, ничего не понимая, начала ходить по кибитке. Посмотрела на двери, туда, где спал мальчик, и замерла: на его месте лежал прекрасный богатырь, излучавший свет солнца и луны...

— Ах! — вскричала девушка, — сколько лет он служил у нас, а я и не знала, что он богатырь! Вот его настоящий облик! Он богатырь и красавец! Вот кого я ждала! Я буду его женой!

В этот момент Зальта-Мерген проснулся, мигом принял облик мальчика-пастуха и снова заснул. А ханская дочь легла и долго не могла уснуть, все думала о прекрасном богатыре.

Когда она проснулась, мальчик был уже на ногах, держал ярлыгу, собирался уходить.

— Дайте мне лепешку и воду, — сказал он. — Мне пора.

— Нет, ты никуда не пойдешь, ты больше не будешь пасти овец. Ты женишься на мне. Я буду твоей женой, возьмешь ты меня или не возьмешь.

— Что вы, что вы! Я боюсь хана! Хан меня казнит. Разве я могу жениться на вас? Разве может мальчик-сирота, черная кость, жениться на дочери самого хана? Ведь это позор для славного ханского имени.

— Пусть пойдет дурная слава. Мне все равно. Я буду твоей женой. Вот и все. Я сейчас пойду и скажу об этом отцу.

Пришла она к отцу и к матери и говорит:

— Отец, найдите себе другого пастуха.

— А куда девался тот пастух?

— Его я в степь не отпустила. Я за него выхожу замуж.

Хан вскочил и закричал:

— Ты с ума сошла! Было у меня три красавицы-дочери. Двух я выдал за ханских сыновей. А тебя, самую младшую, больше всех любил, на ладони своей растил! Так неужели я тебя отдам за какого-то пастуха? Такой позор не смоеет время! Такой позор будет висеть над нашим родом, пока существует земля!

— Разрешите — выйду замуж за него, — сказала дочь, — не разрешите — тоже выйду за него. Делайте со мной что хотите!

— А раз так, если ты выйдешь замуж за этого несчастного, то сгинь-исчезни с моих глаз, уходи из моего улуса и даже на край его ногой не ступай!

Мать-ханша вадрогнула и сказала:

— Что ты, хан, уж если ты выгонишь ее, то разреши ей жить хоть на краю твоего улуса. Ведь это твое дитя! Что с тобой станет, если она будет жить на краю улуса?

— Ладно, пусть живет, — сказал хан.

Девушка взяла за руку мальчика-пастуха, и они ушли в степь, на край ханского улуса. Там они поставили джолум и стали в нем жить. Мерген на Золь-Цоохор-коне охотился и привозил мясо. И скоро ханская дочь догадалась, что муж ее — славный богатырь Зальта-Мерген, у которого есть Золь-Цоохор-кони.

Была у хана любимая пегая кобыла. И хан мечтал вырастить ее жеребенка. Но сколько кобыла ни жеребилась, жеребенка каждый раз кто-то похищал. И тогда хан отрубал головы стражникам, не сумевшим уберечь жеребенка.

И вот опять подходил срок жеребиться этой необыкновенной кобыле. Хан собрал советников и сказал:

— Простые люди не могут уберечь жеребенка. Надо позвать моих зятьев. Они сыновья ханов, белая кость! Они должны его уберечь!

— Правильно! — ответили хором советники.

Приехали зятья. Вдвоем день и ночь они охраняли кобылу в степи. И вот она начала жеребиться. А Зальта-Мерген вдали стоял и смотрел. Вот пегий жеребенок уже встал на ноги... В этот момент небо дрогнуло, покачнулось, задул-засвистел ветер, полил холодный дождь, застучал белый град, с неба ринулась огромная черная, как туча, птица-гаруда^{*}, схватила железными когтями жеребенка и взмыла ввысь. Благородные зятья только ахнули.

А Зальта-Мерген на Золь-Цоохор-коне подлетел к ним и сказал:

— Что же вы, храбрые наездники, смотрите?! Ведь жеребенка уносит птица!

— А что мы сможем сделать? Нам с этой птицей не сладить. Уж не ты ли, пиций, с ней сладить? — со смехом воскликнули они.

Тогда Мерген взял свой лук, вложил звонкую белую стрелу, натянул тугую тетиву, прицелился и выстрелил. Стрела отрезала хвост жеребенка, и хвост упал на землю. Мерген его поднял, сунул в карман, вскочил на коня и скрылся.

Зятья пришли к хану и говорят:

— Когда кобыла ожеребилась, с неба слетел огнедышащий дракон с железными зубами и когтями, схватил жеребенка и увес. Мы, о великий хан, не могли справиться с ним.

— Что же с вами делать? — сказал хан. — Головы рубить пока не хочу. Идите, найдите жеребенка, приведите ко мне. А не приведете — не посмотрю, что вы ханские сыновья.

Зятья оседлали коней и поскакали искать жеребенка.

Мерген пришел домой и говорит своей жене:

— Пойди к отцу, скажи ему, что и третий его зять хочет

ему помочь, хочет поехать искать жеребенка. Попроси у него для меня одного коня.

Жеца пошла к хану.

— Зачем ты пришла ко мне?! — гневно крикнул хан.

— Мой муж, ваш зять, просит у вас коня. Он тоже хочет нам помочь, хочет поехать на поиски жеребенка.

— Ха-ха-ха! Если ясный ястреб его не поймал, так неужели черная ворона поймает?! Прочь! С глаз долой!

Мать-ханша сказала:

— Неужели, хан, у вас нет плохонького старого копя, которого не жалко отдать из тьмы ваших коней? Не надо препятствовать добрым желанием. Подарите ему коня, пусть он думает, что и он богатырь, что и он участвует в трудных поисках.

Хан разрешил взять копя. Младшая дочь пошла в табун, поймала коня и привела его домой. Мерген разрубил его на куски и стал кормить этим мясом собак и ворон.

Потом по-змеяному свистнул Мерген, и конь Золь-Цоохор вмиг прилетел. Хасыр и Басыр, собаки его, рядом стоят. Его попугаи, ученые птицы, тоже тут. Попугаев в охотничьих беркутов Мерген превратил, как искра, взлетел на коня, и помчались они на восток.

Скоро они догнали ханских зятьев. Золь-Цоохор-конь говорит:

— Птицу-гаруду им не найти; птица за океаном живет. Из всех коней только я один могу перелететь океан.

Мерген подъехал к ханским зятьям.

— Куда направляетесь, храбрецы?

Зятья не узнали Мергена: сейчас он был в своем богатырском виде и излучал свет солнца и луны.

— Мы едем искать страшную черную птицу, — ответили они. — Эта птица унесла ханского жеребенка. Если мы его не приведем, хап отрубит нам головы.

— Жалко мне вас, — сказал Мерген. — Жеребенка вам не найти. Птица, которая его унесла, живет за океаном. А океан может перелететь только мой несравненный конь. Я приведу вам этого жеребенка, если отдадите мне то, что я потребую.

— Бери все что угодно, отважный богатырь, мы все тебе отдадим: золото, серебро, коней.

— Нет, мне не пужны ни золото, ни серебро, ни табуны. У меня всего вдоволь. Дайте мне с правой руки большой и указательный пальцы, да по тонкому ремню со спины дайте мне.

Зятья говорят друг другу:

— Надо отдать. Без пальцев можно жить, без куска кожи на спине — тем более. А если жеребенка не приведем, потеряем головы.

Вырезали они друг у друга по ремню из спины, отрубили по большому и указательному пальцу с правой руки и все это отдали Зальта-Мергену.

— Ждите меня здесь, храбрецы, я скоро вернусь и привезу вам жеребенка, — сказал богатырь.

Вскочил Мерген на Золь-Цоохор-коня, плетью ударил его тысячу раз, конь семь тысяч раз кивнул головой, как жаворонок затрепетал, как плот по реке поплыл, как ветер над степью полетел. Из пасти его вырывался львиный рык. Как гребень дракона гремела его спина. Крылья орлиные распластав, Внешний океан * конь пересек.

На той стороне океана конь сказал:

— Хозяин, смотри, вот оно, дерево-великан. На нем птица-гаруда вьет гнездо. Раз в три года птица-гаруда вьет гнездо. Раз в три года птица-гаруда яйца кладет. В этом году она спела три яйца. Но за тысячи лет она не вырастила ни одного птенца. Всех птенцов ее поедает белый змей. Если ты, богатырь, этого змея убьешь, если ты птенцов хан-птицы спасешь, птица-гаруда тебе жеребенка отдаст.

Мерген посмотрел на гнездо — в нем сидели птенцы. Вдруг из пещеры с грохотом выполз змей. Толще самого толстого дерева был этот змей. На солиде сверкала белая чешуя. И высоко поднималась плоская черная голова. Рев огнедышащих гор вырывался из пасти его. Змей направился к дереву, на котором сидели птенцы.

Тут из укрытия выскочил храбрый Мерген. Меч свой надежный выхватил храбрый Мерген. Всю свою силу вложил

в удар храбрый Мерген. Одним ударом голову змея отсек. А толстое тело его разрубил на куски.

Птенцы птицы-гаруды ему говорят:

— Бесстрашный спаситель наш! Спрячьтесь, спрячьтесь скорей, пока не вернулась сюда наша мать. Она очень свирепая и может вас разорвать. Мы ей сначала расскажем о вас, богатырь.

Мерген согласился и спрятался за скалу.

Перед самым заходом солнца прилетела птица-гаруда. Земля и небо качались, когда крылья опускала она.

— Бедные вы мои, милые мои птенцы!— сказала она.— Живы ли вы, не убил ли вас черный злодей?

— Мать, посмотри какой толстый и страшный змей! Он хотел нас сожрать. Его убил богатырь.

— Где он, покажите его скорей!

— Нет, мы боимся. А вдруг ты его убьешь?

— За что же я буду спасителя вашего убивать?

— Вот он!— сказали птенцы.

И появился Залта-Мерген.

Птица-гаруда ему говорит:

— Тысячи лет я мечтаю вырастить милых детей. Но каждый раз, как я отлучусь, их поедает какой-то злодей. И я нигде не могла его отыскать. Теперь я знаю: вот он, мой страшный враг, белый змей с черной головой. Зачем мне драгоценный жеребенок, которого хочет вырастить старый хан? А я забираю этих жеребят каждый год в надежде, что когда-нибудь за ними придет богатырь. Я собрала уже целый табуи. И вот, наконец, появился ты.

Поплевала птица-гаруда на Мергена, вытерла его своими царственными крыльями, и стал он еще краше.

— А теперь открой рот.

Мерген открыл рот. Плюнула птица ему в рот три раза и говорит.

— Проглоти мою слюну и ты станешь втрое сильнее и всемеро храбрее.

Мерген проглотил и почувствовал, как разлилась по телу его необыкновенная сила.

Птица-гаруда говорит:

— Я сама переправлю тебя через Внешний океан.

Она взяла себе на спину Зальта-Мергена на Золь-Цоохоркопе, взяла куцего жеребенка и полетела через океан. А за куцым жеребенком, чтобы не отстать, весь табуц повлиыл через океан.

На той стороне оустила его птица и произнесла на прощанье йерел:

— Благодетель мой, добрый батыр! Пусть все, что ты задумал, исполнится! Пусть охраняет тебя бурхан! Пусть будет белым твой путь! *

Зальта-Мерген в ответ ей сказал:

— Да будут здоровы ваши дети! Да будет благополучие в вашей жизни! И да не будет у вас врагов!

Гаруда полетела домой. Мерген же погнал табуц.

А ханские зятья тем временем рассуждают:

— Как бы нам избавиться от этого богатыря? Все равно он потом на каком-нибудь пиру проболтается, что это он добыл жеребенка, а не мы, узнает об этом хан и велит нас казнить. Надо нам его уничтожить.

Они вырыли огромную яму, глубиной в девяносто девять локтей, а по верх ямы положили камыш и траву.

Сколько ни ехал Зальта-Мерген, а приехал он и пригнал табуц. Зятья сделали вид, что обрадовались, и побежали ему навстречу.

— Наш избавитель, наш первый друг! — кричали они. — Дайте отдых себе и коню! Тому, кто спас нас от ханской казни, мы приготовили ханские яства.

Когда Зальта-Мерген изрядно поел и выпил, когда ему стало жарко изнутри и снаружи, когда развязался его язык, а на душе его стало легко, ханские зятья подлозли к нему и ударом в спину сбросили в яму. Девяносто девять локтей пролетел он, ударился о крепкое дно и лежит. И никак ему теперь из ямы не выбраться.

А хитрые зятья со смехом погнали табуц и говорят:

— Теперь он там будет лежать всегда и хан об этом никогда не узнает.

А конь Золь-Цоохор говорит:

— Друзья мои, верные Хасыр и Басыр! Пока не оторвутся ваши когти, пока не подломятся ваши ноги, гоните, догоняйте, ловите и бросайте всяких зверей в яму к хозяину, чтобы он не умер с голоду. Друзья мои, мудрые говорящие птицы-попугаи! Пока не оторвутся ваши крылья, летайте над ямой, машите крыльями, гоните в яму ветер-воздух, чтобы наш хозяин не задохнулся. А я поскачу к Номин-хану. Я знаю, как спасти нашего хозяина.

Был Золь-Цоохор пегим конем. А превратил он себя в темно-карего коня с жемчужно-белым хвостом и с кораллово-красной гривой. Прилетел он во владения Номин-хана и начал скакать вокруг его дворца.

Министры докладывают Номин-хану:

— Появился в подлунном мире чудесный конь. Жемчужно-белый хвост и кораллово-красная грива у невиданного копя.

— Поймайте его и приведите скорей ко мне!

Конь Золь-Цоохор позволял себя поймать. Номин-хан посмотрел на него и сказал:

— Этот конь к нам пришел неспроста. И никому неизвестна порода невиданного коня. Если кто-нибудь расскажет об этом коне моей дочери, того я найду при помощи священной книги и казню!

Коня загнали в темницу, чтоб его никто не видал. Год стоит в темнице Золь-Цоохор-конь. Два года стоит. Третий год подходит к концу.

Был у Номин-хана один раб-китаец. Подумал он: «Почему нельзя дочери хана говорить об этом коне? А что будет, если я ей скажу?»

— Моя повелительница! Хочу я тебе открыть великую тайну, но боюсь твоего отца. Есть у твоего отца одна необыкновенная вещь. Но я не могу тебе о ней рассказать. Не отца твоего я боюсь, а его священной желтой книги, которой все тайны известны, которая все знает, что ни случится.

Ханской дочери так захотелось узнать тайну, что стала она ходить за китайцем по пятам и все умоляла: «Скажи!» Неделю ходит. Месяц ходит. А китаец все одно твердит:

— Нет, не могу, боюсь.

Наконец он сказал:

— Ладно, я расскажу тебе тайну, но ты должна выполнить все, что я тебе прикажу.

— Скорей рассказывай, я все выполню.

— Если отец спросит тебя, откуда ты это все узнала, скажи, что тебе во сне приснился необыкновенный конь. А теперь принеси треногу и огромный котел. В котел насыпь птичьих перьев.

Ханская дочь, как слуга-рабыня, все выполнила. Тогда раб-китаец влез в котел и приказал ей засыпать себя перьями, закрыть котел крышкой, приставить деревянную трубу одним концом к крышке, а другим к своему уху и слушать.

Она все сделала и услышала из трубы:

— Появился в подлунном мире чудесный конь. Жемчужно-белый хвост и кораллово-красная грива у этого копя. Конь прибежал ко дворцу твоего отца. Вот уже три года держит его в темнице и скрывает от тебя Номин-хан.

Дочь побежала к хану и говорит:

— Отец, есть у тебя невиданный конь. У него жемчужно-белый хвост и кораллово-красная грива. Он у тебя давно. Почему же ты мне его ни разу не показал?

— Кто, кто посмел тебе рассказать об этом коне! — с гневом вскричал Номин-хан.

— Никто не рассказывал, мне во сне приснился чудесный конь.

— Но ведь сон — это темная ночь, — усмехнулся хан.

— Нет, мои сновиденья прозрачны, чисты и ясны.

— Да, есть у меня несравненный конь, — ответил отец.

Девушка день плачет и просит:

— Отец, покажи копя!

Неделю плачет и просит. И хан тогда говорит:

— Эй, министры, покажите дочке невиданного копя!

Вывели копя из темницы, ведут его ко дворцу. А конь ногами играет, а конь головой кивает, он и высок и прекрасен, взгляд его чист и ясен.

— Отец, я хочу покататься на этом коне, — говорит Номин-хану дочь.

— Пусть будет так. Седлайте копя, министры, прокатите мою любимую дочь! Пять человек справа держите копя, пять

человек — слева. Сделайте по двору круг. Пусть порадуетя милая дочь.

Села она на коня. Министры его ведут. Сделали круг, сделали второй.

— Хватит, слезай, — кричит Номин-хан.

— Отец, я хочу еще!

— Пусть будет так. Езжай. Но последний круг.

Когда они отъехали подалее от дворца, фыркнул конь правой поадрей — итерых справа свалил, фыркнул конь левой — пятеро слева лежат. И ускакал в открытую степь с девушкой на спине.

А коса у нее была в дюжину девять саженей. Из любого глубокого ада-пропасти можно было выбраться по этой косе.

Номин-хан снарядил погоню, но погоня вернулась ни с чем. А Золь-Цоохор-конь исчез-улетел. Когда девушка чуть не падает назад — конь стелет ей свой хвост. Когда она чуть не падает вперед — он стелет ей свою гриву. Когда она чуть не падает вбок — он стелет ей свои ребра. Так держит он ее на своей спине.

Сколько дней и ночей ни скакал конь, а добрался он до своего владыки, примчался к яме в дюжину девять саженей глубиной. А над ней машут крыльями верные попугаи, гонят туда воздух, а на крыльях у них уже не осталось ни одного пера, а из-под крыльев капает кровь. А верные псы Хасыр и Басыр около ямы стоят. Когти их давно отломались, из лап их сочится кровь. Вот что стало с ними за эти три года.

Золь-Цоохор-конь говорит:

— На дне этой ямы лежит мой господин. Только ты можешь его вытащить. Распусти свои волосы, расчеши их, заплети косу и опусти ее в яму.

Девушка все сделала, что сказал конь, закинула свою косу в яму, и Зальта-Мерген выбрался по ней паружу. Он лежал у края ямы с закрытыми глазами и боялся их открыть, посмотреть на солнце. Ведь он три года не видал солнца.

Отдышался Зальта-Мерген, открыл глаза и говорит:

— Добрый мой, мудрый Золь-Цоохор-конь, откуда ты привел эту девушку? Она спасла меня. Отвези ее назад. Отцу и матери бережно вручи. Чья она дочь?

— Она дочь Номин-хана, — ответил конь.

— Как вас зовут? — спросила Мергена девушка.

— Зальта-Мерген.

— Милый Зальта-Мерген, я приехала к вам не для того, чтобы возвращаться домой.

— Но у меня есть жена, прекрасная ханша, — сказал Мерген.

— Ну что же. Значит, я буду второй женой, — сказала она.

Номин-хан пришел в ярость, когда конь Золь-Цоохор унес его любимую дочь.

— Кто рассказал моей дочери об этом коне? Я выпущу из того кровь и вышу душу!

Он взял священную желтую книгу, которая знает все, что случается в этом мире. В книге он прочитал: «На трех железных ногах, с чугунной шкурой, с плотью из перьев, с деревянным хоботом — вот кто разгласил твою великую тайну».

Хан сказал:

— Нет на свете такого существа! Видно, прошли счастливые времена и стала священная книга врать! — И он бросил ее в огонь.

А Зальта-Мерген дал отдохнуть коню, вылечил собак и птиц и отправился в обратный путь. Жену свою посадил позади себя. Летят они на могучем Золь-Цоохор-коне. Коса жецы в девяносто девять сажень длиной развевается на ветру.

Подъехал Мерген к своему джолуму. Отпустил на волю Золь-Цоохор-коня, говорящих птиц, верных собак. Девушку с косой в девяносто девять сажень он привел к своей ханше и рассказал ей, что та его спасла и хочет теперь быть его второй женой.

Ханша ответила:

— Пусть будет так.

А где же хитрые ханские зятья? А они все три года гнали огромный табуи, который птица-гаруда подарила Мергену. Радостные приняли зятья в ханский улус. Они думают, что Мерген в той яме давно умер.

Хан встретил зятьев с почестями, ведь они привели ему того куцего жеребенка. Он за это время уже стал могучим копом. И привели они огромный красивый табуи. Хан устроил великий пир. Пир начался в тот день, когда приехал Мерген. К вечеру Мерген говорит жене:

— Пойди к отцу-хану и к матери-ханше и скажи им: «Ваш третий зять тоже хочет прийти на праадиик».

Младшая дочь пришла к отцу-хану. Стала у дверей и стоит.

— Зачем ты сюда пришла? — спросил хан.

— Мой муж хочет прийти к вам на пир.

— Ты что же, хочешь, чтобы люди смеялись, глядя на твоего сопляка?

Но тут вмешалась мать-ханша:

— Неужели вам жалко, добрый хан, если придет поесть-попить ваш младший зять? Ведь в котлах варится столько мяса, что всем собакам хватит.

— Ладно, пусть приходит, — ответил хан.

— Что ж, — сказал богатырь, — пойдем к хану посмотрим, как там пируют.

Они оставили дома девушку с косой в девяносто девять сажней и пошли к хану. Мерген принял облик красавца и богатыря, свой настоящий облик.

Подходят они к дворцу, и все гости во все глаза смотрят на них. Младшую дочь хана все узнают, а ее мужа — никто.

— Что-то тут неладно, — говорят они. — Ведь она за своего пастуха выходила, за сопливого мальчишку, а теперь идет с богатырем. Лицо его излучает свет, от которого жмурятся глаза. С кем это она идет? Надо побежать доложить хану.

Вбегают они в ханские хоромы и наперсбой говорят:

— Ваша дочь, о великий хан, ваша младшая смуглая дочь, которая вышла за жалкого пастуха, идет сейчас ко дворцу с прекрасным богатырем! Лицо его излучает яркий свет, в котором теряются солнечные лучи!

Хан и ханша выбежали навстречу и от удивления замерли, не могут слова сказать.

А когда прекрасную пару с почестями ввели во дворец, у старших зятьев сердца застучали, руки задрожали.

Все сели за угощение. Всех рассадил по старшинству.

Семьдесят дней провели в пирах, семьдесят дней провели в торжествах. И все старших зятьей славили. К концу пира встал Зальта-Мерген и говорит:

— Хан-отец, надо бы для ваших трех зятьев устроить состязания.

— Давайте устроим, — отвечает хан. — А какие состязания?

— У нас будут особые состязания — скачка стрел. Но прежде я всем вам расскажу сказку-историю. Идемте все из дворца. Дайте каждому из трех зятьев по таваку мелконарезанного мяса.

Трех зятьев посадили рядом. Перед каждым поставили большой тавак мяса. И Зальта-Мерген начал рассказывать:

— Жил на свете хан. У хана была любимая кобыла, и он хотел вырастить ее жеребенка. Но каждый год, когда кобыла жеребилась, жеребенка кто-то похищал. И вот подошел черед его двум благородным зятьям стеречь эту кобылу. Когда с неба рванулась страшная птица-гаруда, чтобы увести жеребенка, зятья испугались и побежали, а третий зять выстрелил в птицу. Его стрела отрезала у жеребенка хвост. Вот он этот хвост.

И Зальта-Мерген вытащил из-за пазухи рыжий хвост жеребенка.

— А ведь верно, — промолвил великий хан. — Рыжий-то конь без хвоста...

А Зальта-Мерген продолжает:

— Зятья поехали искать жеребенка. У Внешнего океана л их догнал. Они не могли переправиться через него. Я знал, что жеребенка им не достать. Я знал, что они коварны и злы; знал, что если я приведу им жеребенка, они постараются меня уничтожить, чтобы славу присвоить себе. И тогда я взял с них плату за купца жеребенка: по два пальца с правой руки и по ремню со спины. Вот они, эти пальцы и ремень!

И Зальта-Мерген вытащил пальцы и ремни и отдал хану. Хан посмотрел и насундился.

— Верно, — сказал он, — нету у каждого из старших зятьев этих пальцев на правой руке.

— Но коварные ваши зятья, — продолжает Мерген, — чтобы скрыть свое бессилие и глушь, вырыли яму в девятисто девять саженьей и сбросили меня туда. Три года я в этой яме мучился и страдал, солнца не видал, но мой мудрый конь Золь-Цоохор спас меня. Он привез дочь Номин-хана, девушку с косой в девятисто девять саженьей. По этой косе я выбрался из ямы. Эта девушка сейчас сидит у меня в джолуме. Сейчас каждый из нас тронх пустит вверх по белой свистящей стреле. Если все, что я рассказал, неправда, то пусть моя стрела меня поразит, а стрелы старших зятьев упадут в таваки с мясом. Если же все, что я рассказал, правда, пусть моя стрела упадет в тавак, а стрелы зятьев попадут им в головы.

Хан промолвил:

— Да будет так.

Зальта-Мерген пустил свою стрелу. Высоко вверх ушла стрела, а достигнув неба, повернулась и полетела вниз. Прямо в мясо, точно в тавак попала она. Тогда старшие зятья выпустили вверх по стреле. Стрелы, достигнув неба, повернулись и каждая попала в голову своего хозяина. Зятья упали. Жалко их хану, но делать нечего. Хан говорит:

— Нет у меня наследника, а я уже стар. Переезжай ко мне во дворец, храбрый Зальта-Мерген: скоро я умру и ты будешь ханом вместо меня.

— О нет, мой любезный хан. Добрый конь всегда скучает по своему табуу, а добрый батыр всегда скучает по родной земле. Я владею землями и водами. Я должен вернуться в свой улус.

— Что ж, воля твоя, — ответил хан.

Зальта-Мерген забрал обеих своих жен — и смуглую ханскую дочь и дочь Номин-хана с косой в девятисто девять саженьей — и поехал домой.

И вот он приехал в свои земли. Но ни одной живой души не встретил. Там, где стоял его дворец, разрослась густая трава...

Делать нечего. Соорудил Мерген жилище для своих жен и сказал:

— Живите здесь. А я поеду к Алачи-хану отбивать свой улус и скот.

Приехал Мерген к Алачи-хану. А его дома нет, уехал он кого-то грабить. И увидел Мерген свою бывшую жену, которую когда-то забрал Алачи-хан вместе со всеми подданными и скотом.

— Здравствуй, жена!

— Здравствуй, храбрый Мерген. Зачем ты сюда пришел? Скорей уходи! Ведь я теперь жена Алачи-хана. Скоро вернется мой муж, а он злой разбойник и убийца. Он убьет тебя. Уходи, Мерген! Я уже пропала, а тебе зачем прощадать!

Тут подбежал к нему табуңицк Ак-Сакал, упал перед ним, обнял его колени и говорит:

— Прости меня, храбрый Мерген, виноват я перед тобой! Спаси нас, храбрый Мерген, спаси нас от злого хана!

Медноклювая ведьма на тонких козьих ногах подбежала к Мергену и говорит:

— Прости меня, добрый батыр!— И заплакала, и поклонилась ему.

— Я вас прощаю,— ответил Зальта-Мерген.— Я вас всех уведу домой. Только надо сначала узнать, где хранится душа Алачи-хана. Иначе его не победить.

— Как мне узнать, где хранится его душа?— спросила жена.

— У тебя есть маленький сын. Ты его не жалей, ведь он сын Алачи-хана. Ты его не корми. Пусть он начнет громко плакать. Хан спросит у тебя: «Почему он плачет?» Ты ответь, что ребенок хочет соединить свою душу с его душой. Спроси, где его душа.

Вечером возвратился Алачи-хан. Ходит туда-сюда, приноживается.

— Фу, вонючим жуком пахнет,— говорит он.

Жена отвечает:

— Я целыми днями сижу дома. Неужели от меня может идти какой-то новый запах! Может быть, он идет от вас, ведь вы целыми днями губите в стенах все живое.

Алачи-хан успокоился, сидит ест.

А мальчик все плачет и плачет.

— Почему плачет мой любимый сын? — грозно спросил хан.

— Рано утром он сказал, о всесплыный хан, что хочет соединить свою душу с вашей душой. Где ваша душа?

— Ого, какой у меня сын! Ему всего полгода, а он уже собирается соединять свою душу с моей! Нет, это не дело, он еще слишком мал.

На другой день опять плачет ребенок.

— Что это с ним, жена, почему он плачет? — спрашивает Алачи-хан.

— Я еще вчера вам сказала: он хочет соединить свою душу с вашей.

— Но почему он так рано задумал это сделать?

— А не все ли равно, рано или поздно. Ведь это ваш родной сын! Неужели вы не любите своего сына?!

— Ладно, — говорит Алачи-хан. — Я расскажу тебе, где моя душа. Вон смотри: там, где садится солнце, есть родник. У родника растет одинокий тополь. К этому роднику ходит на водоной олень. В животе его сидят три воробья. В них моя душа.

Мать накормила ребенка, и он умолк. Хану она сказала:

— У меня руки отваливаются — столько времени я его носила, а он все плакал. Давно надо было сказать и успокоить бедного сына!

Наутро Алачи-хан ушел. Пришел Зальта-Мерген. Жена рассказала ему, где хранится душа хана-убийцы.

Мерген пришел к роднику, спрятался и ждет. Вот появился олень. Подошел он к роднику и пьет воду, а пить не пьет, стоит, прислушивается. Вот-вот сорвется и улетит. «Нет, так у меня ничего не выйдет», — думает Зальта-Мерген. А марал все подходит и уходит, а воды не касается. Тогда Мерген прицал облик владыки вод в громовым голосом проговорил:

— Что же, невкусной стала вода? Ты ведь и раньше ходил сюда!

Олень думает: «И правда, что это со мной? Ведь я пью только из этого, единственного, богом данного родника. Вла-

дыка вод уже разгневался. Теперь падо обязательно хоть по-много глотнуть, чтобы его не обидеть». Подошел он к воде и стал пить. Схватил его ловкий Зальта-Мерген и вспорол его круглый живот. Оттуда вылетели три воробья. Двоих Мерген поймал, а третий улетел.

Олень говорит:

— Спасибо тебе, благодетель! Ты избавил меня от этого тяжелого бремени. Всю свою жизнь я носил в животе душу проклятого Алачи-хана. Как легко стало мне! Да исполнится все, что ты задумал! Мир с тобой!

И он огромными прыжками ускакал в степь.

Зальта-Мерген скрутил головы двум воробьям. «Как же мне поймать третьего?», — думает он. Привязал богатырь своего коня к одинокому тополю и устроил бурю-ветер, напустил бурана-снега, солище завесил тучей. Воцарился страшный холод. И только над ухом своего коня оставил Мерген луч света. Воробью стало холодно, ведь он вылетел из теплого живота оленя. Он не мог лететь дальше и возвратился на этот луч. Сел на ухо коня и греется. Выскочил Мерген из-за коня, схватил воробья зажал его в кулаке. И пошел к Алачи-хапу. Подходит ко дворцу. А из дворца стоны: лежит большой убийца-хап. Радуетя медноклювая ведьма, радуетя табунщик Ак-Сакал. Появился перед ханом Зальта-Мерген.

— А ну, вставай, убийца-хап, пойдем поборемся!

— Аа-а... вот почему плакал мой сын! Вот кому нужна была моя душа!

Взял Мерген воробья и начал растягивать его в длину. И начал растягиваться в длину Алачи-хап. Тогда Мерген стал растягивать воробья в ширину. И в ширину стал растягиваться хан.

— Мерген, скорей убивай! — крикнул он.

Мерген свернул голову воробью, и рухнул Алачи-хап. Богатырь изрезал хана и воробья на куски, принес саксауловых дров, развел костер и все куски спалил на костре.

Велик был улус у Алачи-хана. Велик был улус и у Зальта-Мергена. Приложил Мерген главному поюну хана китайскую тамгу* и сказал:

— Веди оба улуса ко мне на родину, а я поеду вперед. Где будет черта — иди. Где будет круг — почув!

И вот кочевье двинулось в путь. Впереди идут побежденный нойон, медноклювая ведьма и старик Ак-Сакал. А Мерген умчался вперед на месяц пути.

Однажды он увидел мальчика, бегущего по степи. Мальчик догнал сайгака, зарезал его, освежевал и бросил в сумку. «Что за быстرونгий мальчик», — думает пораженный Мерген.

— Эй, мальчик, иди сюда!

Мальчик подбежал.

— Чей ты сын, малыш, расскажи. Сколько тебе лет?

— Мне семь лет, а чей я сын, не знаю. У меня две матери. С ними я и живу.

— А где твой отец?

— Больше семи лет назад он уехал за своим улусом, да все не возвращается. Мои матери думают, что он давно погиб, что его убил Алачи-хан.

— А как же вы живете? Чем кормитесь?

— Раньше у нас был конь, а я охотился на коне. А теперь нет коня, и я охочусь один. Ловлю диких зверей. Их мы и едим.

Зальта-Мерген понял, кем был этот мальчик. Сажает он его на правое колено и целует в правую щеку, сажает на левое колено и целует в левую щеку и говорит:

— Ты луч света, проникший в тотхо, ты солнце и луна на моем беззвездном небе. Я твой отец. А улус мой идет за мной следом. Едем домой.

Жены радостно встретили Моргена и сына. А скоро пришли все поддапные и весь скот.

Ударили в большой барабан — созвали на пир большой улус. Ударили в малый барабан — созвали малый улус. Долго гремел пир.

А потом началась веселая, счастливая жизнь. Мерген жил в мире и согласии со своими женами. А сын их вырос большим богатырем.

Сказка величавого Ууштин-шутэна

то было давно, в стародавние времена.

Жили в степи старик и старуха. И хотя дожили до седых волос, не довелось им услышать плача своего ребенка. Ждали-ждали и смирились. «Так и умрем,— решили они,— и не увидим ни сына, ни дочери». И вот вдруг старуха почувствовала, что у нее будет ребенок. Обрадовались они и дали обет: «Если родится дочь, мы примем сан Убуши*, а если родится сын, отдадим его в манджики».

Старуха родила сына. Воспитывали они его очень бережно, посмотретья на него не могли. А когда исполнилось сыну семь лет, вспомнили, что давали обет: если родится дочь, принять сан Убуши, а если родится сын, отдать его в манджики.

— Что ж делать, старуха,— сказал старик,— надо выполнить свой обет. Надо отвезти сына в хурул.

Запряг он лошадей в телегу, посадил сына и старуху, положил угощения для бакши.

Приехали в хурул. Навстречу выходит сам бакши. Приветствовали они его по обычаям старых времен, поклонились они по обычаям новых времен, попятились назад с почтением.

— Что вас, старик и старуха, заставило ко мне приехать? — с улыбкой спросил бакши.

— До старости у нас не было детей, а мы так хотели ребенка,— ответил старик.— И мы дали обет: если родится у нас дочь, примем сан Убуши, если родится сын, отдадим вам в манджики. У нас родился сын. И вот мы привезли его к вам.

— Прекрасно, прекрасно,— сказал бакши.— У меня уже семь мальчиков учатся мудрости. Ваш будет восьмым.

Старик и старуха уехали домой.

Начал Манджи учиться. А учился он так: что бакши скажет утром, Манджи знает к полудню, а чему бакши научит в полдень, Манджи знает к вечеру. Потом начал он брать у бакши те книги, которые тот ученикам не давал, а скоро и те,

которые бакши и сам не читал. Очень его полюбил мудрый бакши. Однажды он говорит:

— Пойдем, Манджи, в безлюдную степь, погуляем и скоро вернемся.

Идут они по траве. Впереди бакши, позади Манджи. Увидел Манджи веревочку, нагнулся и поднял. Бакши заметил и говорит:

— Ай, Манджи, не делай так! Нельзя поднимать с земли что попало!

— О бакши, — отвечает Манджи, — пригодится ведь!

Идут дальше. Лежит палка. И палку поднял Манджи.

— Ай, Манджи, ты опять поднимаешь всякую дрянь!

— О бакши, пригодится ведь!

Потом Манджи поднял коровий рог.

— Не надо брать его, Манджи!

— О мой бакши, вы увидите, пригодится и рог.

Вдруг задул ветер, набежали тучи, закапал дождь, а за ним посыпался град.

— Ай, Манджи, что делать будем, град нас бьет, где укроемся?!

— О бакши, это очень просто: я воткну в землю эту палку, привяжу веревку, к ней привяжу этот рог и мы в него войдем.

Наклонил голову Манджи и вошел в рог.

— Ай, Манджи, куда ж ты пропал? Меня тут град бьет!

— Входите ко мне, в этот рог.

— Что ты говоришь, Манджи, разве можно в коровий рог влезть?

— Входите, места хватит!

Наклонил бакши голову и очутился в роге, рядом с Манджи. А сверху по рогу град колотит, дождь льет. Думает бакши: «Видно, он добрался уже до тех мудростей, до которых я еще не дошел. Видно, он уже куда учнее меня». И еще сильнее полюбил мальчика.

А старик и старуха совсем постарели и стали бедствовать. Нет сил достать воды, нет сил принести кизяков.

— Что делать, — говорит старик, — хоть и давали мы обет перед бурханом, но придется ехать нам к бакши просить,

чтобы вернул он нам нашего милого Манджи. Пусть Манджи до нашей смерти нам помогает.

Запрягли они свою лошадь, взяли подарки-подношения и поехали к бакши.

Приветствовали его по обычаям старых времен, кланялись по обычаям новых времен. Поднесли ему ачал-такил и говорят:

— О высокочтимый бакши! Как живет, как учится наш любимый Манджи?

— Нет слов, нет слов,— отвечает бакши,— ваш сын удивительный мальчик. Он мой лучший ученик.

Посидели они, поговорили, и, наконец, старик решился сказать самое главное:

— О высокочтимый бакши! Мы стали совсем старыми и беспомощными. У нас нет сил. Как бы хорошо ни учился наш Манджи, мы решили забрать его домой.

Бакши подумал и сказал:

— Да, вы его родили. Да, вы его вскормили желто-золотым густым молоком. Да, вы его вырастили. Вы родители, и ваше право превыше всего. Но и мое право велико. Был он неученым, а стал ученым... Ладно, я вам его отдам, если вы сумеете найти его среди восьми одинаковых ворон, среди восьми баранов и среди восьми вороных коней. Если ошибетесь — Манджи мой! А сейчас уходите!

Нечего делать старику и старухе. Кто они перед мудрым, высокочтимым бакши? Со слезами на глазах сели в телегу и отправились в путь. В этот момент к бакши подбежал Манджи.

— О бакши, разрешите мне проводить отца и мать!

— Иди, иди, Манджи, проводи.

Манджи догнал телегу и вскочил на нее. А старик и старуха плачут, слезы текут по щекам.

— Как же мы тебя узнаем, милый Манджи! Ведь глаза то наши совсем плохо видят!

— Не плачьте, слезы вам не помогут. Вы лучше хорошенько запомните все, что я вам скажу. Завтра возвращайтесь к бакши. Он вас заметит издали и превратит нас всех восьмерых в черных ворон. Этих ворон он посадит на сандаловый трон. И скажет вам: «Ищите своего Манджи». Так

запомните: у всех ворон лапки будут черные, а у меня одна черная, а другая красная. Потом он нас всех превратит в баранов и пустит в отару. Там узнать меня будет трудно. Но я превращусь в барана с желтым ухом, а когда бакши будет пропускать баранов мимо вас, я пройду совсем близко, задену боком ваши ноги. В этот момент хватайте меня. Потом он превратит нас в водянисто-черных вороных коней и оставит на бугре. Я буду стоять ниже троих, выше четверых. А теперь мне пора назад — бакши будет сердиться.

И он прыгнул с телеги.

Старик и старуха возвратились домой. Всю ночь они думали, повторяли все, что сказал Манджи. А утром поехали к бакши.

Мудрый бакши заметил их издалека. Он быстро пошевелил губами, прочитал заклинания, подул-поплевал и превратил восьмерых манджиков в восемь черных ворон. Взял их всех на руку, отнес на восьминогий сандаловый трон и стоит ждет старика и старуху.

Пришли они, поздоровались с бакши по-старому, поклонились ему по-новому, попятились назад и сели.

— Ну, ищите среди этих ворон своего Манджи!

Бедный старик глаза напрягает — ничего не видит.

— Надо ближе подойти, — говорит старуха.

Подонли ближе. Старуха заметила красную лапу. «Если сразу поймать, — думает она, — бакши может догадаться, что Манджи нам подсказал». И она смотрела долго-долго, а потом сказала:

— Наверное, вот этот — ваш Манджи.

— Верно, верно, это и есть ваш Манджи. Ладно, побудьте тут.

Взял бакши ворон, унес, пошевелил губами, превратил их в баранов и пустил в отару. Потом стал прогонять отару мимо старика и старухи. Манджи идет, кивает головой, идет совсем рядом, идет касается отца... Но старик не успел его схватить, упустил. «Ничего с отцом не получается, совсем он слепой, — думает Манджи. — На мать вся надежда». Подошел он к матери. Схватила она барана за желтое ухо и говорит:

— Бакши, может, этот наш?

— Хорошо, хорошо, два раза отгадали. Ну погодите. Теперь самое трудное. Ближе подходить нельзя!

Он погнал баранов и превратил их в восемь водянисто-черных вороных коней. Поставил их на бугре и кричит:

— А ну, старик и старуха, угадайте, где вап сии?

— Наш сын тот, что выше троих, ниже четверых! — крикнула в ответ старуха.

— Что ж, вапа взяла, Манджи вап. Но что для вас дороже: Манджи или небо?! Прочь с глаз долой! И чтобы конь ваш на эту землю никогда не ступал! Манджи я вам все равно не отдам!!

Завлакали старик и старуха, поспешили к своей телеге и уехали, даже не оглянувшись на хурул.

А хитрый бакши понял, что это Манджи подкажал старикам, как его узнать. Рассердился он на Манджи. Возвратил семерым манджикам их первоначальный вид, а его оставил конем. Припизал его к телеге и сказал:

— Стой под полуденным солнцем, жарься!

И ушел.

Была у бакши племянница, красивая девочка. Все для нее делал старый бакши. И вот увидела она, что в полуденный зной, когда все живое спряталось, стоит на солнцееке черный конь с глазами, полными слез. Поняла она, что это стоит Манджп, превращенный в коня, прибежала к бакши и говорит:

— Дядя, любите ли вы меня?

— А кого же мне любить, если не тебя, мою единственную племянницу.

— А кого любить единственному сыну, если не отца с матерью? А вы, дядя, мучаете его за то, что он любит отца с матерью. Вы держите его на солнцееке в такое время, когда каждый хозяин любую скотину прячет. Вы бы приказали какому-нибудь манджику напоить коня, ведь он хочет пить.

Бакши позвал семерых манджиков и сказал:

— Сводите коня к реке, напоите и скорей возвращайтесь. Трое держите за правый чумбур, четверо за левый. Крепко держите, чтоб не убежал!

Манджики отвязали коня и повели к реке. Конь немного попил, а потом сказал человеческим голосом:

— Клятвоженные братья мои! Я погибаю от жары! Отпустите меня ненадолго, я пойду в воду поглубже, окунусь, освежусь, и тогда ведите меня обратно на солнцепек!

— А верно,— сказали манджики,— надо ему окунуться, ведь очень жарко.

Они отпустили его. Тогда конь вбежал в воду, сбросил узду, превратился в резвую белую рыбку и исчез. С пустой уздечкой вернулся манджик к своему учителю.

— О бакши,— закричали они еще издали,— конь от нас убежал, он превратился в резвую белую рыбку и уплыл вверх по реке.

Бакши вскочил, подбежал к реке, превратился в желтопеструю быструю щуку и пустился в погоню. Сколько дней он гнался, никто не знает. Но вот желтопестрая щука уже настигает резвую белую рыбку... Когда Манджи увидел, что вот-вот щука схватит его, он превратился в серую утку, вырвался из воды и полетел. Бакши превратился в молодого черного сокола и пустился за уткой. Сколько он гнался, неизвестно, но вот он настигает утку. Некуда Манджи деваться. Видит: стоит на земле дяколум. Влетел он в орк, превратился в пшеницу и рассыпался по земле. Молодой черный сокол влетел за ним, превратился в курицу и стал быстро-быстро клевать зерна. Вот он уже добирается до того зерна, в котором был Манджи... Принял тут Манджи свой человеческий облик, вскочил и стал озираться по сторонам. Видит: сидит величественный лама, погруженный в созерцание. Вокруг его белых волос сияет нимб, сине-красная радуга. Глаза на его неподвижном лице закрыты.

— О великий лама, нет ли у вас топора? — закричал Манджи.

Не открывая глаз, лама проговорил:

— Посмотри вокруг.

Манджи оглянулся, увидел топор, схватил его и отсек голову курице. А на землю упала седая голова бакши.

— Ай-ай, мой великий лама! Что я наделал!

— А что ты наделал? — спросил лама, не открывая глаз.

— Я убил учителя, я убил своего бакши, о, это великий грех!

И Манджи рассказал все, что с ним произошло.

— О мой лама! Как мне избавиться от греха?

— Если ты дитя крепкой мысли и твердого права, то не так уж трудно избавиться от греха. Завтра я совершу поклонение бурхану. Ведь и я участвовал в этом убийстве, я подсказал тебе, где топор. А ты возьми вот эту китайскую иголку, бережно ее храни, на груди храни. Пусть захочешь, положи иголку и утолишь жажду свою. Если захочешь, положи иголку и утолишь голод свой. Почувствуешь, что насытился той пиццей, которую ты пожелал. А когда одежда твоя изорвется, дотронься иглой до одежды, и станет она, как новая. Ведь до земли, куда ты сейчас отправишься, девять лет ходу. Там на высоком тополе стоит священный бронзовый шутэн — Уштин-шутэн. Этот шутэн думает и говорит как живой человек. Доберись до него, поклонись ему от всей души. И когда шутэн соизволит одарить тебя своим вниманием и величаво воссядет на твое правое плечо, неси его в мой диалом. Если ты припесешь его ко мне, избавишься от греха. Туда иди как хочешь: с песней, с пляской, с плачем, а обратно, когда будешь нести шутэна, не вздумай даже рта раскрыть!

Манджи взял иголку и пошел на восток. Сколько ни шел, а пришел он к тому тополю, на котором восседал величавый Уштин-шутэн. Стал ему поклоняться Манджи. Неделю поклоняется, вторую, третью. И наконец Уштин-шутэн соизволил одарить его своим вниманием, спустился с тополя и величаво воссел на правое плечо Манджи.

И вот Манджи отправился в обратный путь. Идет и думает: «Мне ведь лама сказал: туда иди хоть с песней, хоть с пляской, хоть с плачем, а обратно — слова не пророни, рта не открывай!» И вот идет он, идет. Идет и идет. Идет и ни слова не говорит. Уже прошел одну треть пути. И вдруг Уштин-шутэн заговорил:

— О Манджи, такой ты терпеливый! Как тебе не скучно! Даже «а» ни разу не сказал!

А Манджи идет и молчит. Идет и молчит. Тогда шутэн говорит:

— Когда путники беседуют, далекий путь близким становится. Когда молча идут, любая дорога далека. Какой ты странный, Манджи, почему ты хранишь молчание?

А Манджи идет и молчит. Тогда шутэн сказал:

— Ладно, я буду говорить один. Я расскажу тебе сказку.

«Это было в давние времена. Жил, говорят, на свете один старик. Было у него три сына. И вот подошел предел годам старика, пришла пора ему отправиться в лучший мир. Собрал он сыновей и сказал: „Дети мои, когда похороните кости мои, три ночи подряд почуйте у могилы моей“. Сказав эти слова, умер старик, говорят. Сыновья, совершив обряды, похоронили его кости. Пришла ночь. Старшему брату надо идти почевать на могилу. Но он не идет, лежит себе на кошме. Младший брат говорит: „Старшие братья мои, что вы делаете, вы не хотите выполнить последнее желание отца? Ведь отец просил нас, чтобы мы по очереди переночевали у его могилы“. — „Кому это надо почевать над костями мертвеца? Кто это почует у могилы? — отвечают братья. — Если ты такой дурак, если ты всерьез принимаешь слова мертвеца, — иди, почуй!“

Не сказав ни слова, младший брат выпел из кибитки. Пришел на могилу. Сел и сидит. Холодно. Темно. Ветер воет. Наступила полночь. И вот старик из-под земли спрашивает: „Кто это надо мной сидит?“ — „Я сижу“. — „Но ведь твоя очередь еще не подошла, уходи“.

Младший брат вернулся домой. Но братьям своим не сказал, что отец ночью разговаривал. Снова пришла ночь. Пора идти среднему брату. Но он, как и старший, лежит на кошме, позевывает. „Об, старшие мои братья, что же это вы? Ведь отец просил, чтобы мы почевали около него“. — „Если тебе нравится почевать в обществе покойника, — отправляйся! А нам и здесь неплохо!“

И младший брат опять ушел на могилу. В полночь отец спрашивает: „Кто это надо мной сидит?“ — „Я сижу“. — „Но твоя очередь завтра. Уходи“.

Младший брат вернулся домой. Утром встал. Ждет вечера, ждет своей очереди. Братьям ничего не говорит. Как стемнело, пришел на могилу. В полночь отец сказал: „Это опять ты надо мной, мой младший сын. А те двое так и не пришли. Значит, не суждено им получить ниспосланное счастье. А тебе я подскажу, где оно. Иди, получай его. Иди на восход. Иди, пока не встретишь одинокий тополь. Выкопай

его. И рой дальше, на девять локтей в глубину. Там ты и найдешь непосланное счастье. Возьми его, а как возьмешь, трижды сложи руки бутопом лотоса и молитвенно, почти-тельно обратись к предкам“.

Младший брат все это выслушал, встал, подоткнул позы бешмета за пояс и быстро пошел в сторону восхода. Идет он, идет, и вот встречается ему Харатын-хап с огромной свитой. Сам хан едет с ханшей в золоченой карете, запряженной девятью золотисто-рыжими конями. „Эй, подведите ко мне мальчика!“ — кричит хап. Младшего брата подвели к нему. „Мальчик, мальчик, куда ты так бежишь, соревнуясь с красным солнцем?“ — „Я тороплюсь за непосланным счастьем, мне отец подсказал, где найти его“.

Хап встревожился: „Что, что? Ниспосланное счастье? Скажи скорее, где оно находится? Я возьму его. А тебе отдам пламен мою золоченую карету и девять золотисто-рыжих коней!“ — „Зачем мне эта карета и эти кони? Что я буду делать с ними? Уж лучше я добуду ниспосланное счастье“, — подумал младший брат и сказал: „Нет, о великий хан, я не согласен“.

И побегал на восток. Хан поехал дальше. А мальчик бежит, бежит, и вот, наконец, тополь. Выкопал он этот тополь и роет дальше. Углубился на девять локтей и увидел ржавое шило со сломанным острием».

В этот момент Манджи, несший на правом плече велича-вого Уупитив-шутэна, воскликнул:

— Увы, увы! Зачем ему это шило да еще без острия! Лучше бы он отдал свое ниспосланное счастье за девять золотисто-рыжих коней Харатын-хана!

И тут шутэн поднялся с плеча Манджи и улетел назад на свой величественный тополь.

— Да, обманул меня шутэн! И еще дважды обманет! Что делать? Надо идти за ним.

И Манджи побрел назад.

Сколько ни шел, а снова добрался до шутэна, снова долго ему поклонялся, пока шутэн сообразовал величественно вос-сесть на его плечо и двинуться в обратный путь.

Идет Манджи и молчит. Крепко помнит, что нельзя гово-рить ни слова. И вот оставил за спиной уже половину пути.

— Мальчик, мальчик, — вдруг заговорил шутя. — Почему ты не издаешь ни звука? Разве ты не знаешь скуки? Ведь путь наш станет короче, если мы начнем разговаривать.

«Нет, — думает Манджи, — теперь ты меня не проведешь!»

— Ну, ладно, молчи, а я буду рассказывать. Слушай, что было дальше.

«Ты ведь сказал: „Ах, зачем ему это шило да еще без острья! Лучше бы он отдал свое непосланное счастье за девять золотисто-рыжих копей Харатыл-хапа!“ Так ведь и младший брат сказал те же слова, да еще добавил: „Какая польза мне от этого шила?“ Он устал и лег спать, а шило положил рядом с собой. Долго спал, а когда проснулся, увидел, что ржавое шило превратилось в богатырский меч. „Вот оно как!“ — подумал младший брат. Он вскочил, схватил меч и вытащил его из ножен. Был это грозный меч, на солнце он засверкал. Из священной стали искусно откопан был. Из алмазной стали лезвие, а из черной стали рукоятка. Вот каким был тот меч. А когда его вытащил младший брат, появился откуда-то смуглый усатый великан и спросил: „Что прикажете, господин?“ — „Пока ничего“, — ответил младший брат и вложил меч в ножны. Великан исчез.

Пристегнул младший брат свой меч к поясу и пошел. Но пошел он не в сторону родного улуса, а в сторону улуса чужого хана. А когда он пришел в его пугук, увидел, что там никого нет, все откочевали на летние пастбища. И живут там в черном джолуме только старик и старуха. Старик сто двадцать лет, старухе сто десять. Они то обретают свой ум, то теряют его. Живут в полузабытьи. Едят, что им подадут. А не подадут, — ничего не едят. Младший брат подошел к ним и говорит: „Здравствуйте, отец, здравствуйте, мать!“ — „Здравствуй, здравствуй, — отвечают они. — Откуда ты идешь, мальчик? Куда идешь?“ — „Я иду к лицу добрых людей. Хочу стать сыном тому, у кого нет сына“. — „Это хорошо, это прекрасно!“ — отвечают старик и старуха. „Могу ли я стать вашим сыном, отец?“ Старик и старуха обрели свой ум, подумали и сказали: „Мы грешные люди и, чтобы искупить грехи, добровольно страдаем. А ты безгрешный, чистый. С нами ты только грехов наберешься, милый мальчик. А сами мы такие старые, что то обретаем свой ум, то

теряем его. Лучше не связывай себя с нами". — „Я все равно хочу быть вашим сыном“, — ответил мальчик. „Ну, если такова твоя добрая воля, то будь им“, — сказал старик.

Настал вечер. Старик и старуха то приходят в сознание, то теряют его. Легли спать. Тогда мальчик вытащил свой меч с лезвием из алмазной стали, с рукояткой из черной стали, и появился смуглый усатый великан. Он спросил: „Что прикажете, господин?“ — „А вот мой приказ: пусть старик и старуха станут людьми среднего зрелого возраста, а их черный джолум пусть станет вечным золоченым дворцом. Стены его пусть будут изукрашены искусными узорами из разноцветных драгоценных камней, а вершина — узорами из алмазов. Пусть в пикней части дворца будут шаровидные пристройки. Пусть ни с небом, ни с землей не соединяется дворец, пусть в воздухе он висит. Пусть до синего неба лишь на три пальца не достает. А когда залает собака у входа дворца, пусть лай не будет слышен с другой его стороны. Вот каким должен быть этот вечный драгоценный дворец. Да пусть будет мягкой постель, на которой будут спать старик и старуха. Да пусть во дворце всегда чай ароматный кипит“.

Только закончил мальчик, — и все появилось вмиг. Вознесся величественный драгоценный дворец, и мальчик в него вошел. А во дворе много слуг. И все они во главе с мальчиком пошли будить старика и старуху. А те сладко снят на мягкой постели под розовым балдахинном. Разбудили их, приветствуют. „О небо, и к нам пришло счастье“, — сказал старик. Им со старухой поднесли ароматный чай цвета сандалового дерева. А когда они вышли из дворца и посмотрели в степь, то увидели, что от несметного скота четырех родов земля прогибается. Старик и старуха молитвенно сложили руки, поблагодарили бурхана за то, что он испослал им сына-благодетеля.

Прошло несколько лет. Они живут, наслаждаются благоденствием. Однажды сын говорит: „Отец, отец, а ведь мне пора стать человеком. Пора жениться“. — „Милый мой, да ведь тебе лучше знать, что тебе пора“. — „Ну, а раз так, то я поплю вас сватать мне невесту. На юго живет Земешчи-хан, владелец фруктовых садов. У него есть дочь. Пойдите, отец, посватайте его дочь“. Старик боялся идти к хану. С ханами

он еще никогда не разговаривал. Но долать нечего. Для сына он готов на все.

Ночью сын вышел в степь, вытанцил меч и приказал великану: „Пусть у моего отца будет ханская одежда и достойный хана конь“. А утром, когда проснулся и вышел из дворца, он увидел, что отец в дорогих ханских одеждах сидит на красивом рыжем коне. „Отец,— говорит сын,— вас Земещи-хан заметит издалека и выйдет встречать. Он спросит вас, кто вы. Каким же ханом вы ему назоветесь?“ — „Не знаю, милый, не знаю“. — „Вы ответьте так: я Эрдни-хан Само Собой Возникшего ханства. Что потребует от вас хан Земещи за дочку, на все соглашайтесь“.

Старик отиралился в путь. Когда он въехал в улус Земещи-хана, тот его заметил и говорит своим министрам: „Что это за хан едет к нам, глазом не виданный, ухом не слышанный?“ Он послал министров навстречу старику и сказал: „Встречайте его, как положено, со всею ханскими почестями“. Старика ввели во дворец. Земещи-хан приказал поставить сацдаловий трон с восьмью ножками. Старик, молился по-повому, приветствовал всех по-старинному, сел на этот трон. Угостил его Земещи-хан почетными кушаньями и спрашивает: „Откуда вы приехали, дорогой хан, как вас зовут, как называется ваше ханство?“ — „Я Эрдни-хан Само Собой Возникшего ханства“. Земещи-хан думает: „Не было еще под солнцем такого ханства и такого хана. Наверное, велики его достоинства, бесконечна его волшебная сила, если он со мной так смело говорит“. И он сказал: „Куда же вы путь держите, Эрдни-хан? По какому поводу ко мне заехали?“ „А путь и держу к вам. Хочу сватать вашу дочь за своего сына. Сколько ни рви — не рвется, сколько ни гни — не гниется. Вот каким должен быть сват“.

Послушал его Земещи-хан и сказал: „Да будет так. Да будет по-вашему. Я не могу сказать, что Эрдни-хан Само Собой Возникшего ханства не годится мне в сваты. Я не могу сказать, что сын его не годится мне в зятя. Если выполните все, что я пожелаю, я отдам вам дочь. Если выполните все, что я пожелаю, я поверю, что вы Эрдни-хан Само Собой Возникшего ханства“.

„Я выполняю все,— говорит старик,— слушаю, вас“.

„За одну ночь,— говорит Земешчи-хан,— постройте от моего дворца до вашего дворца дорогу из чистого золота. У входа в мой дворец с правой стороны в золотом бассейне серебряные рыбки пусть сверкают. У входа в ваш дворец с левой стороны в серебряном бассейне золотые рыбки пусть играют. А по барханам и сыпучим пескам пусть широкая река потечет. И пусть в ней плавают все рыбы, показывая плавники над водой. А по берегам реки пусть фруктовые деревья растут. К завтраку пусть они цветут, а к обеду плодоносят. Пусть разноцветные птицы поют на деревьях звонкие песни. Если все это вы выполните за одну ночь, я поверю, что вы Эрдни-хан Само Собой Возникшего ханства“.

Старик сказал: „Все выполним“. А сам, трясущийся от страха, пошел поскорей от хана. Дома все рассказал сыну. Сын говорит: „Не тужите, отец. Ложитесь спать“. А сам, когда все заснул, вышел в степь, вытащил меч и повторил великаву все, что потребовал Земешчи-хан. К утру все было готово. Проснулся хан Земешчи и видит: в золотом бассейне серебряные рыбки плавают, на деревьях разноцветные птицы поют и золотая дорога идет вдаль от его дворца. Ханша радуется, а хан говорит: „Все это он успел сделать за одну ночь. Да, он действительно Эрдни-хан Само Собой Возникшего ханства“.

На другой день старик снова приехал к Земешчи-хану и они договорились дождаться лучшего месяца, а в нем лучшего дня, чтобы сыграть свадьбу.

В назначенный день старик послал к Земешчи-хану людей, которые повезли хурюм, подарки. Земешчи-хан встретил их с почетом, с почестями. Ударили в большой гонг — собрали большой улус, ударили в малый гонг — собрали малый улус. В пирах и веселье прошло восемьдесят дней. В радости и гулянье прошло пятьдесят дней. Так отпраздновал свадьбу дочери Земешчи-хан.

И владыка Эрдни-хан ввел в свой дворец невестку.

Ударили в большой барабан — собрали большой улус. Ударили в малый барабан — собрали малый улус, и снова начался пир. Танцевали так, что не замечали, как отрываются пуговицы. Танцевали так, что не замечали, как ломаются по-

яса. Пировали сорок девять дней, потом еще сорок девять дней.

И начали жить в блаженстве. Год проходит, другой, третий. Молодому хану делать нечего, все появляется само собой. И он заскучал. Начал он от скуки ездить на охоту. А ханша его остается дома, рукодельничает.

Однажды, когда она работала, из-под ее правого колена вдруг появился черный человек. „О боги, что это за человек, который не в дверь вошел и даже не в дымовое отверстие, а появился у меня из-под правого колена?“ — подумала она. „Кто вы такой?“ — вскричала. „Я сын Харатыи-хана. Где сижу — туда ухожу, где захочу — выхожу. А где твой муж?“ — „Мой муж на охоте“. — „А чья ты невестка?“ — „Я невестка Эрдни-хана Само С собой Возникшего ханства“. — „Ха-ха-ха! Какого это еще Само С собой Возникшего ханства? Я сейчас тебе расскажу правду об этом Эрдни-хане. Слушай. Жил старик ста двадцати лет и старуха ста десяти лет. Они были так стары и слабы, что то приходил в сознание, то терял его. И вот появился около них твой муж. Благодаря своему волшебству он превратил их в хана и ханшу, себя назвал сыном хана и обманул тебя. Выдали тебя за самозванца, за черную кость“.

Ханша сидит пораженная, не может слова сказать.

„Ты вот живешь с ним три года, а рассказал он тебе о своей таинственной волшебной силе? Где она заключена?“ — „Какая же может быть у моего мужа волшебная сила? Нет у него никакого волшебства“. — „Нет, есть! Я знаю! Когда вернется, спроси!“ И сын Харатыи-хана исчез.

Сидит молодая ханша, мучается, плачет. Вернулся муж. Когда легли спать, она спросила: „Вы не рассердитесь на меня, если и задам вопрос?“ — „Отчего же я буду на тебя сердиться? Ведь наши судьбы соединились в юности“. — „Если рождается мужчина, он не рождается без волшебной силы. В чем ваша волшебная сила? Три года мы живем, а вы мне не рассказали о ней“. — „Какая у меня волшебная сила? Откуда?“ Но жена всю ночь не давала ему покоя, все спрашивала. „Как бы отделаться от нее“, — думает молодой хан. И говорит: „Моя волшебная сила находится в топоре“. — „Тогда не берите его завтра с собой“. — „Ладно“. Утром муж

уехал на охоту а жена взяла топор, украсила ого шелком и бархатом и повесила на стену. Скоро появился из-под колена сын Харатын-хана. „Ну что, спрашивала у мужа?“ — „Спрашивала. Его волшебная сила в топоре“. Сын Харатын-хана схватил топор и стал его рассматривать. „Ох и глупая ты баба! И ты ему поверила? Да разве может в топоре, которым колют дрова, волшебная сила сидеть?“ Он открыл дверь и выбросил топор. „А теперь слушай, что я тебе скажу: твой муж тебе никогда не говорит правду. Он тебе говорит, что ездит охотиться. А у него есть другая ханша, лучше тебя. К ней он ездит. Ей говорит правду“.

Молодая ханша сильно загоревала от этих слов. „Вернется муж, как следует расспроси!“ И черный человек исчез.

Вернулся муж. Когда легли спать, жена говорит: „Разве бывает волшебная сила в обыкновенном топоре, которым колют дрова? Зачем вы обманываете меня? Если вы мне не говорите правду, то кому же вы ее говорите?“

— „Ладно, так и быть скажу тебе правду. Моя волшебная сила заключена в моей кожаной плетке с таволожным черенком“. — „О, тогда завтра не берите ее с собой!“ — „Ладно.“

Когда муж уехал, она украсила плетку разноцветными шелками, пришила бахрому и повесила на стенку. В этот миг появился черный человек. Где задумал — выходит, где сидел — уходит. Появился из-под правого колена ханши. „Ну, что он сказал?“ — „Он сказал, что сила его в плетке с таволожным черенком“. — „Да, сила мужины может быть в плетке!“ Он подскочил к стене и схватил плетку. Долго ее рассматривал и сказал: „Глупая ты баба! Обманывает тебя твой муж. Да разве в паршивой плетке, которой бьют скот, может быть чудесная сила?“ И выбросил плетку за дверь. „Да, где-то он говорит правду, а тебя дурачит“. И он исчез.

До самого вечера плакала молодая ханша. А когда вернулся муж, она сказала: „Я пришла к вам в чужой для меня край. Я пришла к вам и навеки породнилась с вами. А вы так жестоко меня обманываете! За что? Если бы я знала, где ваша сила, я бы никому не сказала!“ — „А что будет, если я ей правду скажу?“ — думает муж. И говорит: „Моя сила паходится над семью и под семью“. Жена всю ночь ду-

мала об этом, но ум женщины не додумался ни до чего. Утром муж уехал. Она перевернула все в доме, но ничего не нашла. Она не знала, что это такое „над семью и под семью“.

Появился сын Харатын-хана. „Ну, что сказал муж?“ — „Он сказал „над семью и под семью“. Но я ничего не смогла найти“. — „О глупая женщина! Чего ж тут не найти! Вот ваша кровать. На пей четырнадцать ширдыков“. Он отсчитал семь ширдыков сверху и сбросил их. Там лежал меч. „Вот она, его волшебная сила! — вскричал сын Харатын-хана. — Благодаря этой силе твой муж превратил стодвадцатилетнего старика в Эрдни-хана Само Собою Возникшего ханства, а сам назвался его сыном. Сейчас я это ханство препращу в прах! И все будет по-старому. А мы с тобой увидим!“ Он схватил меч и выдернул его из ножен. Появился смуглый усатый великан. „Что прикажете, господин?“ — „Пусть все будет по-старому. Пусть старик и старуха примут свой прежний вид. Пусть дворец, скот, богатство — все превратится в прах. Пусть эта женщина будет моей. Пусть конь ее мужа превратится в палку, а его плеть в камышинку!“

И вот на их глазах все превратилось в прах. Старик и старуха стали древшими, как прежде. Сын Харатын-хана забрал молодую ханшу и уехал.

А у ее мужа, который в это время скакал по степи, конь превратился в палку, а плеть в камышинку. „Вот почему спрашивала меня жена о моей чудесной силе! Понятно. Мои непосланное счастье забрали!“ И он побежал куда глаза глядят. Вдруг увидел седого-седого старика. „Сын мой, чем ты так напуган, куда бежишь?“ Сын Эрдни-хана рассказал старику все от начала до конца. Старик говорит: „Богатство, которое завещано предками, никто не может отнять. Вои там, за холмом, сын Харатын-хана, отнявший твой меч и превративший твоё богатство в прах, устраивает пир. Беги туда. Когда подойдешь к дворику, тебя пригласят войти и угостит мясом. Твой меч висит на спинке кровати. Подойди к ней незаметно, потом хватай меч и беги. За тобой кинутся сразу все, в дверях будет свалка, тебя не догонят!“

Бедный сын Эрдни-хана пошел к дворику. Там пировали. Он остановился в дверях, на виду у всех. „Пришел новый

человек. Надо его угостить! — крикнул кто-то. — Заходи, ешь мясо“. Он вошел. Взял кусок мяса, ест, а сам незаметно приближается к кровати. И вдруг он бросил мясо, схватил меч и побежал к дверям. „Меч! Меч!“ — закричали все, и все разом встали и побежали за сыном Эрдни-хана. Но он уже выскочил из дворца, а они застряли в дверях. Вытащил меч сын Эрдни-хана и говорит великану: „Пусть все женщины, которые бегут за мной, превратятся в диких свиной, а мужчины в диких кабанов“. Оглянулся, а за ним бежит стадо — свиной и кабаны. Вот уже все подданные бегут и хрюкают.

Последним из дворца выпел сын Харатын-хана с молодой ханшей. Они тоже упали на четвереньки, захрюкали и побежали за стадом в камышовые заросли. „Постой, сын Харатын-хана, и забудь подарить тебе принаки пола!“ И сын Эрдни-хана поднял с земли два куска конского навоза и бросил в кабана».

В это время Манджи, который нес на правом плече величавого Ууштин-шутэна, воскликнул:

— Правильно! Так им и надо!

И хотя он уже подходил к джолуму ламы, Ууштин-шутэн поднялся с плеча мальчика и улетел назад.

Грустный Манджи вошел к ламе и говорит:

— Снова обманул меня шутэн. Как я ни крепился, а все-таки обронил два слова, и шутэн улетел.

— Не горюй, Манджи, теперь ты его без труда сюда доставишь. К вечеру вернешься назад.

Манджи вышел из джолума. Как птица на восток полетел, как на крыльях из ветра полетел. Достиг шутэна, возложил его себе на плечо и так же, как на крыльях из ветра, вернулся обратно.

Лама взял светло-белый бальзам цвета полуденных облаков и оживил им убитого бакши.

Бакши простил ламе и Манджи их грехи.

Манджи говорит:

— Твоя правда, бакши, ты меня выучил, из темного сделал светлым. Но и родители мои тоже правы. Они стары, они

не могут сами принести себе ни воды, ни кизяков. Они хотят, чтобы я жил с ними. Я возвращаюсь в отчий дом.

— Да будет так. Пусть каждый займет свое место.

И лама погрузился в нирвану.

Бакши ушел в свой хурул, а Мауджп вернулся к родителям.

Медноволосая девушка

ила-была одна старуха. У нее никогда не было ни мужа, ни детей. Взяла она себе на воспитанье маленького мальчика-спроту. Мальчик вырос и не знал, что эта старуха — мачеха, а не родная мать.

С детства мальчик ничего не боялся, и его прозвали Зориктэ — бесстрашный. С семи лет он стал ходить на охоту. Каждый раз он приносил дичь, и этим они со старухой кормились.

Однажды Зориктэ ушел охотиться очень далеко. И вдруг он увидел за холмом семь белых кибиток. Около кибиток пасется много скота, а людей нет. Подошел Зориктэ к кибиткам, заглянул в каждую из них. Никого. И везде полно ковров, золота, серебра, украшений. Весь день просидел Зориктэ в кибитке. Никто не пришел. На другой день — тоже. «Чье же все это добро? — думал Зориктэ. — Надо бы заглянуть и в седьмую, крайнюю кибитку. Дверь в нее завалена камнями. Придется этот завал разобрать». Пошел он к крайней, седьмой кибитке, разобрал камни, открыл дверь и заглянул внутрь. В кибитке была глубокая-глубокая яма. До дна ее было девяносто девять локтей. А на дне ямы Зориктэ увидел огромного черного муса.

— Мальчик, мальчик, — громким голосом закричал мус, — вытаци меня отсюда, отцом тебе буду. Там в кибитке лежит

аркан, сплетенный из волос девяти женщин. Кинь его сюда, и я по нему выберусь наверх.

— Мне отца не надо! — сердито сказал Зориктэ.

Вышел он из кибитки и завалил дверь камнями. «Вот кто здесь хозяин! — подумал он. — Ну что ж, пусть лежит в яме, пока не умрет. А я приведу сюда мать, и мы будем владеть всем этим скотом и кибитками».

Привез он сюда старуху и говорит:

— Ну, мама, можете жить в какой угодно из этих шести кибиток, но в седьмую, крайнюю, никогда не заходите.

Старуха ходит от кибитки к кибитке, добром любитесь, в каждой кибитке хочет жить.

Прошел год, прошло два, прошло три года. Живут они, ни в чем не пуждаясь. Скота много, масла и мяса сколько угодно.

Зориктэ целый день ухаживает за скотом. А старуха не знает, чем бы ей заняться. Сидит одиножды и думает: «Почему это сын мне не разрешает в крайнюю кибитку входить? Ничего не случится, если я зайду туда и посмотрю».

Она разобрала завал и открыла дверь седьмой кибитки. До слуха ее донесся еле живой голос. Он был похож на писк комара:

— Эй, кто там? Вытащи меня! Буду тебе старшим братом, буду младшим братом.

— Не надо мне братьев.

— Ну тогда я буду тебе мужем. Будем жить как муж и жена.

Старуха вскрикнула:

— Ах ты милый, давно бы так сказал!

— В кибитке лежит аркан, сплетенный из волос девяти женщин. Брось конец в яму, и я вылезу наверх.

Старуха бросила аркан. Черный мус вылез. И стал он жить со старухой. На ночь она его прятала в одной из кибиток, в которой никто не жил. А днем, когда Зориктэ уходил к скоту, они встречались.

Через девять месяцев старуха родила сына.

— Как быть с мальчиком? — спросила она у муса.

— Заверни его в материю, которую Зориктэ никогда не видал, и отнеси на дорогу, по которой он возвращается до-

мой. Зориктэ найдет его и присосет тебе. И ты начнешь его воспитывать.

Все так и вышло. Зориктэ нашел ребенка, радостный принес его домой и крикнул:

— Мама, поднимай в орко жердь *, дай знать, что кебюп родился! Не было у меня младшего брата, а теперь есть!

Мальчик быстро рос. Он очень привык к Зориктэ и всегда ел, сидя у него на коленях. Его так и называли — Кебюп, мальчик.

Однажды мус говорит старухе:

— Уже два года нашему сыну. Все время так скрываюсь, мы жить не можем. Есть у нас свой сын. А этого Зориктэ надо убить-отравить.

— Убей-побори,— говорит старуха,— если сил у тебя хватит.

— Нет, побороть его я не смогу, сил не хватит. Его надо отравить. И в этом ты мне должна помочь. Два дня не давай ему есть. А на третий день он будет есть все подряд. Я дам тебе яд, и ты с этим ядом приготовишь мясо.

На другой день старуха ничего не приготовила. Зориктэ вечером пришел голодный, а есть нечего.

Старуха говорит:

— Брат твой проплакал весь день и не дал приготовить ужина. Ну да ничего. Лаская милого младшего брата, можно обойтись без ужина.

Поел Зориктэ немного из вчерашних остатков и лег спать. На другой вечер возвращается и спрашивает:

— А сегодня вы сварили мяса?

— Нет, я сегодня твой брат весь день проплакал. Ему, видно, нездоровится. Опять не дал приготовить ужина.

Зориктэ взял младшего брата на руки, съел лепешку и пошел спать. Наутро голодный ушел в степь, к скоту. К вечеру старуха приготовила жирную конскую брюшину и всыпала туда яду.

Мус ей сказал:

— Когда Зориктэ начнет есть, мальчика к нему не подпускай!

Вечером пришел Зориктэ. Старуха поставила перед ним полный тавак жирного мяса:

— Ешь, вкусная сегодня еда.

Выскочил Кебюн и уселся на колени к старшему брату. Старуха подбежала к нему, схватила за руки и потащила, приговаривая:

— Не мешай брату, и так из-за тебя он три дня не ел. Дай ему спокойно поесть.

— Пусть остается, он мне не мешает, я и так хорошо наемся,— говорит Зориктэ.

— Нет, он руки твои будет занимать.

Только поднес Зориктэ ко рту кусок мяса, младший брат подбежал к нему и выбил своей слабой ручкой мясо из его рук.

— Что за страшный мальчик! — кричит старуха. — Ты почему не даешь брату есть?

Она схватила мальчика и стала крепко держать, чтобы он не вырвался. И тогда Кебюн заговорил впервые в жизни:

— Брат мой, не ешь! Отравлено!

Зориктэ гневно оттолкнул от себя тавак. Старуха засуетилась, забеспокоилась, забормотала:

— Что за страшный мальчик? Никогда не говорил и вдруг заговорил. И еще утверждает, что мясо отравлено! Откуда он это взял? Откуда в мясе яд?

Она подбежала к мясу, схватила кусок, бросила его, лягнула свои пальцы и вдруг побелела, свалилась и умерла.

Кебюн забрался на колени к старшему брату и говорит:

— Злая старуха умерла. Но кроме нее есть еще мус.

В этот момент вбежал черный мус и бросился на Зориктэ. Борются они, борются, мнут друг друга могучими руками, но никто верх не берет. Мус кричит:

— Кебюн, ты ведь мое дитя! Помогай мне! Кинь под меня сырую овчину, чтобы я не скользил, а под него сыпь просо! Сил моих не хватает! Скорее!

А Зориктэ говорит:

— Если ты и вправду мой брат, милый Кебюн, то под меня стели сырую овчину, а под муса рассыпай просо!

Кебюн помог своему брату, мус упал, и они вдвоем убили его. Разрубили его тело на куски. Принесли саксауловых дров, развели большой костер, спалили куски на огне, а золу по ветру развеяли. Не стало черпного муса.

И стали братья жить вдвоем в полном спокойствии и достатке.

Много лет прошло. Младшему брату исполнилось семнадцать. Однажды он говорит:

— Брат мой, Зорикта, почему ты до сих пор не женат? Почему ты не поездишь по свету, не поищешь себе невесту?

— Не ехал я за невестой потому, что боялся оставить тебя одного. Как ты тут проживешь без меня?

— Мне уже семнадцать лет. Я могу жить один. А тебе надо добраться до улуса соседнего хана и взять в жены ханскую дочь.

— Что ж, я поеду. Но сумеешь ли ты прожить один?

— Сумею, не беспокойся, брат.

Зорикта взял плеть с таволожным черенком и воткнул ее в землю.

— Слушай, Кебюн,— сказал он,— если с черенка этой плети будет капать масло — знай, что я жив и здоров. Но если с него начнет капать кровь — считай, что я погиб. Тогда собирайся в путь на поиски моих костей.

Зорикта сел на коня и поскакал в соседнее ханство. Но к хану он не пошел. Он женился на дочери первого встретившегося ему пастуха.

Прошло несколько дней, и Зорикта сказал жене:

— У меня есть свои кибитки, много скота и всякого добра. Мы должны ехать туда.

— Побудем здесь еще хоть две недели,— говорит ему жена.

Они остались. А на исходе двух недель Зорикта вдруг проснулся почью от яркого света. Открыл глаза и с изумлением увидел, что в кибитке светло как днем и даже светлее. Откинул он шелковый полог, который висел над кроватью молодых, и увидел медноволосую девушку с медной плетью в руке. Яркий свет исходил от ее пылающих красных волос, но лицо ее было бледно. Она взглянула на него, вздрогнула и сказала:

— Опять не он!

Повернулась и вышла из кибитки. И сразу стало совсем темно. Пораженный лежал Зорикта и думал: «С медными пылающими волосами, с холодными стальными глазами, с

тяжелой медной плетью, такая красавица, кто она? Что за странные слова „Опять не он!“ И вдруг исчезла. Что все это значит?» Разбудил он жену и рассказал ей обо всем. Жена говорит:

— Ничего удивительного нет. Она обычно по ночам заходит в кибитки.

— А кто она? Расскажи мне о ней, что знаешь.

— Она дочь ийона. У нее было двенадцать старших братьев. А теперь она одна. В ее владениях нет ни одной живой души, кроме ее коня. Когда она надевает свои медные волосы, она летает по воздуху, и ни один крылатый не может ее догнать, ни один быстроногий не может от нее убежать. Медная плеть ее бьет насмерть с одного удара. Всю жизнь свою она проводит в бесконечных поисках того, кто убил ее братьев. Она никому не делает зла. Но никому не позволяет оставить даже след ноги на ее земле. Кто ступит на ее землю, тот умрет.

Зориктэ лежит и думает: «О небо! Как мне быть? Будь что будет, но я иду на поиски ее!» И говорит жене:

— Собирай меня в дорогу. Я еду на охоту. Вернусь через неделю. В какой стороне живет эта медноволосая?

— В стороне захода солнца.

Зориктэ оседлал коня и поехал на запад. Ехал долго-долго. И вот заметил тоненькую струйку дыма, выходящую из земли. Подъехал ближе и увидел: в яме у очага сидит старуха-мус.

— Куда ты едешь, юноша, куда путь держишь? — спрашивает старуха.

— Я ищу медноволосую девушку с медной плетью. Может быть, вы знаете, где она живет?

— О, слишком трудно найти ее. Сначала ты должен попасть к моей средней сестре. Езжай прямо на запад.

Приехал Зориктэ к средней сестре старухи. Она спрашивает:

— Куда ты держишь путь, храбрый батыр?

— Я ищу медноволосую девушку. Еду к ней.

— Нет, ехать туда нельзя. Туда нет пути для человека. Все живое гибнет на земле Медноволосой. По соседству с ней живет только моя старшая сестра, потому что она необык-

новенно сильна. Поезжай к ней, может быть, она расскажет тебе, как найти Медноволосую.

И вот Зориктэ у старшей сестры старухи.

— Та девушка, которую ты ищешь,— сказала она,— живет недалеко от меня. Но знай: ни одно насекомое по земле добраться до нее не может, ни одно крылатое по воздуху не может до нее долететь. Как ты ее достигнешь?

— Вы должны мне это рассказать.

— Ладно, слушай, расскажу, научу. Будет твое счастье — вернешься живым, а нет — погибнешь. Возьми эту железную лопату. Ночью подойди к ее владениям, на ее землю выкопай яму и спрячься в ней. Около кибитки Медноволосой всегда стоит привязанный конь. Когда по воздуху крылатое существо пролетает, когда по земле когтистое существо пробегает и даже мелкое насекомое проползает,— все видит и слышит этот волшебный конь. Он подает знак своей хозяйке — тихонько ржет. Тогда Медноволосая хватает свою медную плетъ, вылетает, настигает любого и ударом плети убивает. Как рассветет, ты должен то высовываться из ямы, то прятаться. Конь, заметив тебя, начнет ржать. Медноволосая, схватив плетъ, будет летать над землей, искать тебя, а не найдя никого, начнет бить коня. Когда конь упадет, можешь идти к ней.

«Будь что будет»,— подумал Зориктэ и решил идти. Ночью подполз к ее границе. Вырыл яму на ее земле. Занялся рассвет. Высунулся Зориктэ из ямы. Увидел его конь из далекого далека. Увидел и заржал. Выскочила Медноволосая из кибитки и, как быстроекрылая птица, начала кружить над землей. Летала она со свистом и воем, так что травы ложились перед ней. Полетала она туда-сюда, но ничего не увидела. Ничего не увидела и начала от злости бить своего коня. А потом исчезла в кибитке.

Зориктэ опять показался коню. Конь опять заржал. И все началось сначала. Медноволосая еще сильнее избивала своего коня.

Так повторялось несколько раз, и, наконец, конь, набитый, упал. «Надо идти,— подумал Зориктэ,— ведь старухамус мне сказала, чтобы я шел, когда конь упадет». Он тихо

подкрался к кибитке. И хотя копь лежал почти без дыхания, он чуть-чуть захрапел.

Зориктэ вошел в кибитку. Девушка спала. Она очень устала. Плеть ее висела на стене. Зориктэ взял плеть в правую руку и начал эту девушку хлестать.

— О кебюн, кебюн, отпусти, отпусти, буду тебе старшей сестрой! О кебюн, кебюн, отпусти, буду тебе младшей сестрой! — закричала девушка.

— Сними и подари мне свои медные волосы, тогда отпусти! — сказал Зориктэ. — А не подаришь — доберусь до твоей души!

Он понял, что в медных волосах заключалась сила ведьмы и злость ведьмы. Но девушка не соглашалась отдать свои медные волосы. И Зориктэ начал бить еще сильнее. Тогда она крикнула:

— Хорошо, я согласна. Я отдам.

И она сняла и передала Зориктэ пылающую жарким светом медную косу.

Зориктэ взял медные волосы и медную плеть, вынес на кибитки и спалил на костре.

Вернулся в кибитку, а перед ним красавица. Нет в ее глазах того стального блеска, нет в ее лице той холодной бледности. Стоит солнцеликая, стоит черноглазая, стоит чернокошная и улыбается. От ведьмы ничего не осталось. Он обнял ее, и они разделяли подушку.

Живут они в мире и согласии месяц, два, три. Красавица расплела свою косу*, сделала две, подвесила токуги.

Однажды она пошла к озеру за водой и уронила в воду токуг. Достать его никак не смогла и ушла без него.

А в это время в озере ловили рыбу рыбаки из другого ханства. Сетью они вытащили токуг и принесли его хану. Хан посмотрел и сказал:

— Кто пойдет и приведет ко мне владелицу токуга, получит треть моего ханства.

Выскочила меднооклювая ведьма на козых ногах, которая служила хану, и трижды прокричала:

— Я найду, я найду, я найду!

И побежала-пескакала на поиски.

А Зориктэ с красавицей живут спокойно, обо всем на

свете забыли. Зорикта ходит на охоту, жена его варит мясо. И не знают они, что к ним приближается злая медноклювая ведьма.

А она добежала до озера, села в лодку, переправилась на тот берег, превратилась в дряхлую старушку и пошла, опираясь на клюку, прямо к белой кибитке, где жили Зорикта и красавица. Подошла она к кибитке и увидела Зорикта.

— Здравствуйте, бабушка, куда вы идете? — спросил он.

— Я бедная, одинокая старуха, брожу из улуса в улус. Ем что подадут. Не подадут, — парюю корепьев и тем сыта. Хожу там, где просторно, чтобы никому не мешать.

— Если так, идемте к нам, будете жить у нас.

Зорикта рассказал жене об этой старухе.

Жена говорит:

— Было у меня двенадцать братьев. Я не нашла того человека, который их убил. Я не отомстила ему. Я осталась одна и должна жить одна. Людей видеть не хочу.

— Разве живет под солнцем человек без людей? Приютим эту старуху. Или жалко для нее еды?

Видя, что муж сердится, жена сказала:

— Как хотите, пусть живет.

И старуха осталась жить у них. Проходит месяц, второй, третий. Старуха пополнила, раздобрела. Говорит:

— Ем вдоволь, живу без забот. Вроде и силы прибавилась.

— Это хорошо, — отвечает красавица.

— Какая же ты, однако, терпеливая. Целыми днями сидишь дома одна. Пойдем что ли к озеру, погуляем, развеем грусть.

— Нет, мне не грустно. К озеру не хочу.

Старуха поделила уговаривает, вторую, третью. Наконец, добила своего, и они пошли к озеру. Старуха идет и приговаривает:

— Ах, как приятно гулять, как прохладно у воды. Вода и ветерок так же приятны, как душа милого.

Шли они шли по берегу и наткнулись на лодку, которую здесь оставила ведьма.

— О, да тут и лодка есть, как хорошо! Сейчас мы пока-

гаемся! — воскликнула старуха, сделав вид, что она удивилась. — Когда я была молодая, я носилась в лодке, как птица.

Прыгнула она в лодку и начала описывать круги.

— Ах, как хорошо кататься! Ну иди же, садись со мной!

— Нет, я боюсь, я никогда в лодке не каталась.

— Чего ты боишься? Мы далеко не уплывем, будем кататься у берега, где мелко. Бояться нечего, садись!

Так она говорила до тех пор, пока красавица не согласилась немного покататься. Но только она села, старуха сразу же направила лодку к середине озера. Заплакала красавица, но ничего не поделаешь. Ведьма припала своей настоящей вид и погвала лодку во всю прыть. И лодка заскользила по воде, как рыба, полетела, как птица. Раскрывает ведьма свой медный клюв и каркает:

— Чем быть тебе женой простого охотника, черной кости, не лучше ли быть ханшей у великого хана?

— Не надо мне никакого хана. Хоть мой муж и простой человек, но я его ни на кого не променяю.

— Ха-ха-ха! Не променяешь! Очень скоро будешь ханшей у нашего хана!

Она причалила к берегу. Ведьма схватила красавицу за руку цепкими костлявыми пальцами и потащила к хану.

— Вот и хорошо, будешь моей ханшей, — сказал хан.

— Нет, нет, никогда я вашей ханшей не буду, хоть избейте меня на куски, — сказала красавица, даже не глядя на хана.

— Почему не будешь? — удивился хан, — да ты посмотри каков я, ты на меня даже не смотришь!

Взглянула красавица на хана и вдруг вскрикнула:

— Оп!!

Больше ни слова от нее не смогли добиться. Держат ее целый год в страхе — она не покоряется. Целый год развлекают — она не улыбается. Хан говорит:

— Все страшное тебе показал — ты не испугалась. Все смешное тебе показал — ты не засмеялась. Что с тобой еще делать? Брошу тебя в темницу, может быть, там одумаешься!

И бросили ее в темницу. У дверей приковали льва и тигра. Они пропускали только хана.

А Зориктэ вернулся домой, увидел, что кибитка пуста, и воскликнул:

— О моя жена, как ты была права! Увела тебя проклятая старуха! И зачем я ее пустил в дом?! Обоиду весь свет, но разыщу мою милую жену!

И он пошел в ту сторону, откуда пришла старуха. Шел он долго и, наконец, добрался до улуса того хана. Настрелял много сорок и из их шкур сшил себе шубу, шапку и сапоги. Надел все это и направился к ханскому дворцу.

А в это время хан решил: «Хочет она или не хочет — я все равно женюсь. Не захочет — возьму силой». И начал готовить великий пир-хурюм.

Зориктэ подошел к дворцу и видит: кругом в больших котлах варят мясо.

— Что у вас за праздник? — спрашивает он, — зачем так много мяса?

К нему подскочила медноокловая ведьма на козьих ногах. В сорочьей шубе и шапке она его не узнала.

— Это я, это я все устроила! — заговорила она. — Сегодня будет пир в честь нашей новой ханши! Это я ее хитрым обманом сюда привела, от мужа ее увела! Но только оказалась она слишком упрямой. И пугать ее пугали, и развлекать развлекали, а она все твердит одно: «Не выйду за хана!» И все же сегодня хан решил жениться. Вот почему у нас сегодня пир-хурюм.

— А где она у вас, эта упрямая женщина?

— Вон в той черной башне. Да и хан сейчас там.

Пошел Зориктэ к темнице. Видит: у дверей прикованы лев и тигр. Стал он прохаживаться мимо темницы. Жена его увидела, узнала и улыбнулась.

— Что с тобой, ты улыбнулась? — заговорил хан. — Чему ты улыбнулась? Все смешное я тебе показал, а ты не улыбалась. Что тебя развеселило, скажи скорей!

— Вон прошел человек в шубе из сорочьих шкур. Вот мне и стало смешно, — сказала красавица.

Хан вскочил и побежал за Зориктэ. Кричит:

— Подожди, путник, остановись! Дай мне свою шубу! Мне нужно развеселить мою невесту, ей понравилась твоя шуба!

— О великий хан, что вы говорите? Ведь если я отдам вам свою шубу, я останусь совсем голым!

— Ты не останешься голым, и тебе отдам свою ханскую шубу.

Зорикта согласился, и они поменялись. Хан надел сорочью шубу, а Зорикта — расшитые золотом ханские одежды. Хан бегом побежал в темницу, надеясь на этот раз развеселить красавицу. Но лев и тигр, которые были прикованы у дверей, не узнали хапа и разорвали его на куски.

Зорикта в ханских одеждах спокойно прошел между львом и тигром, взял красавицу за руку и вывел ее из темницы.

Медноклювая ведьма, увидев их, закричала:

— Да здравствуют ваши хан и ханша!

Зорикта сказал:

— Зря радуешься, ведьма! Устрой своему хану поминки!

Ведьма узнала Зорикта, все поняла и бросилась на него, стараясь клонуть своим медным клювом. Но Зорикта выхватил ханский меч и разрубил ведьму пополам. Черная кровь хлынула на землю, и осталось от ведьмы только два сморщенных куска. Зорикта бросил эти куски в костер и пошел со своей женой-красавицей домой.

А младший брат, Кебюн, все ждал, ждал старшего. Каждое утро смотрел на плеть с таволожником черевком. С черенка то масло капало, то кровь. «Бедствует мой брат, трудно ему приходится, — думал Кебюн. — И зачем мне без него весь этот скот? Пусть его стерегут боги. А я поеду разыскивать брата. Он говорил, что там, где он проседет, будет расти трава харгава».

Оседлал Кебюн коня и поехал по этой траве. Приехал в соседнее ханство. Трава его подвела к кибитке, где жила дочь пастуха, на которой женился его брат.

— Что случилось с моим братом? Где он? Расскажите, — спросил Кебюн.

Дочь пастуха ответила:

— Однажды ночью сюда зашла меднополосая девушка, и твой брат пошел ее искать. Вот уже три года, как его нет.

Они стали ждать вместе. И скоро пришел Зорикта со своей красавицей. Тогда Кобюн женился на дочери пастуха, и вчетвером они ушли в свои владения, к своему скоту. И начали наслаждаться миром и благоденствием.

Хан Наран-Арслан

или когда-то прославленный хан. Звали его Наран-Арслан*.

Больше сердца, больше жизни любил он троих своих друзей. Первым другом был единственный младший брат, вторым — желтый летающий слон, третьим — золотисто-рыжий говорящий конь.

Каждое утро, опережая красное солнце, вставал хан и думал: «Живы ли, здоровы ли мои драгоценные друзья?» Он шел к младшему брату, ласкал его, крутил его правый ус. Потом шел к желтому летающему слону и похлопывал его по правой лопатке. А потом шел к коню и похлопывал его во крупу. Убедившись, что все они здоровы, хан возвращался в свою теплую постель и опять засыпал.

Было у хана тридцать ханш. Но ни у одной из них не было ребенка, который порадовал бы хана хотя бы плачем.

Еще была у него старшая сестра, которая любила утром гулять по степи.

Однажды она ушла в степь и, наслаждаясь чистым воздухом, любуясь зелеными холмами, зашла очень далеко. Вдруг она услышала чудесную мелодию-песнопение. «Откуда здесь, в безлюдной степи, такая мелодия?» — подумала она и пошла на голос. Видит: стоит шалаш из травы. В шалаше сидит лама, погруженный в созерцание. Рядом с ним луноликая красавица, едва достигшая шестнадцати лет. Старшая сестра хана поклонилась ламе по-старинному, руки сложила молитвенно, бутонем лотоса, и почтительно назад

попятилась. «В безлюдной степи свидит святой лама в даяне, но откуда здесь взялась эта прекрасная девушка?» — подумала она.

— Как поживает хан Нарап-Арслан? — спросил лама.

— Живет, как прежде. И, как прежде, нет у хана ребенка, который порадовал бы его хотя бы плачем.

Поговорив немного с ламой, сестра ушла. А возвратившись домой, рассказала хану все, что видела.

— Я поеду к святому ламе, — сказал хан. — Я попрошу его, чтобы он уступил мне эту девушку. Может быть, она родит мне сына.

Приехал он к ламе. В знак почтения привес ему дорогие подарки. Поклонился по-старинному, руки сложил молитвенно, бутопом лотоса, отступил назад и сказал:

— О святой лама! Какое было бы счастье, если бы вы уступили мне эту девушку! Есть у меня тридцать ханов, но ни один не родила мне ребенка.

— Что ж, и се не держу, — ответил лама. — Но раз ты ее берешь, ты должен знать правду. С семи лет до семидесяти семи я сижу в даяне, провожу время в постах и молитвах. С семи лет до семидесяти семи я хожу купаться и стирать свое белье к тихому ручью, что течет на востоке. К этому же ручью приходила купаться желтая обезьяна. И вот однажды обезьяна родила девочку и оставила ее у ручья. Я взял девочку, водой омыл снаружи, молитвой очистил изнутри и вырастил ее. Ей уже шестнадцать лет. Бери ее, хан. Но если ты будешь упрекать ее, называть отродьем дикого зверя, то не бери, оставь лучше со мной.

— Нет, старик-даянчи, я не буду вспоминать, кем она рождена. Я ее полюбил.

— Ладно, выйди, хан, я попрощаюсь с девочкой.

Хан вышел. Тогда старик снял с себя четки в сто восемь камней и надел их на шею девушки.

— Милая моя, ты будешь теперь жить у хана. Хан тебя защитит, по никогда, до последнего вдоха не спидай с шей эти четки. Они тебя уберегут и от гнева хана, и от злой силы.

Она пообещала старику не снимать четок и пошла с ханом.

Хан в тот же день, не откладывая, женился на ней. И с тех пор любил только ее. И она была счастлива с ним. А к другим ханшам хан и заходить перестал.

Был у хана придворный невец Шонхор. Жил он в бедности, было у него очень много детей. Шонхор целыми днями увеселял хана и молодую ханшу. Увеселял до поздней ночи, пока они не ложились спать.

А тридцать ханш завидовали молодой ханше.

— Раньше нас почитали, раньше нас уважали,— говорили они.— Все мы дочери ханов. Ни одну из нас Наран-Арслан не считал ни плохой, ни уродливой. Ни одну не считал самой красивой. Всех любил одинаково. А с тех пор, как нашел эту девку, перестал смотреть на нас добрым глазом.

А молодая ханша за всю свою жизнь никаких увеселений не видела, никаких песен и сказаний не слышала, все ей в диковинку, все ей радость. И с каждым днем она чувствовала себя все счастливее и счастливее.

— Надо ее убить-уничтожить,— говорят ханши.— Но как?

Думали-думали — ничего не придумали. Тогда старшая ханша говорит:

— Надо пойти к бакиши, учителю молитв. Он нам укажет-подскажет, как с ней быть, как ее убить.

И они, все тридцать, пришли к бакиши.

— Здравствуйте, ханши, зачем вы ко мне пришли?

— Мы пришли к вам пожаловаться. Прежде хан ни одну из нас не считал ни плохой, ни уродливой. Ни одну из нас не считал самой красивой. А теперь, как появилась новая ханша, он на нас и не смотрит. Подскажите, как нам от нее избавиться.

— Что вы, что вы, ханши! Я человек священного сана. Я не могу лишать жизни живое существо. Это смертный грех! Ничего я вам не скажу!

— Ах так! Не скажете?! Значит вы, священник, боитесь взять на душу грех за убийство одного человека? Но если вы нам не скажете, как от нее избавиться, то мы тут у вас на глазах зарежемся, все тридцать! И на вашу душу ляжет грех за убийство тридцати человек! Выбирайте!

— Ой, ханши, не губите мою душу! — взмолился бакши.

— Рассказывайте!

— Ладно, слушайте. С ней так просто не расправиться. У нее на шее священное ожерелье-четки. Эти четки подарил ей старик-даянчи. Пока четки на ней, ни пуля ее не убьет, ни меч ее не разрубит, ни яд ее не возьмет. Ничто не погубит ее. Никто не справится с ней. Выход только один: надо подкупить певца Шонхора... А дальше — знает сами.

Поздно вечером, после увеселения ханской четы, Шонхор шел из дворца домой. Ханши его поджидали.

— Здравствуй, наш друг Шонхор. Если ты хочешь заработать, слушай нас. Ты видел на шее у ханши четки?

— Видел. Правда, видел не все косточки, но те, что вокруг шеи, видел.

— Так вот. Если ты достанешь нам эти четки, ты получишь столько золота и серебра, сколько сможешь унести.

— О добрые ханши! Столько золота, сколько смогу унести! Я достану, достану эти четки!

На другое утро Шонхор не пошел во дворец. Молодая ханша ждет его утром — его нет, ждет днем — его нет. И наконец говорит хану:

— О мой хан! Почему певец Шонхор не идет к нам?

— Не знаю.

— Может быть, за ним послать посыльного?

— Можно послать. Эй, посыльный, войди к певцу Шонхору, скажи, чтобы скорей шел во дворец и доложил, почему опоздал!

Слуга пришел к Шонхору. Тот лежит с повязанной головой и стонет.

— Передай хану и ханше, что я болен и не могу к ним прийти.

Слуга вернулся во дворец и рассказал обо всем хану и ханше.

— О бедный Шонхор! — вскричала ханша. — Скорей идите за ним, приведите его! Я его вылечу!

Певца привели. Он пришел с повязанной головой и все стонал. Его посадили на белую кошму. Ханша подошла к нему, сняла свои четки и троекратно совершила адис *. В мо-

мент приобщения к адису Шонхор увидел четки, но не разглядел их как следует.

— О ханша, как хорошо, как легко стало мне после этого священного прикосновения!

Он встал и начал показывать свое искусство, начал петь сказания о героях.

А на другое утро опять не пришел.

Ханша говорит:

— О мой хац, можно ли послать за Шонхором?

— Можно.

Посыльный пришел к Шонхору.

— Сегодня мне совсем невмоготу. Я не могу шагу шагнуть. Так и передайте ханше, — сказал Шонхор.

Выслушав посыльного, ханша говорит:

— Любым способом приведите, на руках принесите! Я теперь хорошо знаю, как его лечить!

Певца привесли на руках. Ханша сняла свои четки и троекратно совершила адис. На этот раз Шонхор разглядел четки лучше, но все-таки запомнил не все.

— О моя ханша, как мне стало легко! Не покупитесь, милостиво совершите еще один адис.

И ханша с удовольствием еще раз возложила четки на его голову. Шонхор внимательно осмотрел каждый камень. Все заметил-запомнил. Запомнил и сказал:

— О ханша, вы меня исцелили!

И до самого вечера усердно увеселял ханскую чету.

Вечером пошел к тридцати ханшам. Он рассказал им, из чего сделаны четки и в каком порядке расположены камни.

— За одну ночь вы должны сделать такие же точно четки! Завтра утром я за вами зайду.

И Шонхор ушел домой.

А драгоценностей у ханш было много-много. Они за одну ночь изготовили нужные четки и сами рано утром отнесли их Шонхору.

А к хану и ханше невец опять не пришел.

— Наш дорогой Шонхор, наверно, опять болен. Надо за ним послать, — говорит ханша.

Посол вернулся от Шонхора и доложил:

— Наш звонкоголосый Шонхор совсем болен. Не может даже встать.

Ханша приказала, чтобы певца принесли. Его принесли на носилках, принесли очень бережно и поставили носилки рядом с ханшей. Певец лежал без движения. Ханша поспешно сняла четки и совершила адис. Певец открыл глаза.

— О ханша, мне сразу стало легче. Но ведь подарком же говорят в народе: «Своя рука — лучший лекарь». Дайте мне подержать ваши священные четки. Я с благоговением их подержу, мысленно помолюсь и сам возложу их себе на голову.

— Возьмь, возьми, дорогой Шонхор!

И ханша сняла свои четки и положила их в руки Шонхору. Взял их Шонхор, в правый рукав пропустил, а из левого незаметно вытряхнул подложные четки, те, которые сделали тридцать ханш. Он возложил их себе на голову, а потом с благоговением отдал ханше. Ханша ничего не заметила и надела их на шею.

— О ханша, теперь я совсем здоров!

Он вскочил на ноги и начал услаждать слух хана и ханши музыкой и пением. Он играл лучше, чем играл прежде. Он играл прекраснее, чем смог бы сыграть потом. Когда стало совсем темно, он пошел домой. Ханши его поджидали.

— Наш дорогой Шонхор! Скорее давай нам волшебные священные четки!

Шонхор отдал.

— Где же ваша награда, прекрасные ханши?

— На, возьми эту горсть золота, а остальное получишь, когда выполнишь три великих задания, — сказала старшая ханша.

— Какие же это задания, о прекрасные ханши?

— Слушай. На молодой ханше теперь нет священных четок, которые охраняли ее от людей, от хана и от злой силы. Теперь ее можно убить. Надо сделать так, чтобы хан сам ее убил, убил своим мечом из алмазной стали. А для этого ты должен в течение трех ночей подряд убить трех ханских друзей, которых любит хан больше сердца, больше жизни, и их кровью вымазать рот и руки молодой ханши.

Помутилось в голове у Шонхора. «Но золото! Я должен

получить мое золото...» И он, взяв нож, побежал к золотисто-рыжему говорящему кошу. Зарезал спящего кося, вынул его печень, прокрался во дворец и кровью, которая стекала с печени, вымазал руки и губы спящей ханши.

Утром, как обычно, опережая красное солнце, встал хан и подумал: «Живы ли, здоровы ли мои драгоценные друзья?» Он пришел к младшему брату, покрутил его правый ус. Потом пришел к желтому летающему слону и похлопал его по правой лопатке. Потом пришел к золотисто-рыжему говорящему кошу и замер: кось лежал мертвый в луже крови. Внутренности его вывалились наружу.

— О проклятье! — вскричал хан. — Кто убил, кто зарезал моего любимого кося?!

И он побежал во дворец, чтобы рассказать обо всем ханше. Прибежал, смотрит на нее и глазам не верит: лежит ханша, спокойно спит, а руки у нее в крови и губы тоже в крови!

— О горе, горе! Неужели она по ночам пьет кровь? Неужели это она загрызла моего кося?.. Ну да, конечно она! Ведь она рождена зверем!! Зверниное отродье! О горе мне!

Сел хан, где стоял, схватил голову руками, сидит в глубокой печали.

А ханша скоро проснулась, встала и как ни в чем не бывало пошла умываться. Молча смыла кровь, вытерла руки и лицо и, ласково глядя на хана, села завтракать.

— Мой хан, почему вы не едите со мной?

Хан очнулся, подошел к ханше и стал пить ароматный чай цвета сандалового дерева.

В этот момент доложили, что пришел Шонхор. Певец вошел, со страхом посмотрел на ханшу, но тут же взял свою ятху и начал играть. С удовольствием, как прежде, слушает его молодая ханша. А хан не слушает. Хан думает: «Неужели она, неужели она ночью загрызла-зарезала моего любимого кося и напилась его крови?! О несчастье! Что с ней делать?»

Прошел день. Ханша слушала певца. Хан пребывал в глубокой печали.

Вечером Шонхор ушел, а потом тихо возвратился, зарезал желтого летающего слона, вытащил его печень и кровью, стекающей с нее, вымазал руки и лицо молодой ханши.

Проснулся утром хан. И страшно ему. Хочет пойти проведать своих драгоценных друзей и не решается. И все-таки набрался он сил и пошел. Пришел к милому младшему брату, погладил его по правой щеке, покрутил его правый ус. И пошел к желтому летающему слону. Идет, а сердце его колотится, будто чувствует что-то. Вот он слон! Лежит слон мертвый, живот его вспорот. Побежал хан к ханше. «Ну да, точно, она! Все лицо в крови! Все руки в крови! И спит так спокойно, будто ничего и не было. О звериное отродье! О горе-несчастье!

И выхватил хан в великом гневе свой меч из алмазной стали и занес его над сиящей ханшей. В этот миг птица-тоти, говорящий попугай, крикнул из своей серебряной клетки:

— О великий хан! Пощадите ханшу! Я раскрою вам одну тайну!

Хан опустил меч. Хан сказал:

— Говори, птица-тоти.

— В старину, давным-давно, — начал рассказывать попугай, — жили голубь и голубка. Каждый год свисали они гнездо на большом дереве, которое свисало над морем. Каждый год голубка клала яйца и выводила птенцов. Однажды, когда птенцы были еще маленькие, кончились запасы корма. Голубь говорит: «Я полечу поищу чего-нибудь, а ты охраняй птенцов». Голубь улетел. Он летал долго, но ничего не нашел, кроме одного пшеничного колоска. Принес он этот колос, отдал голубке и говорит: «Держи его в клюве, в гнездо не клади, а то птенцы его сразу съедят. Сейчас они еще не так голодны. А вот завтра нам совсем нечего будет есть, и мы поделим его на всех. А я полечу и поищу чего-нибудь еще». Держит голубка колос в клюве, успокаивает птенцов, ждет голубя. А голубь улетел, и нет его. Вдруг поднялся ураган-ветер, море покрыли белые волны, они разбивались о берег, и брызги долетали до гнезда. «А-а!» — вскрикнула от страха голубка и уронила колос в воду. Голубь переждал бурю и вернулся к гнезду. Он ничего не принес. Сел рядом с голубкой и говорит: «Я больше ничего не нашел. Придется нам поделить только тот единственный колос». — «О голубь, во время бури, когда волны подымались до нашего гнезда, я вскрикнула от страха и выронила колос в воду». — «Ты сама

ого съела», — сказал голубь и убил голубку. Убил и улетел. Прошел год. Прошел второй год. Прошел третий. Голубь думает: «Три года назад у большого дерева я убил свою голубку. Море с того места, говорят, отошло. Если правда, что колос упал в воду, должны быть следы. А если она сама съела колос и не захотела кормить птенцов, то никаких следов нет». Он вернулся к большому дереву и увидал вокруг него целое поле пшеницы. И вскричал голубь: «О горе мне! Я убил повинную подругу свою! Ведь она уронила колос!» Нашел он кости голубки, нашел ее белый череп. Обнял он кости и плакал над ними три года... О великий хан! Если не хочешь быть подобным этому голубю, остановись!

— Что ж, пусть будет по-твоему, птица-тоти, говорящий попугай! — сказал хан и бросил меч в пожны.

Ханша проснулась и опять, несколько не удивившись, что у нее руки и лицо в крови, пошла умываться. Она тщательно отмыла кровь, утерлась полотенцем и села завтракать. А хан все удивляется, понять ничего не может.

Пришел Шоухор и опять стал играть лучше, чем играл прежде, и прекрасней, чем смог бы сыграть потом. А поздно вечером он зарезал младшего брата хана и густо вымазал его кровью руки и лицо молодой ханши.

Утром хан чуть проснулся, бегом побежал к младшему брату. Прибежал к нему, а он убит. Прибежал к ханше — она вся в крови. «Если не она пьет их кровь, то откуда же на ней кровь? И почему она не замечает ее на себе?» Выхватил хан свой меч из алмазной стали, размахнулся... и опустил его. Слишком красивой была ханша. Не мог он ее убить... И снова вспомнил убитого младшего брата. И снова поднял меч. Громким криком разбудил ханшу, выколот ей глаз и сунул его ей за пазуху. Потом отрубил правую руку и заткнул ей за пояс. И сказал:

— Убивать тебя не буду. Куда хочешь иди! Где хочешь скитайся! — И выгнал ее.

А тридцать ханш с тех пор стали, как и прежде, жить в мире и согласии со своим ханом.

Пошла по голой степи на восток бедная ханша. Идет и плачет. Зовет старика-даянчи. На зов ее появился старик и говорит:

— О несчастная моя, о милая моя! Я же тебе говорил: «Не снимай четки-ожерелье до последнего вздоха, они тебя будут охранять». А ты решила, что это безделушка, и спjala их с себя. У меня есть еще одни такие же четки. Придется их тебе подарить.

Он достал четки, прикоснулся ими к ханше, и у нее появились глаза и рука.

— Бери эти четки. Возвращайся к своему хану. Я прикоснусь сейчас к тебе этими четками, и на тебе появятся одежды ламы, а над головой засияет красно-голубая радуга-нимб. В этом виде иди к хану и скажи: «Я — великий лама, наделенный волшебной силой. Самый грешный человек, если помолится и исповедуется мне, избавится от всех грехов. Также как внешняя грязь смывается водой, внутренняя грязь будет смыта такой молитвой. Каждый человек вашего ханства должен прийти ко мне на исповедь». Хан тебе поверит. Прикажи ему первым прийти на исповедь, а потом посидеть за занавеской и послушать все исповеди, узнать о грехах подданных.

И старик-даянчи слова прикоснулся к ханше своими священными четками. На ней появилось одеяние ламы, а над головой засияла сине-красная радуга-нимб.

Через некоторое время ханша снова появилась во владениях Наран-Арелана. Быстро прошел по стенам слух, что ханство посетил великий лама.

Хан принял ламу с почестями и подарил ему дворец. Лама пригласил хана к себе.

— О великий хан, вы должны исповедаться, и я отпущу вам все ваши грехи. А потом вы должны сесть за занавеску и послушать, какие грехи скрывают от вас ваши подданные.

Хан помолвился и начал говорить:

— Я совершил великий грех. У меня было тридцать ханши, но ни одна из них не родила мне ребенка. Тогда я взял себе в жены прекрасную шестнадцатилетнюю девушку, дочь желтой обезьяны. Я полюбил ее и думал, что она родит мне ребенка. Мы с молодой ханшей пребывали в блаженстве. Но случилось так, что три моих драгоценных друга в течение трех ночей были убиты, а у моей любимой ханши лицо и руки в те ночи были вымазаны кровью. И я тогда выколочил у ханши

глаз, а потом отрубил руку. Вот в чем мой великий грех, о лама.

— Да будет так, мой хан. Я спимаю с вас ваш грех. А теперь спрячьтесь вон там и слушайте.

И потянувшись к дворцу ламы люди со всего ханства. Все молятся, все исповедуются, всем отпускает грехи великий лама.

Пришел бакши, учитель молитв.

— О великий лама,— сказал он,— я тоже совершил грех. Когда наш хан взял себе новую молодую ханшу, тридцать его ханш пришли ко мне и потребовали, чтобы я научил их, как убить-уничтожить молодую красавицу. Они угрожали зарезаться у меня на глазах, если я их не научу. И тогда я подкасал им, что надо подкупить певца Шопхора. Пусть певец выкрадет священные четки, которые охраняют молодую ханшу. А пока эти четки на шее красавицы, ее ни пуля не убьет, ни меч не разрубит, ни яд не возьмет. Тридцать ханш сделали все, как я сказал...

— Да исчезнут ваши грехи, как смытые святой водой,— сказал лама.

А хан сидит слушает, и сжимаются его кулаки.

Вот приходят на исповедь все тридцать ханш. Старшая говорит:

— Жили мы с Наран-Арсланом. Не делил он нас ни на плохих, ни на хороших. Всех любил одинаково. А когда привел во дворец новую молодую ханшу, не стал на нас даже внимания обращать. И мы решили ее извести. Мы подкупили певца Шопхора, обманом завладели ее священными четками, которые охраняли ее от злой силы, и сделали так, что хан убил молодую ханшу.

— Да будет так. И вы избавлены от ваших грехов,— сказал лама.

А народ все шел и шел к святому ламе. Самым последним пришел на исповедь певец Шопхор.

— О святой лама! Я самый грешный в этом ханстве. Был я совсем нищим и, чтобы прокормить всех моих детей, развлекал я хана и ханшу пением и игрой на ятхе. Я посочувствовал оскорбленным ханшам. Получив от них золото и серебро, я подменил священные четки молодой ханши. А потом

убил одного за другим трех драгоценных друзей хана и их кровью измазал руки и лицо молодой ханши. А чтобы она ничего не понимала, окуривал ее дымом дурман-травы. И сделал так, что хан выколол глаз прекрасной ханше и отрубил ей руку.

— Что ж, и твой грех, как смытый водой, исчезнет.

Ушел певец Шонхор. Вышел великий хан Наран-Арслан. Стоит качается, за голову схватился. Хочет слово сказать, — не может. А великий лама вдруг сбросил одеяние ламы, и хан узнал свою прекрасную ханшу.

— Ну что, хан, все слышали? Узнаете меня?

— Все слышал, все. Узнаю тебя, моя голубка, прости меня! Все-таки не послушал я моего мудрого попугая и стал тем голубем.

— Я прощаю вас, мой хан. Пойдемте скорее к вашим трем драгоценным друзьям. Я оживлю их своими священными четками.

Они пришли к убитым друзьям — к младшему брату, к желтому слону и к говорящему коню. Над каждым из них ханша троекратно совершила адис. И встали они живые-невредимые, драгоценные друзья хана.

Хан приказал выгнать за пределы своих земель бакши, учителя молитв, Шопхора, сладкогласого певца, и тридцать ханш, своих нелюбимых жен.

И стал он жить с молодой прекрасной ханшей. Жили они долго и наслаждались благоденствием.

Главный министр

или когда-то один хан. Ханство его пребывало в мире и спокойствии. Но рядом с ханством однажды завелась нечистая сила. И был у хана главный министр, которого хан очень любил. Придворные и советники завидовали этому министру. Они писали на него

доносы, обвиняли в измене. И хотя никто не мог доказать, что главный министр изменник, хан все-таки поверил доносам. Вызвал он палача и сказал:

— Мой главный министр изменник. Его надо убить. Но мне жалко его убивать. Вместе мы росли, дружили. Служил он мне верно, и я его сделал министром. Нет, убивать его не будем. Посадите его на коня, дайте оружие и отведите в далекий дремучий лес, куда ни человек, ни зверь, ни птица не забиралась. Если суждено ему вернуться, если он выживет в этом лесу три года, я опять сделаю его своим главным министром. А если суждено ему умереть, то пусть умирает подалее от моих глаз.

Придворные отвели главного министра в далекий дремучий лес, а сами усаkali.

Остался министр один. В ханстве у него семья, скот, богатство. А здесь, в лесу, у него только конь, лук, стрела и меч. Стал он своей белой стрелой убивать диких зверей, есть мясо. Так прошел год. Ни одного человека за все это время ему не встретилось.

Однажды на охоте он услышал нежный женский голос. Голос доносился из густых камышовых зарослей. Он звенел и переливался. Женщина пела песню.

— О небо! — вскричал министр. — Целый год я здесь живу и целый год я не слышал человеческого голоса! — И побежал в камышовые заросли.

Он увидал девушку, которая излучала свет солнца и сияние луны. Красавица косила камыш и тихо напевала.

— Здравствуй, девушка, кто ты? Я здесь живу уже год, но ни одного человека в лесу не встречал, — сказал министр.

— Я служу у Хормусты-тенгрия, — ответила красавица.

— А для чего ты косишь этот камыш?

— Хормуста поджигает его и устраивает дымовую завесу.

Они разговаривали долго, до самого вечера. И девушка завладела умом и сердцем министра.

— Хормуста-тенгрий не пострадает, если я к нему не вернусь, — сказала она.

И они стали жить вместе.

Через год красавица родила дочку. А еще через год — сына.

Срок изгнания главного министра прошел.

А на родине его, в далеком ханстве, пачался мор. Всюду болезни, страдания.

Хан призвал к себе шаманов и гадателей и спрашивает:

— За что такое бедствие обрушилось на нашу страну?

Стали шаманы шаманишь, гадатели гадать и через сутки ответили:

— Наш главный министр пошел в плен к нечистой силе. Эта нечистая сила дурманит его и не отпускает домой, а на нас она насылает мор.

В то время, когда шаманы шаманили, а гадатели гадали, министр очнулся и подумал: «Три года прошло. Мне можно возвращаться на родину. Почему же я не еду? Ведь у меня там жена, дети. Что за женщину я встретил? Почему я с ней живу? Почему я продолжаю жить в этих диких местах?»

И он решил ехать в родные края. Бросил охотиться и пошел к своему шалашу. Подошел бесшумно и заглянул в отверстие. И он увидел ведьму-шулму, принявшую свой настоящий вид, свой собственный облик. Руки и ноги ее были покрыты шерстью, изо рта торчали белые клыки, глаза горели свиним огнем, волосы были распущены и развевались, груди свисали до самых колен. Возбужденная и чем-то обрадованная, она быстро ходила туда-сюда и хохотала.

— Так вот с кем я жил два года! — воскликнул остолебевший министр. Он подумал: «Если я сейчас войду в шалаш и застаю ее в таком виде, она меня убьет». И он поспешно ушел. Издали он стал подавать знаки о своем прибытии: заставил зарычать копы, пачал громко каплять. Когда вошел в шалаш, ведьма уже приняла облик солнцеликой красавицы и готовила пищу своему мужу.

— Что с вами, почему вы так рано сегодня вернулись? — спросила она.

— Да я сегодня никакой дичи не встретил, надоело ходить. Вот и вернулся.

— Тогда садитесь ужинать.

И поставила перед ним тавак с мясом. Министр вспомнил, кто приготовил это мясо. Ему стало противно, он оттолкнул тавак и закричал:

— Ну что ты приготовила? Разве у нас нет свежего мяса, разве я вчера ничего не добыл моей белой свистун-стрелой?

— Да, да, есть мясо,— засуетилась она и стала готовить другую еду.

Приготовила очень быстро и поставила перед ним. Министр без всякого удовольствия немного поел. Сидит и думает: «Как же мне избавиться от тебя, ведьма?» И решил ни в коем случае не подавать вида, что все знает.

Она спрашивает:

— Если я вам сейчас задам один вопрос, вы не рассердитесь?

— А почему я должен сердиться? Спрашивай.

— Сегодня вы вошли в дом, вдвое сложив свою плеть*. Почему?

«Ах, ведьма,— подумал министр,— все заметила. А я и сам не заметил, как сложил плеть». И ответил:

— До сих пор я не показывал тебе моей смелости. А теперь захотел показать. Вот почему я сложил плеть вдвое и вошел, как подобает настоящему мужчине.

Ведьма-шулма думает: «Может быть и так».

А министр продолжает:

— Поблизости дичи совсем нет. Завтра я поеду на охоту подальше и вернусь поздно.

— Зачем же ехать далеко? Лучше перенесем туда наш шалаш,— говорит ведьма.

«Да, от тебя так легко не избавишься»,— думает министр.

Наутро он оседлал коня, привел в порядок сбрую, сваряженне и говорит:

— Сегодня я буду охотиться недалеко. Но если ничего не найду, завтра мы перенесем наш шалаш в другое место, туда, где много дичи.

И ускакал в лес. Но ни зверей, ни птиц он не искал, а, вручив судьбу богам, направился в сторону своей родины. А ведьма, ничего не подозревая, сидит дома, варит мясо. Солнце склонилось к западу, день подошел к концу. А министр с охоты не возвращается. Тогда ведьма превратилась в собаку и побежала по его следам. Понохала следы своим чутким собачьим носом и сказала:

— Ага, домой отправился! Ну, погоди!..

Вернулась она в шалаш, посадила дочь себе на спину, сына взяла в зубы и побежала по следу.

А министр успел уйти далеко-далеко. Позади уже один перевал. А собака за ним гонится, приближается. Настала почь. Министр перевалил второй перевал. А собака все мчит-ся, мчатся. До родного края остался один перевал. Заалел восток.

А в ханском улусе шаманы шаманит, гадальщики гадают...

И говорят:

— Наш главный министр едет домой, а следом за ним гонится нечистая сила, ведьма-шулма. Она его уже догоняет...

И стали шаманы своими заклинаниями убавлять силы ведьме и прибавлять силы министру. Но все равно ведьма догоняет.

Министр перевалил через последний перевал и ступил на родную землю. Сразу у него прибавилось силы.

И тут же из-за перевала выскочила ведьма в образе собаки.

— Ага, скрыться от меня хотел! — закричала она. — Нет, не убежишь! Два года жила я с тобой. Оставался еще один год. И тогда ты уже не смог бы вспомнить родной край и остался бы навеки со мной. Но ты ушел, и теперь я тебя убью!

Заложил тогда министр в тугой лук свою белую свистун-стрелу и прицелился в собаку. Но опустил лук: на спине ее сидела его дочь, а в зубах ведьма держала сына. Вдруг ведьма бросила детей на землю и с раскрытой пастью побежала к министру.

— Сейчас я перекушу тебе горло! — закричала она.

Когда ведьма была уже рядом, министр выхватил меч и вонзил его ей в горло. Ведьма зарычала и упала.

Прибежали люди, взяли его детей, а самого министра с почестями проводили к хану.

С тех пор хапская держава стала жить по-старому и пребывать в мире и благоденствии.

анним-давно жили в степи три брата. Была у них пегая кобыла. И жеребилась она в день три раза: утром, в полдень и вечером. Жеребенка, рожденного утром, братья варили на завтрак, рожденного в полдень — на обед, а рожденного вечером — на ужин. Так и жили.

Пегая кобыла жеребилась и ночью, но почного жеребенка братья никогда не видели: его кто-то похищал. Однажды братья решили посмотреть, каков он, ночной жеребенок. Решили ночью стеречь пегую кобылу.

Первым пошел старший брат. Наступила полночь. Кобыла начала жеребиться. Тут поднялся ветер, с неба быстро опустилась черная туча, и как только жеребенок встал на ноги, его подхватил вихрь, черная туча загремела и унесла жеребенка.

На другую ночь пошел стеречь кобылу средний брат. И опять жеребенка унесла черная туча.

Потом пошел младший, Бёргин-Цаган. Он взял с собой тугой лук и звонкую белую стрелу. Когда черная туча подхватила жеребенка, Бёргин-Цаган выпустил свою стрелу и отсек у жеребенка хвост и гриву. Поднял он их, положил в карман и пошел домой. Утром он стал рассматривать хвост и гриву ночного жеребенка. Оказалось, что хвост у него жемчужный, а грива коралловая. «Вот почему какая-то нечистая сила похищала его!» — подумал Бёргин-Цаган.

И он сказал братьям:

— Я пойду искать того, кто крадет ночного жеребенка.

Взял он свой тугой лук и звонкую белую стрелу и пошел в ту сторону, где солнце восходит. Шел долго, шел дни и ночи, шел, не зная усталости, и, наконец, дошел до того места, где сливается небо с землей. Небо и земля в этом месте были черные. Бёргин-Цаган подумал: «Неужели это край света? Пойду дальше, посмотрю, что там. Лучше умереть и

пути, чем сидя на месте». И пошел дальше. Скоро он заметил белую кибитку. Не раздумывая, он вошел в нее и увидел молодую женщину. Она расчесывала свои черные волосы. «Это хорошее предзнаменование», — подумал Бёргин-Цаган и, дотронувшись правой рукой до ее щеки, сел.

— Кто ты? Откуда ты? Может быть, ты хочешь меня убить? — с испугом спросила женщина.

— Вы сначала напоите-накормите меня, а потом спрашивайте.

Женщина взяла иналу, налила в нее чигян и подала Бёргин-Цагану. Он выпил и спросил:

— У кого я в гостях? Кто хозяин этой кибитки?

— Ты в кибитке Хара-Мангаса. Я его жена.

— А где же ваш муж, Хара-Мангас?

— Он пошел охотиться к реке Хара-хол, к черной реке.

Бёргин-Цаган вышел из кибитки и пошел к реке Хара-хол. На полпути он остановился, выкопал яму, залез в нее и начал смотреть. Вдруг к яме подлетел черный беркут и подбежала черная собака. Бёргин-Цаган вскинул свой тугой лук с белой стрелой и убил их обоих. И тут же на него налетел ветер с черным песком и с черной пылью. Этот ветер поднимал Хара-Мангаса, черный гигант. Увидя убитых собаку и беркута, он закричал:

— Кто посмел убить моих верных друзей? Кто такой храбрый? Выходи!

— Это я их убил, — сказал Бёргин-Цаган и выскочил из ямы.

Они схватились. Дралась очень долго. Там, где были горы, появились моря. Там, где были моря, встали горы. Наконец, Бёргин-Цаган положил Хара-Мангаса на лопатки, прижал к земле и спросил:

— Есть ли у тебя силы продолжать борьбу?

— Нет у меня больше сил. Я побежден, — ответил черный Мангас.

— Но отпустить тебя живым я не могу. Ты мне потом отомстишь.

И Бёргин-Цаган убил Мангаса, разрезал тело его на куски и сжег их на высоком костре. Вороного его копы зарезал, сварил и съел.

Пошел дальше. Шел долго, шел дни и ночи, шел, не зная усталости, и опять подошел к тому месту, где сливается небо с землей. Небо и земля в этом месте были желтые. Казалось, надвигается что-то страшное. «Что бы меня ни ожидало, пойду дальше», — подумал Бёргин-Цаган. Скоро он увидел белую кибитку. В ней сидела молодая женщина и расчесывала свои желтые волосы. «Это хорошее предзнаменование», — подумал юноша и, дотронувшись правой рукой до ее щеки, сел.

— Кто ты, откуда ты? Ты, наверное, пришел меня убивать?

— Вы сначала напоите-накормите меня, а потом спрашивайте.

Женщина подала ему чигян. Он выпил и спросил:

— Кто хозяин этой кибитки?

— Это кибитка Шара-Мангаса. Я — его жена.

— А где же ваш муж, Шара-Мангас?

— Он пошел охотиться к реке Шара-хол, к желтой реке.

Бёргин-Цаган пошел к реке Шара-хол. На полпути к реке он спрятался в яму и начал оттуда смотреть. «Каков он из себя, этот Шара-Мангас?» — думал он.

Вдруг к яме подлетел желтый беркут и подбежала желтая собака. Бёргин-Цаган застрелил их обоих своей белой стрелой. И тут же на него налетел сильный ветер с желтым песком и с желтой пылью. Это шел Шара-Мангас, желтый гигант. Увидев убитых собаку и беркута, он закричал:

— Кто такой смелый, кто решился убить моих лучших друзей?! Выходи, убью!

— Это я их убил! — крикнул Бёргин-Цаган и выскочил из ямы.

Они схватились. Дрались очень долго. Наконец, Бёргин-Цаган положил Шара-Мангаса на лопатки.

— Ты побежден или еще можешь драться?

— Нет, больше не могу. Отпусти меня!

— Отпустить тебя не могу. Ты мне отомстишь. Я тебя убью!

И Бёргин-Цаган убил желтого Мангаса, разрезал его тело на куски и сжег на высоком костре. Золотисто-булачного его коня зарезал, сварил и съел.

Пошел дальше. И опять пришел туда, где сливается небо с землей. Небо и земля в этом месте были красные. «Наверное, меня ждет что-то опасное», — подумал юноша. И пошел вперед. Вот и белая кибитка. В кибитке сидела молодая женщина. Она расчесывала свои огненные волосы. «Это хорошее предзнаменование». И, дотронувшись правой рукой до ее щеки, юноша сел.

— Уходи отсюда! Ты пришел меня убивать!

— Нет, я убивать вас не буду. А вы сначала напоите-накормите меня и уж потом расспрашивайте.

Женщина подала ему чигяи. Он выпил и спросил:

— Кто хозяин этой кибитки?

— Это кибитка Улан-Мангаса. Я — его жена.

— А где же он, Улан-Мангас?

— Он пошел охотиться к реке Улан-хол, к красной реке.

Бёргин-Цаган побежал к реке Улан-хол. На полпути он спрятался в яму и стал ждать. Вдруг к нему подлетел красный беркут и подбежала красная собака. Обоих застрелил Бёргин-Цаган своей белой стрелой. И тут же на него палетел ураган с красным песком и с красной пылью. Это шел Улан-Мангас, красный гигант. Увидев убитых собаку и беркута, он зарычал:

— Кто такой храбрый, кто посмел убить моих друзей?! Кто смел пойти против меня?! А ну, выходи! Я тебя мигом убью!

— Есть такой смельчак! Это я! Давай драться! — крикнул, выскочив из ямы, Бёргин-Цаган.

И они схватились. Дрались долго. Дрались семью семь — сорок девять дней. И положил Бёргин-Цаган Улан-Мангаса на лопатки. И прижал его к земле, так что вдавил его в землю на девять локтей.

— Есть у тебя силы сопротивляться?

— Нет у меня больше сил, убивай! — ответил красный Мангас.

Убил его Бёргин-Цаган, разрубил на куски и спалил их на высоком костре. А кося его огненно-рыжего разрубил, сварил и съел.

Вернулся в кибитку Улан-Мангаса. Подозвал к себе его жещу с огненными волосами и спросил ее:

— Кто ты, как ты сюда попала? Кто твой отец?

— Нас было три сестры,— отвечала она,— дочь ночного черного неба, дочь желтой луны и дочь красного солнца. И вот три мангасы взяли нас в плен и сделали своими женами. Улан-Мангас взял меня, Шара-Мангас взял дочь луны, а Хара-Мангас — дочь ночного неба.

— А как же вы попали к ним в плен?

— Однажды мы превратились в лебедей и прилетели купаться на озеро Шикирлык. Там охотились мангасы со своими жестяными беркутами. И они поймали нас.

— Теперь вы свободны. Я убил всех трех мангасов. А скажи мне, где мангасы пасли свой скот?

— Свой скот они пасли у трех рек: у реки Хара-хол, у реки Шара-хол и у реки Улан-хол.

— Как бы мне собрать весь скот? Я хочу всех вас и ваш скот отсюда увести.

— Надо залезть на кибитку и три раза громко свистнуть. И тогда весь скот прибежит сюда.

Бёргин-Цаган собрал скот. Потом разобрал кибитки прекрасных сестер, навьючил кибитки па верблюдов, и они тронулись в путь.

Когда проехали полпути, Бёргин-Цаган сказал:

— Я поскочу вперед, а вы следуйте за мной. Где будет длинная черта — идите, где будет круг — ночуйте. А я хочу поскорее увидеть моих милых братьев.

Когда он приехал к своей кибитке, он увидел, что его братья голодные, истощенные лежат, умирают. Бёргин-Цаган убил своего запасного коня, сварил мясо и накормил братьев. А скоро приехали и прекрасные сестры с многочисленным скотом. Радостно встретили их братья и устроили великий пир. Потом младший брат сказал:

— Надо нам жить семьями. Я привез для вас жев.

Старшему брату он отдал дочь неба, среднему — дочь луны, а себе взял дочь солнца. Весь скот, все богатство разделил поровну. Все стали жить в довольстве и спокойствии.

Однажды ночью, когда старший и средний братья охраняли скот, они увидели, что кибитка их младшего брата светится. Они подошли поближе, а потом и заглянули внутрь. Свет излучала прекрасная жена Бёргин-Цагана.

— Обманул нас с тобой наш младший брат,— сказал средний.— Себе взял жену получше, а нам дал похуже. Давай его убьем, а жену возьмем себе. Скот его разделим поровну.

— Нет, я его убивать не буду,— ответил старший брат.— Ведь это он спас нас от голодной смерти, дал нам богатые стада и красивых жен.

— Но его жена куда красивее, чем наши. Она должна была бы принадлежать тебе, как старшему.

И старший брат согласился.

Они решили привязать почью у дверей кибитки Бёргин-Цагана острую саблю и закричать: «Воры! Воры угоняют лучших коней!» Младший брат выскочит из кибитки и отрубит себе ноги.

Так они и сделали. Однажды почью раздался громкий крик:

— Воры! Воры!..

Бёргин-Цаган вскочил. Его солнцеликая жена взяла его за руку.

— Не ходите туда,— попросила она.

Но Бёргин-Цаган вырвал свою руку, выскочил из кибитки и... свалился, как подкошенный. Ноги его остались у дверей.

Братья забрали его жену, скот и откочевали на другое место. А его, безногую, бросили в степи.

Стал Бёргин-Цаган стрелять птиц, пролетающих над головой. Тем и кормился.

Однажды видит: идет по степи человек, голову держит высоко, останавливается, прислушивается. Бёргин-Цаган окликнул его. Тот подошел. Оказалось, он слепой.

— Кто ты такой, куда идешь? Кто тебя ослепил?

— Было нас три брата,— отвечал тот.— И вот старшие братья меня ослепили, забрали мой скот, а меня выгнали. Иду теперь по степи, ищу сам не знаю чего. Нет ли у тебя чего-нибудь поесть?

— Садись, ешь. И оставайся у меня. Будем жить вместе. Я такой же, как и ты. Мои старшие братья отрубили мне ноги и бросили меня. А мою жену и мой скот забрали себе. Будь моим братом, оставайся.

И они стали жить вдвоем. Построили себе шалаш из травы. Ели птиц, которых убивал Бёргин-Цаган.

Однажды он видит: идет по степи человек без рук. Он позвал его. Человек без рук рассказал такую же историю. Старшие братья отняли у него скот, отрубили руки и выгнали.

— Оставайся у нас, будешь нашим братом, — сказал Бёргин-Цаган.

И стали они жить втроем. Безпогий садился верхом на слепого, а безрукий голосом указывал слепому дорогу. Так они ходили на охоту. Однажды они похитили дочь одного хана и привели ее к себе. Стала она их сестрой. Стала убирать жилище и готовить еду.

Однажды, когда братья были на охоте, у нее погас очаг. Заплакала она, загоревала. А потом подумала: «Я обязательно к приходу братьев должна достать огонь». И побежала по степи. Вдруг видит: из-под земли идет дым. Подбежала ближе. В земле глубокая щель. Чернотой зияет. И дым из глубины струйкой подымается. Стало ей страшно: Но она решила: «Все равно я достану огонь». И спустилась в щель. Под землей у очага сидела черная старуха.

— Зачем ты пришла? — спросила она.

— Я ищу огня. Бабушка, дайте мне огня.

Старуха насыпала ей в подол золу, а на золу положила горячие угли. Принесла их красавица домой, разожгла очаг и стала варить мясо. В это время вбежала к ней старуха и спрашивает:

— Твои братья еще не вернулись?

— Нет, они придут вечером.

— Ну тогда давай я у тебя в голове поищу.

Девушка положила свою голову на колени старухе и задремала. А старуха эта была ведьмой и припняла она свой настоящий вид: стала медноклювой, козлоногой с длинными когтистыми пальцами и острыми когтями. Перевернула она девушку и впиалась ей в грудь своим медным клювом... И начала сосать кровь. Насосалась вдоволь и ушла-ускакала с хохотом. Вернулись братья. Кричат они девушке:

— Сестра, выходи, помогай втаскивать дичь! Много мы сегодня набрали.

Красавица встала с большим трудом, помогла втащить дичь, накормила братьев.

— Что ты сегодня такая бледная и скучная? Что случилось? — спросили они.

Вспомнила девушка страшную ведьму, вспомнила, как та, уходя от нее, хохотала и разевала свой медный клюв, и... испугалась сказать братьям правду.

— Ничего со мной не случилось, я просто устала сегодня, — сказала она.

На другой день ведьма опять пришла и опять насосалась ее крови.

Вечером вернулись братья.

— Сестра, выходи, встречай нас, помогай втащить дичь!

Она лежит. Снова закричали. Не встает. В третий раз закричали. И тогда, собрав последние силы, встала красавица и вышла навстречу братьям.

— Что с тобой, почему ты стала такой бледной, такой слабой? Может, ты больна? Может, ты скучаешь по дому? Может, мы тебя обижаем?

Она ничего не ответила.

На другой день опять ушли на охоту. И опять пришла к красавице ведьма и насосалась ее крови. Когда братья вернулись домой, сестра их лежала без движения.

— Теперь ты нам все расскажешь, — сказал Бёргин-Цаган.

И она рассказала о ведьме. Утром братья на охоту не пошли. Они спрятались и стали ждать ведьму. Скоро она прискакала на своих козлых ногах. Входит и спрашивает:

— Ну что, девушка, братья твои ушли на охоту?

— Ушли.

— А ты не врешь?

— Нет.

Подскочила она к девушке и только хотела вонзить в нее свой медный клюв, бросился ей на спину Бёргин-Цаган. Быстро обернул веревку вокруг ее шеи и всю ее обмотал веревкой. Лежит ведьма, корчится, хочет вырваться. Навалились на нее все три брата и начали ее бить. Долго били. А когда ведьма совсем ослабла, она сказала:

— Не убивайте меня. Оставьте мне жизнь. Все, что хотите, я для вас сделаю. Я все могу.

— Тогда сделай, чтобы эта девушка стала такой, как прежде, — сказал Бёргин-Цаган.

Ведьма проглотила девушку, отрыгнула ее, и стала их сестра румяной и веселой, как была.

— Теперь сделай, чтобы у моего слепого брата были глаза!

Ведьма проглотила слепого, отрыгнула обратно, и выскочил тот зрячий и радостный.

— Теперь пусть у безрукого будут руки!

Проглотила ведьма безрукого, отрыгнула его, и замахал он крепкими руками.

Тогда Бёргин-Цаган тихо сказал братьям:

— Эта ведьма, чтобы отомстить мне, за то что я ее поймал, может меня не отрыгнуть. Тогда убивайте ее скорее, режьте и вынимайте меня, пока я не задохнулся у нее в животе.

Ведьме он сказал:

— Теперь глотай меня. Пусть у меня будут ноги.

Не успел Бёргин-Цаган договорить, как ведьма его проглотила, захлопнула свой медный клюв и с хохотом сказала братьям:

— Больше вы его не увидите!

Братья убили ее. Разрезали живот. Но Бёргин-Цагана в нем не оказалось. Сидят братья, горюют, думают: «Что же делать?»

В это время подлетел воробей и крикнул:

— Чирик-чирик! Ищите в жилах правой руки!

Братья разрезали жилы правой руки, и выскочил оттуда Бёргин-Цаган на обеих ногах.

— Теперь мы все пойдём к своим кровным братьям, — сказал он.

Они отвели девушку к ее родителям и пошли каждый своей дорогой.

Бёргин-Цаган надел желтый халат, шапку гелюнта, взял молитвенный колокольчик и вошел в таком виде в кибитку своих братьев. Они играли в карты. Его жена сидела рядом. Она сразу узнала мужа, но не подала виду. Она налила в

пиалу чигян и поднесла его Бёргин-Цагану как гостю. Он выпил чигян и спросил:

— Почему вы решили играть в карты, уважаемые братья?

— Мы играем на жену нашего младшего брата. Он умер.

— А вот я слышал, что он собирается к вам прийти. И я поспешил к вам сообщить эту новость. Зря вы играете на его жену. Я думаю, он вам за это отомстит.

— О гелюнг, что нам делать? Помогите нам! Как нам спастись от его мести?

— Я могу вам помочь. Для этого падо над вашими головами прочитать молитву. Соедините ваши головы, ухо к уху.

Братья соединили головы. Бёргин-Цаган начал читать молитву и позванивать колокольчиком. Незаметно он выхватил свой меч и одним махом отрубил обе головы. Так он отомстил своим злым братьям.

А потом он забрал свою жену, свой скот и перекочевал на другое место. И жил со своей прекрасной женой долго и счастливо.

Сказка про три чуда

то случилось в давние времена. Жил на свете стрелок Хеече-Мерген. Однажды он на охоту пошел туда, куда еще никогда не ходил. И вот прекрасное озеро он увидал. Белые лотосы росли по его берегам, и ветер не решался коснуться его воды. И вдруг три лебедя над озером сделали круг. Лебеди были как снег белы и чисты, только головы были у них, как бронза, желты. Удивился храбрый стрелок и в траве залег и начал ждать, за птицами наблюдать.

А лебеди взмахом крыльев сбросили вниз белые лебединые одеяния свои, и на берегу оказались прекрасные, как заря, тонкие, стройные девушки, излучавшие нежный свет.

Дыхание перехватило у молодого стрелка. А девушки побежали купаться, звонко смеясь. Не отрываясь, за ними следил Хеече-Мерген. А там, где плыли они, светилась вода.

Очнулся на миг очарованный дивом стрелок и спрятал лебединое одеянье одной из них.

Искушавшись, выплили красавицы из воды. Капли на их телах сверкали, как жемчуга. Едва коснувшись одежд лебединых своих, две солнцеликие красавицы превратились опять в лебедей.

А третья, не увидев одежды своей, стала бегать по берегу и всюду ее искать. С тревожным криком подруги летали над ней. Они не хотели вдалеке без нее улетать. Но одеянье лебедей они не смогли найти. И тогда мелодично сказали подруги:

— Прощай, прости!

И ветер донес растаявшие слова:

— Сестра, быть может, судьба твоя такова...

Девушка медленно пошла по густой траве. И вырвался из ее груди жалобный тихий крик:

— Того, кто найдет и отдаст лебединое одеянье мое, если беден он, сделаю его богачом, если он некрасив и слаб, сделаю его силачом, любую редкую вещь достану ему, помощницей в трудной битве стапу ему.

Быстро поднялся с земли молодой стрелок и нежно сказал:

— Девушка, подойди ко мне. Вот твоё одеянье, твой белоснежный убор.

Вздрогнула девушка, юношу увидав, но тихо сказала, не пряча прекрасных глаз:

— Брат мой, сделай доброе дело, одежду мою верни. Все, что ты пожелаешь, получишь, поверь!

— Что с тебя взять? — ответил веселый стрелок. — Мне ничего не нужно. Ты сама мне теперь нужна. Идем со мною, будешь моей женой.

И вот красавица стала женой стрелка. Стали они вдвоем в согласии жить. Молва о жене Мергена пошла по степи. О солнцеликой красавице скоро и хан услышал. Был Царкин-хан завистлив, труслив и хитер. Он поскорей побежал посмотреть на жену стрелка. А увидав, убедился, что краше на свете нет! Из тела ее струится ласковый свет. Глаза ее

глубоки, ясны и чисты. Прекрасна ова, как дочь самого Хормусты.

Рысцей прибежал домой толстобрюхий хан. Быстро созвал советников-мудрецов. Всех мудрецов напоил крепкой арзой. Всех храбрецов угостил злою хорзой. Жирного мяса всем гостям преподнес. И рассказал им всем о жене стрелка.

— Так прекрасна она, что нельзя уснуть. Как я увидел ее, запыхала грудь. Тело ее излучает ласковый свет. Как бы ее отнять, дайте совет?

— Надо ее похитить,— сказал мудрец.

— Надо стрелка убить,— подсказал храбрец.

— Надо стрелка прогнать, а ее забрать,— веско сказал желтолицый угрюмый зять.

Старший советник справа от хана сидел. Старший советник сказал, сощуриив глаза:

— Течет далеко-далеко река-море великий Ганг, на Ганге живет тигрица, у которой трое тигрят. Зверя свиреее этой тигрицы на свете нет. Надо послать к этой тигрице стрелка и приказать принести кувшин ее молока! И станет твоей добычей его жена раньше, чем в наши земли придет весна.

— Мудро придумано! — хором сказали все.

— Мудро придумано,— согласился трусливый хан.

Он притворился больным и призвал стрелка.

— Слушай, Мерген, тяжелой болезнью я одержим. Лишь молоко тигрицы может меня исцелить. Эта тигрица кормит своих тигрят на великом Ганге, на могучей далекой реке. Никто, кроме тебя, не сможет молока принести. Вот мудрецы и решили: надо тебе идти. Ступай скорей принеси целебного молока!

И начал корчиться в муках притворщик хан.

Пришел домой отважный стрелок Хеече-Мерген. И стал собираться в далекий опасный путь. Оседлал своего гнедого длиннокорпусного коня. Надел кольчугу, сверху надел бешмет. Слева пристегнул из черной стали длинный тяжелый меч, справа пристегнул из белой стали острый короткий нож.

— Скажите, куда вы? — спросила его жена, увидев, что муж собирается в дальний путь.

— Наш многомудрый хан тяжело заболел. Лишь молоко тигрицы может его исцелить. Эта тигрица кормит своих тиг-

рят на великом Ганге, на могучей далской реке. Мне поручили ее молока привезти. Вот я и собрался на Ганг далекий идти.

— Тогда возьмите с собой мой желто-пестрый хадак. Как только тигрица близко к вам подбежит, выньте хадак и покажите тигрице его. Когда-то домашней скотиной она у меня была. Мигом узнает тигрица этот хадак, а как узнает, позволит вам без труда подоить кувшин целебного молока. Прощайте, да будет дорога ваша легка!

Сел Хеече-Мерген на своего длиннокорпусного коня и поскакал к великому Гангу-реке. Днем не ел, ночью совсем не спал. Счет дням и почам давно потерял. И вот впереди река-море, великий Ганг. Тигрица заметила издали летящего на коне стрелка и с яростным ревом бросилась навстречу ему. Но, увидев желто-пестрый хадак у него в руках, остановилась в недоумении и робко спросила его:

— Где ты взял эту вещь, скажи мне, славный батыр?

— Это хадак моей солнцеликой жепы,— ответил стрелок.

— А зачем ты приехал ко мне, отважный батыр?

— Наш многомудрый хан тяжело заболел. Только твое молоко может его исцелить.

— Если так, скорее слезай с коня и возьми моего молока полный кувшин.

Стрелок подоил тигриного молока.

— Будь здорова, тигрица! — на прощанье сказал. И обратно в родные края с молоком ее поскакал.

— Да будет счастливым твой путь, стрелок,— прокричала тигрица вслед.— Да будут успешны твои дела, да будет твой конь здоров!

Удивился злобный трусливый хан, что стрелок привез молоко. Но сделал вид, что лекарству рад. Сказал, что выпьет.

А храбрый стрелок Хеече-Мерген вернул к себе домой и стал, как прежде, спокойно жить со своей прекрасной женой.

А хан опять собрал на совет сановников-мудрецов. И снова думали мудрецы, куда бы Мергена услать.

И снова старший советник сказал мудрецам:

— Мы посылали его на верную смерть. Но он невредимым вернуться с Ганга сумел. Нам не придумать, как рас-

правиться с ним. Надо собрать пьяниц, мошенников и воров, дать им арзы и мяса, вволю всех угостить и расспросить у плутов, может быть знают они, куда бы послать Мергена, чтоб не вернулся он?

— Правильно ты говоришь, — закричали в ответ мудрецы.

И вот собрали пьяниц, мошенников и воров. Вволю их напоили злой пьянящей арзой. И старший советник кликнул меж ними клич:

— Эй, удалые гуляки, кто среди вас хитер? Кто подскажет способ погубить молодого стрелка? Куда бы его услать, чтоб не вернулся он?

И встал один пропойца кривой и хромой. Вынял еще одну пиалу арзы и, заплетаясь, медленно проговорил:

— Знаю, куда отправить Мергена-стрелка! Надо ему приказать, чтоб вещь принес, у которой ни вида, ни цвета, ни места нет. Надо ему подсказать, чтоб ее искал в дальней, пустынной, неведомой, темной стране. И тогда храбрый стрелок Хеече-Мерген никогда не появится больше в наших краях.

— Правильно ты говоришь! — закричали в ответ мудрецы.

— Правильно ты говоришь, — одобрил трусливый хан.

И снова он прикинулся тяжело больным. Снова призвал стрелка и сказал ему:

— Слушай, Мерген, страшной болезнью я одержим. Вылечить может меня странная вещь. У вещи ни вида, ни цвета, ни места нет. Искать ее надо в неведомой, дальней, пустынной стране. Верю, Мерген, что сумеешь ее привезти. Ну до свидания, будь осторожен в пути.

— Что же я должен, хан всемогущий, искать?

— Не возражать! Приказываю молчать! Ты непременно найдешь! Стулай же скорей!

И за Мергеном захлопнулись все двенадцать дверей.

Понурый и мрачный вернулся стрелок домой. Днем не ест, ночью не спит, все сидит, раскидывает умом. Но ничего придумать стрелок не смог. И начал коня своего длиннокорпусного седлать.

— Куда вы едете? — спросила его жена.

— Наш многомудрый хан опять заболел. Только странная вещь может его исцелить. У этой вещи ни вида, ни цвета,

ни места нет. Искать ее надо в неведомой, дальней, пустынной стране. Вот хап и отправил меня, чтоб ее найти. Но знаю, сколько теперь я пробуду в пути.

— Чем ехать туда на копе, уж лучше идти пешком. Смело идите вперед за этим клубком. — И жена Мергену вручила желтый клубок, тонких шелковых ниток желтый клубок.

Бросил стрелок на землю этот клубок, и тот покатился в неведомую страну. Следом за ним побежал отважный Мерген. Днем не ел, ночью совсем не спал. Счет дням и ночам давно потерял. А клубок все катится, и нсту ниткам конца. Но нет и конца терпению храбреца. В темный лес однажды Мерген вошел. И целый месяц по этому лесу шел. И кончилась эта нитка. И некуда дальше идти. И тут же маленький домик Мерген увидал. «Наверное, нужно мне в этот домик войти», — подумал стрелок и смело в дверь постучал.

Прекрасная женщина дверь открыла ему.

— Входите, будете гостем, добрый батыр.

Она подала ему мяса. Стрелок поел. Она постелила войлок, и лег отдыхать Мерген.

Утром женщина вдруг увидала в руках стрелка золотую гребенку, излучавшую яркий свет. Она спросила:

— Где вы взяли ее?

— Эта гребенка моей солнцеликой жепы, — ответил Мерген. — Перед моим отъездом, прощаясь, она мне ее отдала.

— А я сестра вашей прекрасной жены. Что ж вы раньше не показали гребенку мне? Куда вы едете? Куда вы держите путь? Чем смогу, обязательно помогу.

— Наш многомудрый хап тяжело заболел, — отвечал стрелок. — Только странная вещь может его исцелить. У этой вещи ни вида, ни цвета, ни места нет. Искать ее надо в неведомой, дальней, пустынной стране. Ваша сестра дала мне желтый клубок. Этот клубок к вашим дверям привел.

— Нет, я не знаю неведомую страну. Быть может, об этом знает старшая наша сестра.

И она вручила Мергену новый клубок:

— Нитка укажет дорогу к старшей сестре.

И снова Мерген побежал за желтым клубком. Из лесу вышел. Долго шел по степи. И снова вошел в огромный дремучий лес. Кончилась нитка у дома, у самых дверей.

Прекрасная женщина дверь открыла стрелку. И все повторилось, как раньше, и все Мерген рассказал.

— Нет, я не знаю неведомую страну, — услышал стрелок в ответ. — Но я сейчас у крылатых спрошу, быть может знают они.

И она затрубила в свой золотой рожок. Ровно сто восемь грустных звуков она извлекла и семьдесят два веселых звука она извлекла. И все крылатые вплоть до мух слетелись к дому ее.

— Слушайте, вездесущие вершние слуги мои, — закричала она. — Кто из вас знает такую вещь, у которой ни вида, ни цвета, ни места нет? Кто из вас знает, как пройти к неведомой темной стране?

Но все промолчали. Никто не знал. И все улетели прочь.

Опять затрубила она в рожок — водяных и ползучих звать. Черепахи, змеи, рыбы, лягушки — все прибежали к ней. Но и из них никто не слышал про неведомую страну. И все убежали прочь. Остался только тяжелый рак с толстой железной клешней. Был этот рак пад всеми раками хан.

— Что ты знаешь, рак, расскажи скорей!

— Может быть, то, что знаю, — не знаю, а может быть, то, что неведомо, — знаю, — ответил он.

— Скорей рассказывай то, что неведомо, мудрый рак!

Вот что рак рассказал:

— Если идти в сторону полдня, то через месяц пути прямо к Внешнему морю можно прийти. Потом на запад по берегу до переправы месяц пути. А на той стороне Внешнего моря дремучий лес. В лесу змеится дорога, на ней следы от колес. В самую чащу леса эти следы ведут. Надо идти прямо по этим следам. А дальше не знаю.

И в озеро прыгнул рак.

И вот пошел Хечче-Мерген туда, куда рак сказал. На той стороне Внешнего моря увидел дремучий лес. А в лесу на дороге увидел следы от колес. Идет и идет, идет и идет по этим следам. А лес все темней и темней, и неба не видно совсем. Остановился стрелок и думает: «Как же быть, что же мне делать, куда мне еще идти?» И вдруг куда-то пропали следы от колес. И тут же домик увидел храбрый стрелок.

В этом домике не было никого, но было ясно, что здесь живет человек. Спрятался в яму Мерген и стал терпеливо ждать. И вдруг услышал: повозка где-то стучит.

К дому подъехал красивый статный батыр. Самые лучшие одежды были на нем. Самое лучшее оружие было на нем. Вошел он в дом, оружие снял и сел. И громко крикнул, так что Мерген услышал:

— Эй, Мурза, подавай-ка еду-питье!

Желто-пестрая скатерть развернулась вмиг перед ним, а на скатерти было столько еды и питья, что могли бы поесть двенадцать богатырей. Вволю поел-попил красивый батыр. И крикнул:

— Эй, Мурза, быстро все убери!

И скатерть тут же свернулась и исчезла-пропала вмиг. А статный батыр оружие пристегнул и снова умчался в темный дремучий лес.

«Что за чудо? Что он за человек? Кто тот Мурза, который еду подает? — сидел и думал стрелок Хеече-Мерген. — Попробую я познакомиться с этим Мурзой». И в домик смело вошел, оружие снял и сел.

— Эй, Мурза, подавай-ка еду-питье!

Желто-пестрая скатерть развернулась вмиг перед ним, а на скатерти было столько еды и питья, что могли бы поесть двенадцать богатырей. Начал есть и пить искусный стрелок и крикнул:

— Эй, Мурза, садись-ка, поешь со мной!

Жирное мясо стало вдруг проладать — это Мурза стал его поедать. Наелся Мурза и говорит стрелку:

— Много лет хозяина я кормлю, но он мне ни разу не предложил поесть. А ты в первый же день меня угостил. Может быть, будешь моим хозяином, добрый стрелок.

— Да ведь я тебя по всему свету ищу. Ты ведь и есть та странная вещь, у которой ни вида, ни цвета, ни места нет! Буду твоим хозяином, добрый Мурза!

— Буду твоим слугою, — тот отвечал.

И вместе они из лесу к морю пошли. Скоро в повозке, запряженной восьмеркой карих коней, повстречался красивый батыр. Видно, ехал опять поесть. Он не знал, что Мурза уже не его.

А храбрый стрелок через Внешнее море переправился вместе с Мурзой и пошел по степи, направляясь прямо домой. Однажды они увидели старый джолум. В нем оказался седой старик-даянчи. Он бормотал молитву и устало поклоны бил.

— Здравствуйте, старик-даянчи! — громко сказал Мерген. — Можно я останусь у вас ночевать?

— Кто ты такой? Откуда идешь? Здесь еще никогда не бывало людей, — проговорил старик. — Ночевать оставайся, но нет для тебя еды.

— А мне еда не нужна, — ответил стрелок. — Еда у меня с собой.

— Тогда оставайся, — ответил старик и снова молиться стал.

Вечером ужинать начал старик-даянчи. Щавель, коренья да горсть малины — это и вся еда.

— Я не могу тебя угостить, стрелок, — тихо сказал старик. — Я собираю по крохам мою еду, и если я тебе хоть горстку отдам, на то время, которое нужно, чтобы ее собрать, уменьшатся молитвы мои и поклоны мои.

Мерген тогда говорит:

— Эй, Мурза, подавай-ка еду-питье!

И желто-пестрая скатерть развернулась вмиг перед ним, а на скатерти было столько еды и питья, что могли бы поесть двенадцать богатырей.

— Садитесь, старик, поешьте вместе со мной. Садись и Мурза, ужинать будем втроем.

Старик удивился, но все-таки начал есть. Когда наелись и встали, стрелок сказал:

— Эй, Мурза, быстро все убери!

И скатерть тут же свернулась и исчезла-пропала вмиг. Тогда старик говорит:

— Променяй-ка эту вещицу, храбрый стрелок!

— Нет, старик, такую вещь променять нельзя.

Целую ночь старик Мергена просил. Ценную вещь дать в обмен обещал. Наутро вывел его из джолума и говорит:

— Ты посмотри-ка, что я тебе даю!

Вынул старик цветной трехаршинный хадак, трижды потрянул и крикнул:

— Дворец, появись!

И появился огромный, сверкающий солнцем дворец, крыша его почти достигала небес. Жемчуга и кораллы украшали стены его. Такого дворца не видывал белый свет.

Старик говорит:

— Вот что нужно тебе. А твою вещицу мне скорее отдай.

— Нет, старик, Мурау променять не могу.

А Мурау Мергену на ухо тихо сказал:

— Не бойся, смело меняй. Будет дворец у тебя, и я к тебе прибегу.

— Ладно, согласен,— сказал старику стрелок. Взял хадак и оставил ему Мурау. Тряхнул хадаком и крикнул:

— Дворец, уберись!

И мигом дворец пропал, будто не было ничего. И ушел Хесче-Мерген.

Долго идет по горам и долинам, степям и лесам. В кармане его лежит волшебный хадак.

«Где же теперь мой друг, волшебник Мурау?»,— подумал Мерген.

— Не беспокойтесь, хозяин, я рядом с вами иду,— ответил Мурау.

Шли они, шли, и вот Поперечное море на их дороге легло. Очень долго его обходить. И тут они увидели корабль, а на нем солдаты — наверное, целый полк.

— Солдаты-ребята, возьмите меня с собой. Поперечное море нужно мне пересечь.

— Садись, не жалко,— солдаты ему говорят.

Корабль поплыл, а солдаты начали есть.

— Угостите меня, пожалуйста, вашей едой,— попросил стрелок.

— Ишь ты, ловкий какой,— отвечал солдат.— Сначала тебя на корабль возьми, а потом еще и корми! Нету лишнего хлеба у нас, никто для тебя не припас.

— Что ж, зато у меня запас такой, что хватит на всех на вас!

— Врать-то ты, я вижу, горазд,— сказал усатый солдат. И все засмеялись, и даже корабль от смеха их задрожал.

Тут полковник их прибежал и говорит стрелку:

— Если можешь, то накорми, а если врешь — берегись: привяжем камень на шею тебе и пустим рыбку ловить.

— Ладно, садитесь, сейчас накормлю, — ответил храбрый стрелок.

Солдаты уселись. Сидят и ждут. И тихо Мерген сказал:

— Ну, Мурза, теперь выручай. Целый полк накорми!

И желто-пестрая скатерть легла через весь корабль. И было на ней столько разной еды, что хватило б, наверное, на два таких полка. Поели солдаты, пошли как никогда. Сидят довольные, поглаживают животы.

— Эй, Мурза, быстро все убери, — крикнул стрелок.

И скатерть тут же свернулась и исчезла — пропала вмиг.

— Какая хорошая вещь у тебя! — сказал усатый солдат. — Ты бы продал ее, пареня нам. Нам она очень пужна.

— Эту вещь продавать нельзя, — ответил Мерген.

— Тогда давай меняться на трость, на золотую трость. Только ею ударь по земле — войско идет из земли. Если ударить толстым концом — конное войско идет, если ударить тонким концом — пешее войско идет.

— Меняйся, — тихо Мурза говорит. — И войско будет твое, и я потом к тебе прибегу. Не бойся, смело меняй.

— Ладно, согласен, давайте трость, Мурау оставляю вам.

Солдаты рады, что взяли Мурзу, даже пустились в пляс.

Скоро к берегу подошли. Войско пошло на юг. А храбрый стрелок с тростью в руках прямо на запад пошел. Сутки идет, а Мурзы все нет, вторые — и снова нет. На третьи сутки опять кричит:

— Мурза, где ж ты, ответь!

— Не беспокойся, мой господин, я рядом с тобой иду.

— Дай же мне поскорей поесть!

И вместе пошли они. И снова шли не считая дней, не считая долгих почей. Все шли и шли, все вперед и вперед. И вот уже близок дом. Ровно в полночь в кибитку Мерген вошел. Радостно встретила мужа его жена. Спросила, здоров ли, не был ли ранен в пути.

— А что наш хан, — спросил у жены стрелок, — все так же болеет или уже здоров?

— Да он, по-моему, вовсе и не болел. Как вы ушли, сразу ко мне прибежал и стал уговаривать, чтоб я пошла за него. С той поры приходил уже двадцать раз. А я ему отвечала: «Мой храбрый муж пошел лекарство для вашей особы ис-

коть». — «Умер твой муж в дороге, — хан говорил. — И кости его уже сгнили давным-давно». — «Жив или умер, — хану ответила я, — вашей женою не стану я никогда». После этого хан отобрал мой скот. Я голодала. И вы, наконец, пришли.

— Вот он каков, наш многомудрый хан, — проговорил Мерген. — Ладно, что ж потягася, кто кого!

И прямо к дворцу отправился вместе с женой. Недалеко от главного входа дворца вытащил свой волшебный хадак, трижды потряхнул и крикнул:

— Дворец, появись!

И появился огромный, сверкающий солнцем дворец. Крыша его почти достигала небес. Жемчуга и кораллы украшали стены его. Потом ударил об землю тростью своей золотой. Ударил тонким концом — и пешее войско пошло. Ударил толстым концом — и конное войско пошло. Выпустил два полка и поставил дворец охранять. А сам вошел во дворец с женой и с Мурзой.

— Никого не впускать, пока я не проснусь! — страже он приказал.

Наутро ханские слуги видят: стоит дворец. На три локтя до неба не достает крыша его.

— Что за чудо, откуда взялся дворец? Еще вчера здесь не было ничего. Может быть, это к нам явился бурхан? А может быть, это пришел волшебник-мус?

И к хану слуга побежал, чтоб скорей обо всем доложить. Вышел хан и протирает глаза. Не верит глазам и опять кулаком трет. Но все равно перед ним сверкает дворец.

— Что за чудо? — вскричал удивленный хан. — Никогда такого дворца не видал! Эй, слуги, ступайте, узнайте, кто там живет, да приведите его скорее ко мне!

Двое усердных слуг побежали к золотому дворцу. Но у входа вооруженная стража встретила их.

— Чей дворец? — закричали ханские слуги. — Кто в нем живет? С неба упали вы или выросли из земли? Скажите, откуда вы в земли наши пришли?

А стражники грозно им говорят в ответ:

— Вы кто такие, вы откуда взялись?

— Мы ханские слуги. Вон в том красивом дворце живет наш повелитель, наш многомудрый хан.

— Вашего хана не знаем и знать не хотим. А наш повелитель спит в золотом дворце. Ступайте назад, пока головы на плечах!

Испугались слуги и побежали домой. Все рассказали хану, а хан как закричит:

— Трусы, бездельники, я ведь вас посылал не со стражей болтать, а хозяина привести. Получит каждый из нас по пятнадцать плетей!

И отправил он к золотому дворцу двух лучших богатырей. Стражники их не пустили, спросили, откуда пришли.

— Мы посланцы великого хана, — сказали богатыри. — Мы пришли не с вами болтать, а хозяина нашего взять.

И стали они расталкивать стражников, чтоб подойти к дверям. Тогда стражник схватил богатырей и лбами их стукнул так, что брызнула кровь. Назад побежали богатыри, держась за носы. Прибежали к хану, упали ниц и стали громко кричать:

— Один злодей нас чуть не убил! Больше туда не пойдём!

И тогда промолвил великий хан:

— Надо послать войска!

Тридцать три полка хан ко дворцу привел. В тридцать три ряда хан дворец окружил. Прохаживается и кричит:

— Эй, хозяин дворца, выходи, коли сила есть, выходи, пока солнце стоит, я тебя цаучу, как невежливый быть!

Вышел храбрый стрелок Хесче-Мерген и сказал:

— Зачем ты, хан, войско такое привел. Я ведь тебе не враг. Я воевать не хочу. Я на тебя войной не пойду, поверь!

— А я пойду и сам тебя зарублю! — крикнул хвастливый хан.

— Ну если так — берегись!

Взял золотую трость отважный стрелок. Толстым ударил концом — копьё войско пошло, тонким ударил концом — пешее войско пошло. Стоят, сверкая доспехами, вынимают свои мечи.

— Что прикажете, хан? — спрашивают стрелка.

— Сразитесь с вражеским войском, — ответил Мерген, — а хана ведите ко мне.

Только начали битву — и тридцать три полка рассыпались и разбежались по всей степи. А хан в испуге кричит:

— Куда же, куда же вы? Я ваш повелитель, ваш много-мудрый хан...

Но тут железные воины к нему подошли.

— Спасите, спасите! — Мергену хан закричал.

— Не трогайте хана, ведите его сюда, — приказал стрелок.

Хан подбежал к Мергену, поклонился в ноги ему:

— Помилуйте! Оставьте меня в живых!

— А я совсем не хочу вас убивать. Это ведь вы захотели со мной воевать. А теперь давайте закусим и отдохнем.

— Эй, Мурза, подавай-ка еду-питье!

И желто-пестрая скатерть развернулась перед стрелком. И было на ней столько разной еды, что могло бы целое войско здесь пировать.

Хан удивился, но все-таки начал есть.

— Слышал я, — говорит хану стрелок, — что жил у вас стрелок Хеече-Мерген. Где он теперь, этот храбрый стрелок?

— Хеече-Мерген умер давным-давно, — отвечает хан. — Он не пришел назад в назначенный срок, и мы решили, что он в дороге погиб.

— А куда же он уходил, этот стрелок?

— Да так, ушел на охоту и вот не пришел.

— Хан, я не хотел вас убивать. Но вы погоди и лжец и надо вам голову снять. Я Хеече-Мерген. Теперь узнали меня?

— Да, я узнал тебя, мой лучший стрелок!..

— Вы послали меня в неведомую страну, чтоб я привез для вас странную вещь, у которой ни вида, ни цвета, ни места нет. Тот, кто кормит нас, добрый Мурза, и есть та самая вещь. Видите, верой и правдой службу я вам сослужил. А вы в это время хотели моей женой завладеть. Да, вы достойны смерти, но я вам дарую жизнь. Идите в другую землю. Живите там.

Хан поклонился и побежал на юг. И больше в этой стране его никто не видал.

А храбрый стрелок Хеече-Мерген зажил, как прежде, с прекрасной своей женой.

Старик Бегдэ и пятнадцатоголовый черный мус

из когда-то старик Бегдэ. И был у него всего-навсего один белобокий бычок. Однажды заколол старик бычка и сварил его ребро. Ел-ел, не мог съесть. Вышел он из кибитки и пошел искать человека, который помог бы ему доесть ребро. Но в пути ему не встретилось ни одного человека. И вдруг вдали показался мус. Он быстро подбежал к старику. Это был пятнадцатоголовый черный мус. Из каждого рта у него торчали толстые белые клыки.

— Куда ты идешь, старик? Куда идешь? Куда?.. — наперебой заговорили все пятнадцать голов муса.

— Я заколол своего белобокого бычка, — отвечал старик Бегдэ, — сварил его ребро, но не смог его доесть. И вот ищу кого-нибудь, кто мне поможет.

— Давай я тебе помогу! Давай я! — сказал мус.

Старик вытащил из ууы ребро и отдал ему. Мус вмиг проглотил это ребро, а потом схватил старика и потащил к себе домой. Он привязал старика веревкой к крыше кибитки и сказал своим трем дочерям:

— Приготовьте мне на ужин этого старика, а я скоро приду.

Дочери налили в котел воды, развели костер, поставили котел на огонь, наточили ножи и стали осторожно подрадоваться к старику. Старик говорит:

— Меня очень трудно убить. Никакой нож меня не берет. Вы не сумеете этого сделать. Лучше я сам себя убью. Дайте мне ножи.

Дочери муса отдали ему ножи. Старик разрезал веревку, прыгнул на землю и заколол всех трюх. Отрезал он им головы, положил головы на кровать и накрыл шубой. А тела их сварил. Потом вырыл две ямы: большую яму около кровати муса и маленькую около очага. Сам сел в большую яму и сидит.

Пришел мус, увидел в котле вареное мясо и говорит:

— Хорошие у меня дочки. Приготовили мне ужин и спать легли.

Сол и начал пожирать мясо. Бросал куски во все свои пятнадцать ртов. Крупные кости изо ртов вылевывал, мелкие из носов выдувал. Быстро наелся и кричит:

— Эй, дочки мои, просыпайтесь, вставайте, идите, слыте, что осталось!

Никто не отзывается. Он громче закричал. Опять тишина. Тогда он вскочил и сорвал с кровати шубу. И увидал головы своих дочерей.

— Ах, старик-старикашка! Вот что ты наделал! — заревел мус.— Сейчас я тебя сожру-проглочу! Где ты сидишь? Отвечай!

— Я сижу на дне ямы, которая у очага! — глухо крикнул старик.

Мус бросился в эту яму, но она была маленькая, тесная, и он застрял. Ни туда ни сюда. Сидит ревет. Тут старик выскочил из своей ямы и опрокинул полный котел горячего супа на муса.

Так старик Бегда расправился с пятнадцатоголовым черным мусом.

Девушка-сирота

ошлись и стали жить вместе старик и старуха. У старика была дочь, у старухи тоже. В хозяйстве у них было три коровы. Старуха свою дочь наряжала в яркие одежды и все искала для нее богатого жениха.

А дочь старика она одевала в обноски, не кормила и заставляла с утра до ночи пасти коров.

Скоро Кермец, дочь старика, совсем отоцала. Она сле-еле

ходила. Однажды в степи она расплакалась и стала сквозь слезы говорить:

— Где мой добрая мама? Некому меня пожалеть! Я так хочу есть!

Тогда к ней подошла пестрая корова и сказала:

— Пососи моего молока. Ты сразу насытишься.

Кермен пососала молока, и вся ее грусть пропала. С тех пор корова каждый день кормила Кермен своим густым вкусным молоком.

Старуха смотрит на Кермен и думает: «Что такое? Я ее совсем не кормлю, а она вдруг стала расцветать и хорошеет. Почему моя дочка не хорошеет? Ведь она ест все что хочет!»

А Кермен скоро стала такой красивой, что в сиянии лица ее можно было табуи охранять, в сиянии глаз ее можно было узор вышивать.

Старуха смотрит на нее, злится и думает: «Тут что-то есть. Я выведу ее тайну!»

Подозвала она однажды Кермен в кибитку и говорит:

— Скажи мне, милая Кермен, отчего ты стала такой красивой? Что ты ешь? Кто тебя кормит в степи?

Кермен молчит. Тогда старуха схватила плетъ и начала бить девушку.

— Я буду тебя бить, пока ты не раскроешь свою тайну! — кричала старуха.

Тогда Кермен сказала:

— Меня кормит молоком пестрая корова.

На другое утро старуха послала пасти коров свою дочь.

— Иди, моя Булгун, паси коров, будь с ними ласкова и пососи молока у пестрой коровы. Тогда ты станешь красивой.

Булгун, дочь старухи, пошла с коровами в степь. Но ей все не нравилось: то ветер слишком сильно дул, то коровы слишком медленно шли, то солнце стало слишком жарко греть. И Булгун все ругалась и кричала. Когда она захотела попить молока, как приказала ей мать, пестрая корова ее к себе не подпустила. «Если я не попью молока, — подумала Булгун, — я не стану красивой!» И она бросилась к пестрой корове, вцепилась в ее вымя и стала жадно сосать. Ко-

рова пустилась бежать. Она опрокинула толстую Булгун и наступила на нее копытом.

Дома Булгун все рассказала матери.

— Ах так,— сказала старуха,— эта корова нас не любит! Ну так мы ее завтра зарежем!

Кермен стояла около кибитки и все слышала. Она побежала к пестрой корове и сказала:

— Завтра тебя собираются зарезать. Беги!

— Не беспокойся,— ответила корова.— Я не боюсь и никуда не побегу. А ты вот, когда меня зарежут и выпотрошат, постарайся взять и незаметно унести мою толстую кишку с содержимым. Отнеси ее в степь. Она заменит меня. Ты будешь сыта, как прежде.

На другой день пеструю корову зарезали, и Кермен незаметно взяла толстую кишку. Старуха приказала Кермен пасти двух оставшихся коров. В степи Кермен бросила толстую кишку, и она превратилась в белую кибитку. Девушка вошла в нее и увидела там много вкусной еды и сладостей. Она поела всего понемножку и стала красивей прежнего. И вдруг к кибитке подъехал ханский сын. Он охотился в степи. Увидев Кермен, он открыл рот, но не смог произнести ни слова, и так смотрел на нее, пока солнце не склонилось к западу, пока не устали глаза. Тогда он очнулся и сказал:

— Кто ты красавица? Чья ты дочь? Сейчас поеду тебя сватать! Где твой дом?

— Мой дом там,— ответила Кермен и показала в сторону кибитки отца и матери.

Сын хана поскакал туда.

— Я беру в жены вашу дочь, ту, что пасет коров в степи! Завтра я приеду за ней с моей свитой,— сказал он старику и старухе.

Когда Кермен с коровами вернулась, отец ей сказал:

— Тебя, моя милая Кермен, сосватал сын хана. Завтра он приедет за тобой.

А старуха сидит и думает: «Моя дочь, мою Булгун, никто не сватает. Почему эту сироту сосватал сам ханский сын? Нет, не быть этому! Не будет она женой ханского сына! Моя дочь будет его женой!»

Она завязала глаза Кермен, взяла ее за руку и отвела

к озеру. Там она столкнула девушку с крутого обрыва в воду и убежала.

Дома она нарядила в свадебный парад свою толстую Булгун.

Когда приехал ханский сын со свитой за невестой, старуха вывела им навстречу радостную разукрашенную Булгун. Ее взяли и увезли.

А у толстой Булгун были приметы: на правой щеке у нее была шишка величиной с большую муху, а на шее шишка величиной с маленького суслика. В дороге сын хана, хоть и был пьяный, заметил это. Он понял, что его обманули. Но было поздно. Возвращаться было нельзя: в ханском улусе все ждали большую свадьбу — хурюм.

Отпраздновали свадьбу. Сын хана стал жить с Булгун. Вдруг вода в озере высохла. Люди стали перекочевывать на другое место. Когда почти все ушли, из озера выскочил белый верблюжонок и побежал за людьми.

На новом месте молодая ханша прикинулась больной. Ни один эмчи не мог понять, что с ней. Муж спросил ее:

— Чем тебя лечить?

— Помните, когда мы уходили от озера, за нами бежал белый верблюжонок-сирота. Сварите мне его, и я выздоровею.

Верблюжонок немедленно отыскали и привели к ханше. Ханша сказала:

— Скорее заколите его. Но так, чтобы ни одна капля крови не упала на землю.

Верблюжонок закололи со всеми предосторожностями. Но все-таки одна капля его крови упала на землю. На другой день на этом месте вырос высокий тополь. Люди испугались и откочевали оттуда. Ни один мудрец не смог объяснить появления тополя. Тогда молодая ханша сказала:

— Я знаю, для чего вырос этот тополь. Он вырос для того, чтобы из него была сделана люлька для сына, который находится в моем чреве.

Она приказала старик-скотнику срубить тополь и сделать из него люльку. Сделать так, чтобы ни одной щепочки не пропало, чтобы все дерево пошло на люльку. Когда старик рубил тополь, одна щепка попала ему за пазуху. Он этого не заметил. Сделал люльку и пошел домой. Когда дома

раздевался, из-за пазухи у него выпала красивая трубка с резным мундштуком, с серебряной оправой. «Откуда у меня эта трубка? — подумал старик. — Не сама ли ханша — ее хозяйка? Но нет, у ханши я такой не видел. Может быть, мне ее послал бурхан?» Он положил трубку на самое высокое место, помолился на нее и лег спать.

Проснувшись утром, он обвел кибитку глазами — трубки не было. Но рядом с ним сидела девушка-красавица. Ей было пятнадцать лет. Она была так прекрасна, что в сиянии лица ее можно было табуи охранять, в сиянии глаз ее можно было узор вышивать!

— Кто ты, девушка? — спросил старик.

— Я хочу быть дочерью тем, у кого нет дочери, хочу жить у тех, у кого нет детей, — ответила она.

Старик и старуха очень обрадовались. У них никогда не было детей. Они стали целовать свою приемную дочку и сказали:

— Оставайся у нас, мы тебя очень любим!

Прошло несколько дней.

Молодая ханша сказала:

— Надошить для хана черную мерлушковую шубу. А для этого, слуги мои верные, соберите со всего улуса и привезите во дворец двести молодых девушек. Они будут шить эту шубу. Ищите девушек везде. Заходите в каждую кибитку.

Слуги поскакали. Один говорит:

— К ханскому скотнику заезжать не будем, все знают, у них нет детей. Не будем тратить время.

А другой говорит:

— Нет, нам приказано заходить в каждую кибитку. По-едем и к скотнику.

Зашли они в кибитку старика и ахули: там сидела пятнадцатилетняя девушка и своей красотой освещала все вокруг.

— Значит, у вас есть дочь, а вы ее от всех скрывали? Так мы и доложим ханше, — сказал второй слуга.

Они забрали девушку и отвезли ее во дворец.

Ханша раскроила шкурки и двести девушек стали шить шубу. Приемной дочери старика, пятнадцатилетней краса-

вице, достался рукав. Все начали быстро шить, а она сидела ничего не делала. Скоро шуба была готова и все увидели: не хватает рукава.

— Ах ты, бездельница, лентяйка, ты что это нас задерживаешь! — закричала молодая ханша.

Тогда красавица бросила шкурки к шубе, они на лету соединились в рукав, и рукав сам пришився. Все притихли. На лице молодой ханши отразились злость и испуг... В это время вошел молодой хан и всех девушек, которые шили его шубу, пригласил на пир.

Когда вдоволь наелись мяса, хан сказал:

— Кто из вас, двухсот мастериц, расскажет мне самую интересную сказку? Выходите на середину, рассказчицы, будем слушать ваши сказки!

Ни одна из девушек выйти на середину не решилась, не осмелелась.

Тогда встала приемная дочь скотника, пятнадцатилетняя красавица, и говорит:

— Я слыхала много интересных сказок. Одну из них я вам расскажу сейчас.

И она рассказала все, что вы слышали. Молодой хан понял, что она и есть его невеста. Он выгнал свою ханшу — влиую, толстую Булгун, у которой на шее была шишка величиной с маленького суслика, и женился на юной красавице Кермен. Они жили долго и счастливо.

**Вечно живой
Чилдин-Баатр**

ил на свете Чилдин-Баатр. Был у него вороной конь с короткой шерстью. Шерсть коня была так коротка, что нельзя ее было даже ухватить. Любил Чилдин-Баатр себя забавлять. Поэтому он часто ездил на охоту.

Однажды, проскакав на коне две недели, вернулся он в полдень домой и лег спать.

Спит и слышит: со стороны захода солнца кто-то трется о кибитку. «Что это такое?» — думает Чилдин сквозь сон. Встал он, вышел из кибитки и видит: это его короткошерстый конь.

— Что тебе надо, почему ты мне спать не даешь?

— Мой, господин, — ответил конь, — со стороны захода солнца на желто-пестром коне идет на тебя великан Шара-Гюргю. Хочет он твой скот угнать, а тебя в плен забрать.

Тогда расправил свои плечи Чилдин-Баатр и сказал коню:

— Для всего народа, для всех дербен-ойратов* будет позор, если я лягу спать, если я не пойду навстречу великану Шара-Гюргю.

И крикнул богатырь на всю степь:

— Эй, смельчаки-силачи! Приходите седлать-готовить моего вороного коня!

Прибежали смельчаки-силачи. Оседлали коня. Приготовили его к походу. Надел на себя Чилдин-Баатр то, чего еще не надевал, поел того, чего еще не ел, взял оружие, которое еще не брал, и поскакал в сторону захода солнца. Семью семь — сорок девять дней проскакал и увидел столб пыли, который достигал неба, который закрывал солнце.

«Это, наверное, и есть Шара-Гюргю, мой враг, — подумал богатырь. — О, только бы мне его победить! А там ничего не страшно». И он поклялся громко, так что слышала вся степь:

— Если я не убью Шара-Гюргю, то пусть я попаду в страшный ад! Я не боюсь ада! Лишь бы победить, лишь бы спасти мой народ!

И он приказал коню с быстротой молнии лететь к противнику. Конь полетел. Одни скак — и река позади, еще скак — и гора позади. На седьмые сутки к вечеру доставил его конь к великану Шара-Гюргю.

Ударил Чилдин-Баатр великана плетью семьдесят раз. Ударил великан Чилдин-Баатра плетью семьдесят раз. А потом каждый спросил друг друга: «Кто ты такой?»

— Я Чилдин-Баатр с вороным конем, подобным молнии.

— А я тот, кого на родине моей зовут «Светило нашей страны». Я владею всеми ханствами, которые лежат в сто-

роне захода солнца. Я Шара-Гюргю с желто-пестрым короткохвостым конем. — Подумал Шара-Гюргю и добавил: — Я иду завоевать все твои владения и угнать весь твой скот всех четырех родов. А самого тебя хочу живьем забрать в плен. — И он ударил Чилдин-Баатра мечом по плечу.

Тогда Чилдин-Баатр сказал:

— Я такой же сильный, как и ты. И если я тебя не убью, если ты не будешь валиться в ногах моего коня, то пусть меня растопчет мой резвый вороной конь и пусть я попадаю в страшный ад! — И он ударил великана мечом по плечу восемнадцать раз.

— Ну что ж, давай бороться, — сказал великан.

Они разъехались по степи на сутки пути, а потом поскакали друг на друга, полетели, как стрелы из лука. Сшиблись так, что гром этот слышала вся земля. Сшиблись так, что пыль поднялась до самых небес. Бились мечами, но никто не мог победить. Бились копьями, но никто не мог врага одолеть. Тянули друг друга с коня, так что стали крошиться копыта коней.

Тогда они, чтоб не мучить коней, слезли и начали бороться на земле. Свяжи бешметы, обнажили могучие тела. Шаровары из бычьей шкуры подвернули выше колен. Шаровары из козлиной шкуры подвернули до колен. Схватились. Каждый старался другого оторвать от земли. Наконец, на седьмые сутки поднял Чилдин-Баатр великана в воздух и ударил об землю. И придавил его коленом к земле. Все свои хитрости применил великан, а вырваться не смог. На восьмые сутки стал он терять сознание. А на девятые сутки Чилдин-Баатр разрубил его тело на куски.

Едет богатырь домой. Ведет за собой желто-пестрого короткохвостого коня великана Шара-Гюргю. Видит: на дороге валяется связка хурсуна. «Если этот хурсун не послужит мне едой, то по крайней мере утолит жажду» *, — подумал Чилдин и взял его. Едет дальше. Видит: насется конь. Старый конь, тощий. «Если он не послужит мне едой, то по крайней мере на нем можно пасти скот», — подумал Чилдин и взял его.

В дороге связка хурсуна порвалась, и он рассыпался. А тощий конь начал спотыкаться, отставать. «Видно, ни вый-

денный хурсун, ни найденный конь не могут мне служить», — подумал Чилдин-Баатр. И бросил их.

Вдруг он услышал крик и ругань. Оглянувшись и видит: дерутся два шулмуса, один в шубе, другой голый.

— Это он мне оставил, — кричит голый шулма.

— Нет, мне оставил, — кричит шулма в шубе.

Догнали они богатыря, и шулма в шубе спрашивает:

— Ты кому из нас оставил того коня и тот хурсун? Мне, в шубе, или ему, голому?

— Я оставил все это тебе, шулма в шубе. Зачем голому шулме конь? — ответил Чилдин.

Тогда шулма в шубе подскочил к богатырю и сказал:

— Берегись голого шулму. Он очень силен. Он послан, чтобы тебя убить!..

И тут вспомнил Чилдин, что он согласился попасть в страшный ад, если победит великана Шара-Гюргю. И вот он победил. Теперь голый шулма должен его убить. А потом прибегут эрлики и отведут его в страшный ад...

— А как же от него спастись?

Шулма в шубе ответил:

— Когда приедешь домой, жена даст тебе чистое белье. Не надевай его: в нем будет сидеть голый шулма. Ты брось его в огонь.

Дома Чилдин так и сделал. Тут снова прибежал к нему шулма в шубе и говорит:

— Голый шулма задумал попасть в твою пещу. Он вместе с ней проберется к тебе в живот и погубит тебя.

— А что мне теперь делать?

— Сегодня вечером свой тавак с мясом поставь собакам.

Чилдин так и сделал. Опять прибежал шулма в шубе и говорит:

— Голый шулма мне сегодня сказал: «Чилдин-Баатр — человек недоступный. Один раз он меня бросил в костер, и я обгорел, в другой раз он меня бросил собакам, и они меня искусили. Теперь я попробую убить его острой молнией».

— Что же мне теперь делать?

— Теперь я тебе помочь не могу. Делай что хочешь.

И шулма в шубе убежал.

Сел тогда Чилдин-Баатр на своего резвого вороного коня

и поскакал в степь. «Мужчины умирают в степи», — подумал он. Навстречу ему пошел белобородый старик. Он спросил богатыря:

— Что ты такой мрачный? Куда ты и откуда?

— Я Чилдин-Баатр, меня враг хочет убить острой молнией. И вот решил я перед смертью по вольной степи на коне прогуляться!

— Зря ты о смерти думаешь, богатырь. Ведь можно спастись от любой беды.

— Так посоветуй мне, старик, как спастись?

— Иди на север. Увидишь две горы, одна возле другой. Подымись на гору, которая севернее. Увидишь над собой белые облака. Эти белые облака стуются в серые тучи. Тучи будут уменьшаться и чернеть. Когда клубок туч окажется над твоей головой, крикни: «Пусть поможет мне белобородый старик!» И сразу же перепрыгивай на соседнюю южную гору. В этот миг в северную гору ударит молния. Молния уйдет в землю, и ты спасешься.

— Спасибо вам, старик, — сказал Чилдин и поскакал на север. Он сделал все, как сказал ему этот белобородый старец. После удара молнии на вершине северной горы оказался белый верблюжонок. Чилдин-Баатр решил, что это — голый шулма в образе верблюжонка, и перескочил на своем вороном коне назад, на северную гору. Он схватил верблюжонка за голову и начал бить его своей тяжелой плетью. Верблюжонок закричал:

— Отпусти меня, батыр, не убивай! Клянусь, я сделаю тебя вечно живым и дам тебе, что ты только захочешь!

— А кто же ты?

— Я хан драконов, я на молнии спрыгнул с неба на землю, а ты вдруг начал меня бить! Отпусти, прошу тебя!

— Я тебя отпускаю, — сказал Чилдин, — но дай мне свой золотой аркан.

Верблюжонок дал аркан. Этим арканом богатырь вытащил из страшного ада всех, кто туда попал. Все забыли о горе, все зажили радостно и счастливо.

А Чилдин-Баатр стал бессмертным. Ему всегда было двадцать пять лет.

ыл когда-то очень давно богат Менген Эр-гегчи. Было ему восемь тысяч лет. Старухе его было семь тысяч лет. Старик был несказанно богат. Копя его паслись на всем пространстве под солнцем и на всем пространстве под луной. Говорят, что их было восемьдесят миллионов. Да еще был любимый табуи золотисто-буланных копей в два миллиона голов.

А коров было столько, что уже десять лет прошло, как им потеряли счет. Коровы были пестрые, хвосты у них были кучье, а рога прямые, как у сайгаков. Когда коров пригоняли к дворцу, то занимали они всю степь, сколько видел глаз, а когда они шли на водоем, то иссушали целый океан.

А овцы были буро-красные и бело-серые. Курдюки у них были в обхват. Уши у них стояли, и на них были меты-выщипы. Когда овцы уходили на пастбище, передний край был уже за дальними холмами, а задние только с места трогались.

А верблюдов было столько, что и сосчитать нельзя. Шли они все гордо, шли красивой, величавой походкой, будто и не шли, а плыли, и каждая верблюдица шла за собой верблюжонка с мягкой шелковистой шерстью.

И вот однажды старик Менген-Эргегчи решил обойти свои владения, осмотреть свой скот.

Приехал он к табунам и увидел, что жеребцы играют с жеребятами. Приехал к коровам и увидел, что быки играют с телятами. Приехал к овцам — кочкары играют с ягнятами. Приехал к верблюдам — бура играет с верблюжатами. Всюду радость и веселье. Полюбовался старик и вернулся к старухе. Вернулся и говорит:

— Был я у табунов. Там жеребцы играют с жеребятами. Был у коров. Там быки играют с телятами. Был у овец. Там кочкары играют с ягнятами. Был у верблюдов. Там бура играет с верблюжатами. А у нас с тобой ребенка не было и до сих пор нет, а мы живем с тобой уже скоро семь тысяч лет.

И он начал плакать и горевать. Он падал назад и вперед. Падал назад — сдирал кожу с затылка, падал вперед — сдирал кожу со лба.

Старуха говорит:

— Перестань, старик, плакать. Надо хорошенько попросить у бурхана, и он пошлет нам ребенка. Иди к ламе, поговори с ним.

— Да, ты права, старуха, нечего плакать, надо ехать к ламе.

Взял Менген-Эргегчи тулум золота, сел па коня и поскакал на восток. Скакал долго и увидел в степи кибитку. В этой кибитке жил лама. Старик ему сказал:

— О великий лама, много у меня скота всех четырех родов, давно счет я потерял своим богатствам. Но нет у меня детей. Сделай так, чтобы у меня появился ребенок. Отслужи такую молитву. Я дам тебе тулум золота.

— Нет, старик, я этого сделать не могу, я не старший лама.

Богач поехал дальше. Повстречал другого ламу. Но и тот сказал:

— Нет, я не самый старший. Есть лама еще старше меня.

Наконец, Менген-Эргегчи приехал к самому старшему ламе, к великому ламе. Он повторил ему свою просьбу. Лама ответил:

— Возвращайся, старик, домой. Я помолюсь за тебя. А когда будешь сеть, самый лучший кусок преподнеси бурхану. И твое желание исполнится.

Богач отдал великому ламе тулум золота и ускакал. Дома обо всем рассказал старухе. И поехал в степь встречать скот. А когда возвратился, его в кибитку не впустили. Ему сказали:

— Человеку, который только что слез с потного коня, сюда входить нельзя.

Богач понял, что его старуха родила сына. На радостях он устроил великий пир. На пир он позвал весь улус.

А сын за ночь выросстал на локоть, за день выросстал на локоть и скоро потребовал, чтобы ему дали желтый лук и белую стрелу. С ними он стал ходить к озеру и охотиться на птиц и зверей. Каждый день он убивал много дичи. Но

однажды около озера не появилось ни одного зверя, не пролетело ни одной птицы. Бюрюн-Тегес подумал: «Это дурное предзнаменование. Это говорит о том, что или отец скоро умрет, или вода в озере скоро высохнет». И вдруг над озером появились три лебедя. Они спросили:

— Что ты хочешь: убить нас или получить от нас совет?

— Я не хочу вас убивать. Дайте лучше совет!

И лебеди сказали:

— У могучего хана, который живет далеко на юге, есть красавица дочь. Хан выдаст ее замуж за богатыря, который победит в состязаниях.

Мальчик побежал к отцу.

— Отец, есть ли у тебя подходящее для меня оружие-вооружение?

— Есть, — ответил старик и отдал ему свой любимый меч.

— Отец, а есть ли у тебя подходящая для меня одежда?

— Есть, — ответил старик и приказал, чтобы прислали для сына шаровары и бешметы.

— Отец, а есть ли у тебя подходящий для меня конь?

— Нет, — ответил Мешген-Эргегчи. — Но у меня есть пегая кобыла, которая жеребится один раз в десять лет. Ее жеребенок может стать подходящим коном для тебя. Иди скорее в табун. Эта кобыла скоро должна жеребиться.

Мальчик побежал в табун. Увидел пегую кобылу. Пегий жеребенок уже встал на ноги и сосал ее. Мальчик накинул на жеребенка аркан. Уперся ногами в камень. Но не удержал жеребенка. Тогда он зарылся в землю по пояс и опять не удержал. И вдруг жеребенок спросил:

— Мальчик, должен ли ты меня забрать? Ты ли мой хозяин?

— Да, я твой хозяин. А если бы я им не был, я не стал бы тебя ловить.

— Так почему же ты сразу этого не сказал? Ведь пока я вырывался от тебя, я потерял резвость на три года. А пока ты удерживал меня, ты потерял силу на три года. Давай еще неделю пососем материнского молока, а потом навсегда будем вместе.

Через неделю мальчик опять пошел в табун. Его пегий конь сразу к нему прибежал. Мальчик положил на него бе-

лосняжный потник, крепкое черное седло, падел узду с серебряными украшениями. Конь стоит, челкой своей с солнцем и с луной играет, а четырьмя копытами своими с черной землей играет.

Мальчик попрощался с родителями и поехал в далекий путь, поехал искать красавицу, поехал на дальний юг.

Ехал долго. Забыл, когда выехал. И вот вдруг увидел огромного человека, который стоял между двумя горами и переставлял эти горы с места на место.

— Что ты за несчастный, за что ты так мучаешься? — спросил мальчик.

— О нет, я не несчастный, я самый счастливый человек. Я упражняюсь. Я готовлюсь в дружину богатыря Бюрюн-Тегеса. Я буду его силачом.

— О, если так, пойдем со мной, меня зовут Бюрюн-Тегес. Беру тебя в свою дружину.

И они пошли вдвоем. Видят: какой-то человек то и дело прикладывает к земле то одно ухо, то другое.

— Что ты за несчастный, за что ты так мучаешься? — спросил его богатырь.

— О нет, я не несчастный, я счастливый! Я упражняюсь. Я готовлюсь в дружину славного Бюрюн-Тегеса. Я буду его слухачом.

— А если так, пойдем со мной. Ты нужный человек.

Они пошли втроем. Видят: огромный черный человек копает землю. Где копает — оттуда бьет вода.

— Что ты за несчастный? За что мучаешься?

— Я не несчастный. Я жду богатыря Бюрюн-Тегеса, владельца всего земного. Я буду в его дружине водооткрывателем.

Они пошли вчетвером и подошли к морю. У моря они увидели громадного человека, который то забирал все море в рот, то выпускал его.

— О нет, я не несчастный, — ответил он Бюрюн-Тегесу, — я собираюсь стать помощником Бюрюн-Тегеса. Я буду его мореглотателем.

Впятером пошли дальше. Видят: рыбаки сетью ловят рыбу. Вдруг к ним подошел какой-то человек и украл посуду, которая была на берегу.

— О, что ты за несчастный, почему тебе приходится воровать?

— Нет, я не несчастный, я хочу стать знаменитым вором и служить у Бюрюп-Тегеса.

— Если так, ты подходящий человек. Пойдем со мной.

Вшестером добрались они до ханского улуса. А там народу тьма. Идут состязания.

Бюрюп-Тегес оставил своих друзей недалеко от дворца, а сам поехал к хану. Он стрепожил коня и вошел во дворец. Там пировали богатыри. Пятерых Бюрюп-Тегес щелкнул, семерых перепагнул и сел в самом центре рядом с ханом.

— Это что за дерзость? Убрать его! — воскликнул хан.

Бюрюп-Тегес спокойно ответил:

— Хан, я приехал участвовать в ваших состязаниях.

— Ты один приехал, или у тебя есть помощники?

— У меня есть пять помощников. Но я хочу сначала узнать условия состязаний. Поэтому я оставил их в степи.

— Веди их всех сюда! Приведешь — расскажу условия.

Бюрюп-Тегес поехал к своим друзьям. Когда он ушел, хан сказал своим богатырям:

— Этот парень — настоящий шулма. Его надо уничтожить вместе со всеми его помощниками. Я думаю, и они шулмусы.

Эти слова услышал слухач Бюрюп-Тегеса. Он сказал своему хозяину:

— Я слышал разговор хана, после того как вы ушли. Хан — обманщик. Он хочет нас всех заманить к себе и убить.

— Когда мы вместе, хану с нами не справиться, — ответил Бюрюп-Тегес. — Идемте смело к нему.

Хан приветливо принял гостей. Всем им палили араки. А потом хан и его богатыри незаметно вышли из дворца, закрыли двери и подожгли дворец со всех сторон. Друзья испугались. Но Бюрюп-Тегес сказал:

— А ну-ка, мой верный водооткрыватель, займись своим делом!

Водооткрыватель кокнул землю, и оттуда широким потоком хлынула вода. Пожар сразу утих. Огонь потух, а вода все хлещет и хлещет. Началось наводнение. Ханство начало топить.

— Спасите, спасите! — кричат все люди.

— Спасите, спасите! — кричит хан. — Спаси нас, добрый батыр Бюрюн-Тегес. Считаю, что ты выиграл первое состязание, только останови воду.

Тогда Бюрюн-Тегес сказал:

— А ну-ка, мой верный мореглотатель, займись своим делом!

Мореглотатель забрал в себя всю воду и выпустил ее под землю, туда, откуда она вышла. Все повеселели. А хан думает: «В обычных состязаниях он со своими помощниками победит любого. Надо послать его на невыполнимое задание. На юге есть сад. Его день и ночь охраняют пятьсот шулмусов. Надо потребовать, чтобы он украл яблоко из этого сада и привез сюда. Украсть яблоко из этого сада невозможно, это знают все».

И хан объявил:

— Состязание выиграет тот, кто скорее всех доскачет до сада, который находится далеко на юге, сорвет в том саду красное яблоко и привезет его мне.

— А ну-ка, мой верный знаменитый вор, займись своим делом! — крикнул Бюрюн-Тегес и отдал ему своего пегого коня.

Тот вскочил на коня и помчался на юг. Вслед за ним по скакало еще пять всадников. Скоро они все обогнали пегого коня. Вор говорит:

— Вот это новость! А говорили, что это самый лучший конь.

— Не беспокойся, — ответил ему конь, мы их еще обгоним. Времени впереди еще много. Путь долг. Дай лучше мне передышку. Дай мне спокойно попастись да холодной воды попить.

Вор остановил коня. Конь отдохнул, поел вкусной зеленой травы, попил холодной воды, поправился и сказал:

— Садись, теперь поедем быстро.

И они так поскакали, что скоро догнали и перегнали тех всадников. Первыми добрались до сада. А сад полон шулмусов. Но знаменитый вор и при них сумел украсть яблоко с дерева. Сорвал он его, вскочил на коня и к дворцу. Вдруг перед конем появилась костлявая старая шулма. Но конь ее

перепрыгнул и скачет дальше. Потом перед конем появился одиоглазый старик. Но и он не задержал коня. И тогда на встречу коню выскочила женщина с палой в руках. Она сказала:

— Путник, ты давно не ел. Остановись, попей вкусного крепкого чаю!

Знаменитый вор остановился и стал пить. А к чаю была подмешана дурман-трава. Свалился вор с коня и заснул. Тогда красивая женщина выхватила из его рук яблоко, приняла облик старой ведьмы-шулмы и побежала. Пегий конь закричал:

— Вставай, друг, вставай, ведь шулма твое яблоко унесла!

Вор проснулся. Конь говорит:

— Возьми с собой три больших камня и садись на меня. Мы ее сейчас догоним!

Вор взял три камня, и они поскакали. Быстро догнали ведьму-шулму. Вор бросил в нее камень и сломал ей одну ногу. Старуха закричала:

— Мне без ноги легче стало, на одной ноге я быстрее бегу!

И поскакала на одной ноге еще быстрее. Конь прибавил ходу, догнал ее, и вор бросил в ведьму второй камень. Отбил у ней руку.

— Мне еще легче стало! — крикнула старуха и поскакала еще быстрее.

Третьим камнем вор попал в затылок ведьме. Из рта у нее выскочило яблоко, а сама она упала. Вор подхватил яблоко и помчался на север, к дворцу. Ведьма успела вскочить и вцепиться в хвост коня, но конь рванулся и улетел. В пальцах ведьмы осталось только несколько волосин из хвоста.

Бюрюн-Тегес почувствовал приближение своего пегого коня и крикнул:

— Приготовьте десять стальных крючьев, чтобы схватить ими коня за узду и удержать его. Всадник с ним не справится. Конь мой так разогнался, что может пролететь мимо и улететь на девять суток пути. Силачи приготовили десять крючьев. Подлетел конь. Силачи схватили его за узду стальными крючьями, но они разогнулись. Тогда его руками схва-

тил сам Бюрюн-Тегес, и конь остановился. Взял богатырь у своего помощника-вора яблоко и пошел к хапу.

— Получите, хан, яблоко. Я победил в этом состязании.

— Да, ты победил. Но будет еще два состязания. Сначала борьба. Вываляй своего борца.

Вышел ханский борец. Он был толст и грузен. Ходил, посмеивался.

Пришел помощник Бюрюн-Тегеса, его городдвигатель. Ханский борец посмотрел на него и сказал:

— Что это за противник? Да я его просто раздавлю!

Тогда городдвигатель схватил этого борца одной рукой и мигом положил на лопатки. А потом разорвал его пополам и бросил половину на север, половину на юг.

— Ну что, хап, победил я в этом состязании? — спросил Бюрюн-Тегес.

— Да, ты победил, — мрачно сказал хан.

— Что еще?

— Теперь стрельба.

Стрелял сам Бюрюн-Тегес. А выстрелил он так, что пуля пробилла все мишени и вернулась обратно к хозяину. Схватил ее богатырь и положил в руки хана, пока она не остыла.

— Ой, горячо! — закричал хап. — Твоя победа!

И хан выдал свою прекрасную дочь за Бюрюн-Тегеса. Для нее он выделил четвертую часть своего скота. Богатырь с невестой, со своими помощниками и со скотом поехали домой. Сколько они ни ехали, а добрались до дома. Родители богатыря, восьмидесятилетний отец и семидесятилетняя мать, их радостно встретили и устроили великий пир. Весь улус гулял на нем. И длился пир семью семь — сорок девять дней.

ил-был Арамбар-хан. Была у него семидесятилетняя мать. И однажды мать родила девочку. Хан решил, что это дурное предзнаменование. Он зашил девочку в бычью шкуру и бросил ее в реку.

Девочка долго плыла по реке, пока ее не выловил старик-сторож. Он охранял посевы Арамбар-хана. Старик удивился, принес девочку к себе в кибитку и стал ее воспитывать.

Прошло пятнадцать лет.

Арамбар-хан все эти годы не бывал на своих полях. И однажды он решил съездить, посмотреть. В кибитке сторожа он увидел прекрасную девушку, которая своей красотой освещала все, что было вокруг. В сиянии глаз ее можно было табун охранять, в сиянии лица ее можно было узор вышивать. И хан Арамбар сказал:

— Отдай мне, старик, эту девушку.

— Что ж, бери, — с грустью ответил старик.

Хан привез девушку к себе домой и сделал своей женой.

По соседству с Арамбар-ханом жил хан шулмусов Шара-Гюргю. Он прослышал, что у хана Арамбара появилась жена, которая своей красотой освещает все вокруг. И он решил во что бы то ни стало ее отнять.

— Подскажи мне, всезнающая шулма, как отнять-увести у Арамбар-хана его жену-красавицу?

Шулма-гадальщица ответила так:

— Отправь к Арамбар-хану свою сестру. Пусть для вида она в подарок ему отнесет свой золотой браслет. Хан сразу узнает, что это пришла шулма, выхватит меч и побежит за ней. Пусть она от него убегает, но убегает не быстро, чтобы хану казалось, что он может ее догнать. Пусть она хана уведет как можно дальше от дворца. А жену его в это время двадцать шулмусов схватят и к вам приведут.

И вот пришла к Арамбар-хану сестра хана Шара-Гюргю. Хан Арамбар сразу ее узнал, выхватил меч и побежал за

ней. Но не догнал хан Арамбар шулму и вернулся домой. А дома не было милой прекрасной жены — злые шулмусы ее уже увели.

Арамбар-хан пошел по следам шулмусов вдогонку за милой женой. По дороге он встретил двух братьев-обезьян. Обезьяны спорили и кричали:

— Теперь я буду старшим!

— Нет, я буду старшим!

— Нет, я!

Увидев хана, обезьяны подбежали к нему и спросили, чтобы он разрешил их спор. Хан спросил:

— А кто из вас раньше был старшим?

— Я, — ответила одна обезьяна.

— Ну так ты и остаешься старшим.

Младший брат-обезьяна согласился быть младшим, и они пошли по дороге втроем. Хан рассказал обезьянам, что его жену увели враги, злые шулмусы, слуги Шара-Гюргю.

— Младший брат-обезьяна, ты быстро бегаешь, сбегай во дворец хана шулмусов, узнай, там ли моя жена и как дела во дворце.

Младший брат-обезьяна быстро сбежал к шулмусам, вернулся и говорит:

— Жена ваша живет во дворце, а сам Шара-Гюргю уехал на охоту в далекий лес. Сейчас самое время, чтобы напасть на дворец и вашу жену-красавицу освободить.

— Помогите мне, умные братья, спасти жену, — попросил хан.

Обезьяны согласились.

И вот они втроем подкрались к черному дворцу хана шулмусов. Ночью обезьяны незаметно пробрались во дворец и вывели оттуда ханшу. И хан Арамбар с женой и обезьянами пошли домой. Дома они устроили большой пир.

Хан сделал обезьян своими министрами, и они перестали драться и спорить.

Однажды хан сказал своим министрам:

— Надо нам, наконец, расправиться с соседями-шулмусами и с их зловредным ханом Шара-Гюргю. Что вы скажете, мои мудрые советники, как лучше покончить с ними?

Старший брат-обезьяна сказал:

— Ночью, когда все шулмусы будут спать, надо поджечь их дворец с четырех сторон.

На другое утро так и сделали. Братья-обезьяны ночью забрались во дворец и подожгли его с четырех сторон. Все шулмусы и их желтый хап сгорели.

А хап Арамбар с женой и с обезьянами жили долго и наслаждались спокойствием и довольством.

Старик, старуха и их друг сорока

то было давным-давно. Жил старик со старухой в старой драной кибитке.

Однажды старик вышел из кибитки и видит: гонится за сорокой быстрый кобчик. Вот он уже догнал сороку, впился в нее когтями и начал клевать ее голову. У самых ног старика они упали. Старик схватил плеть и одним ударом убил кобчика. А чуть живую сороку поднял и отнес в кибитку. «Хоть и птица, а живая тварь,— подумал он.— Надо спасти».

Старик долго выхаживал и выкармливал сороку. Наконец, она совсем поправилась и начала летать. Однажды она села на плечо старику и вдруг заговорила человеческим голосом. Она сказала:

— Спасибо вам, отец и мать. Вы меня спасли. Но я не могу оставаться с вами навсегда. Я не из этих мест. Моя страна далеко. Я давно улетила из родного края. Мне надо скорее возвращаться. А вы заслужили награду. Но здесь у меня ничего нет. Возьмите перо из моего хвоста. Когда придет к вам нужда, когда вам будет печего есть, приходите ко мне, перо вас приведет.

Она вырвала из хвоста перо, отдала старику и улетила.

Прошло много лет. Старик и старуха совсем состарились,

работать не могут. Съели последнюю овцу. Ничего у них больше нет.

— Что нам делать? — говорит старуха. — Кто нам теперь поможет?

Полезла она в сундук. А на дне его лежит перо, подаренное сорокой. Взяла старуха перо и говорит:

— Старик, старик, что это за перо? Как оно попало в сундук?

— О, да ведь это перо — подарок нашего друга сороки, — ответил старик. — Ты, старуха, о ней забыла. А сорока нам говорила: «Когда придет к вам пужда, когда вам будет нечего есть, приходите ко мне». Чем умнрать в этой кибитке, лучше найдем к нашему другу сороке. Правда, идти к ней очень долго. Лучше я пойду один, а ты сиди и жди меня.

Старик вышел из кибитки и подбросил перо. Оно полетело на юг, туда, где жила сорока. И старик пошел.

Год шел, все двенадцать месяцев шел, каждый месяц шел, каждый день шел.

И вот встретил в пути человека с красными, как сырое мясо, щеками и с длинными, черными, как крылья ласточки, усами. Этот человек говорит:

— Здравствуйте, старик! Куда идете?

— Иду к своему другу сороке.

— А зачем она вам? Что вы у нее возьмете?

— Что даст, то и возьму.

— Нет, старик, возьмите у нее то, что вам понравится. А лучше всего возьмите некого жеребенка. Он оправляется золотом.

Сказав это, краснощекий человек скрылся. Старик пошел дальше. Скоро показался дворец. Перо влетело во дворец. Здесь жила сорока.

Старик с опаской вошел во дворец. Но его очень ласково встретила сама сорока и повела угощать.

Пировали семь недель, семью семь — сорок девять дней.

Потом сорока сказала:

— Старик, проси любой подарок, все тебе отдам, ты ведь меня спас.

— Дай мне твоего некого жеребенка, который оправляется золотом, — сказал старик.

Сорока, отвернувшись, заплакала, а посмотрев на старика, улыбнулась и сказала:

— Вери, старик, жеребенка. Ты его заслужил.

Старик взял жеребенка и подумал: «Слишком уж он хороший, этот жеребенок. Надо его отвести в подарок хану». Привел он жеребенка к ханскому дворцу. У двора ребята играли в альчики. Старик привязал жеребенка и говорит им:

— Смотрите, ребята, никому не говорите, что мой жеребенок не простой, что он оправляется золотом.

И пошел во дворец.

А ребята сразу бросили игру, подбежали к жеребенку и стали кричать:

— А ну, пегий жеребенок, покажи-ка свое искусство, оправься золотом!

И пегий жеребенок понатужился и высыпал им две горсти золотых монет. У ребят глаза загорелись. Схватили они жеребенка, отвязали и увели. А на его место привязали другого пегого жеребенка.

А в то время старик говорил хану:

— О великий и мудрый хан! Я привел в подарок вашей милости небываловенного пегого жеребенка. Он оправляется золотом.

— Что ты врешь, глупый старикашка! Разве может жеребенок оправляться золотом? Убирайся отсюда и не нарушай наш покой! — закричал хан.

— Я правду говорю, — отвечал старик. — Жеребенок привязан около вашего дворца, пойдемте вместе посмотрим.

— Ну что ж, посмотрим. Но если ты наврал, берегись!

Старик, хан и придворные вышли из дворца. Пегий жеребенок стоит привязанный, помахивает хвостом. «А что если правду говорит старик, — думает хан. — Ведь тогда я стану самым богатым ханом среди всех ханов вселенной! У меня будут мешки, мешки золота!»

— Ну, давай пойдём скорее к твоему жеребенку, пусть он нам даст немножко золота, — нетерпеливо проговорил хан.

Они со стариком подошли к крупу жеребенка и стали смотреть ему под хвост. Вот-вот появится золото. Хан уже подставил руки.

— А ну, жеребенок, покажи, что ты умеешь! — кричит старик.

Но жеребенок стоит себе, хвостом помахивает.

— Жеребенок, жеребенок, что же ты? А ну, давай!

Опять ничего.

— Жеребенок, давай же, выручай!

Жеребенок понатужился и с шумом оправился. Но никакого золота не появилось. Только вымазал хана и старика.

— Ах ты, пегодный старикашка! Издеваться надо мной вздумал?! — заорал хан. — А ну, слуги мои, прогоните его три раза вокруг дворца и все время бейте палками.

Избитый, чуть живой пошел старик опять к своему другу, к сороке.

Год шел, все двенадцать месяцев шел, каждый месяц шел, все тридцать дней месяца шел, каждый день шел. И встретился ему тот самый человек со щеками красными, как сырое мясо, и с усами длинными, как крылья ласточки. И говорит:

— Здравствуйте, старик! Куда идете?

— Иду к моему другу сороке.

— А что вы у нее возьмете?

— Что даст, то и возьму.

— Нет, старик, возьмите у нее то, что вам понравится. А лучше всего возьмите черный сундук. В этом сундуке никогда не истощаются запасы масла, жира и сала.

Сказав это, краснощекий человек скрылся.

Старик пришел к сороке. Для него устроили пир. Пировали семью семь — сорок девять дней. Потом сорока спросила:

— Что хочешь взять у меня, старик?

— Дай мне твой черный сундук.

Сорока, отвернувшись, заплакала, а посмотрев на старика, улыбнулась и сказала:

— Бери, старик, мой черный сундук. Ты его заслужил.

По дороге домой старик опять решил отнести хану подарок сороки. Подошел к дворцу, поставил у входа сундук и говорит ребятам, играющим в альчикп:

— Смотрите, ребята, никому не говорите, что в черном сундуке никогда не истощаются запасы масла, жира и сала.

И пошел во дворец.

Ребята бросили игру, подбежали к сундуку и кричат:

— А ну, черный сундук, выкладывай свои богатства!

Крышка сундука открылась. Он был полон масла, жира и сала. Ребята стали брать оттуда большие куски, но сундук оставался полным.

— Какой хороший сундук, — закричали ребята. — Давайте его унесем!

Они унесли сундук, а на его место поставили другой, такой же черный сундук.

В это время старик говорил хану:

— О великий и мудрый хан! Я принес в подарок вашей милости необыкновенный сундук. В нем никогда не истощаются запасы масла, жира и сала.

— Ага, это опять ты, мерзкий обманщик! — закричал хан. — Убирайся отсюда, пока цел.

— Хан, я правду говорю, это необыкновенный сундук, пойдемте вместе посмотрим.

— Ну пойдем. Но если лаврал, шкуру спуцу!

Вышли на дворца. Подошли к сундуку.

— А ну, черный сундук, выкладывай свои богатства! — крикнул старик.

Сундук не открывается. Трижды крикнул старик. Крышка не шелохнулась. Подошли они с ханом к сундуку и открыли крышку. Сундук был пуст.

— Ах ты, подлый старикашка, опять надо мной смеешься! — заорал хан. — Бейте, бейте его палками, гоните вокруг дворца! Пусть он запомнит, как меня обманывать!

Избитый старик снова пошел к своему другу сороке. Опять ему встретился красшоцкий человек и посоветовал на этот раз взять у сороки колотушку, которая сама прыгает и бьет кого надо.

Старик пришел к сороке. Опять они пировали сорок девять дней.

— Что ты возьмешь у меня, старик? — спросила сорока.

— Дай мне твою колотушку, которая сама прыгает и бьет кого надо.

Сорока, отвернувшись, зашлакала, а посмотрев на старика, улыбнулась и отдала колотушку.

На обратном пути старик опять завернул к хану. Положил колотушку у входа во дворец и сказал ребятам:

— Смотрите, ребята, никому не говорите, что моя колотушка сама прыгает и бьет кого надо!

И вошел во дворец.

А ребята захотели повторить шутку над стариком, подбежали к колотушке и закричали:

— А ну, прыгающая колотушка, покажи свое искусство, бей кого надо!

И колотушка начала их всех бить по головам.

В это время старик говорил хану:

— О великий и мудрый хан! Я принес вашей милости в подарок прыгающую колотушку. Она бьет кого надо.

— Опять пришел меня дурачить, старый пес! Видно, еще налок захотел? Получишь! Пойдем посмотрим твою колотушку.

Вышли они из дворца и видят: бьет колотушка ребят по головам и по спинам. Они убегают, кричат, а колотушка догоняет и бьет.

— Старик, старик, остановите колотушку, — закричали ребята. — Мы отдадим вам вашего негого жеребенка и ваш черный сундук. Мы их украли.

Старик остановил колотушку. Ребята привели ему негого жеребенка и принесли сундук.

Хан подбежал к жеребенку и приказал оправиться. Жеребенок попятился, и посыпалось золото.

— Мой, мой жеребенок! — закричал хан. — Никому его не отдам!

И потащил его во дворец.

Тогда старик сказал:

— Прыгающая колотушка, бей кого надо!

Колотушка подлетела к хану и начала его бить. Хан выпустил жеребенка и побежал вокруг дворца. Колотушка прогнала хана вокруг дворца три раза.

— Останови, пожалуйста, колотушку, старик! — взмолился хан.

Старик остановил. А потом взял жеребенка, сундук и колотушку и пошел домой. Пришел к своей старухе, и они стали жить в довольстве и изобилии.

Бадма, его невеста и черно-лысый волк

ил когда-то хан Байни-Бата. У него не было детей. Однажды он обратился к ламе и попросил почитать ему священную книгу судеб. И лама прочитал ему о том, что скоро у него родится сын Бадма. Но дальше в книге говорилось: «Если сына не будут хорошо охранять, из лесу прибежит огромный черно-лысый волк и унесет Бадму».

Через некоторое время ханша родила сына. Для охраны поворожденного поставили огромного, сильного, как медведь, мужчину. Он от мальчика не отходил ни на шаг.

А мальчик днем рос, ночью рос, каждый день рос, каждую ночь рос. И очень скоро пришла пора его женить.

Тогда хан Байни-Бата поехал к соседнему хану, которого звали Седкел-Цаган, и сказал ему так:

— Снег растаял. Побежали ручьи. Птицы вылет гнезда. Человеку пора искать новое место для кочевий. И я приехал к вам, сосед, чтобы ваша дочь и мой сын соединились для новой жизни.

Хан Седкел-Цаган не возражал. Он сказал:

— Я согласен. Пусть моя дочь Иджими будет женой вашего сына. Приезжайте за невестой одиннадцатого числа месяца овцы.

К условленному сроку Байни-Бата и сын его Бадма поехали за невестой. Они везли с собой большой хурюм.

Приехали к хану, отцу невесты, одиннадцатого числа месяца овцы и начали пировать. Пировали семь недель, семью семь — сорок девять дней. И Байни-Бата сказал:

— Дождь, который шел, перестает, а гость, который приехал, уезжает.

Хан Седкел-Цаган выделил для своей милой дочери четвертую часть скота всех четырех родов. А для ухода за скотом выделил один миллион кибиток. Провожая дочь и гостей, сказал:

— Пусть всю дорогу вас охраняет бурхан. Где будет черта — идите. Где будет круг — почуйте.

Недалеко от дома хана Байини-Бату встретили его люди. Все остановились и в дороге начали пировать. Пировали долго и совсем забыли, что надо охранять Бадму. Однажды ночью, когда все были пьяны и спали, из лесу прибежал огромный черно-лысый волк, схватил Бадму и утащил. Утром люди проснулись, видят: нет Бадмы. Заплакала его молодая жена, стал молиться его старый отец.

Остаток пути прошли тихо, в глубокой печали.

Хан приказал:

— На том месте, где волк схватил моего сына, поставьте хорошую кибитку, чтобы путники могли в ней отдыхать. В кибитке всегда должны быть мясо и кумыс, чтобы путники могли поесть.

«А может, и мой сын придет из лесу и поест», — подумал хан.

Кибитку скоро поставили.

Прошло три года.

Однажды несколько путников, ехавших к хану Байини-Бата, остановились в этой кибитке на ночлег. Один из них, Любопытный, подумал: «Что это за кибитка? Кто ее хозяин? Почему она стоит одна в степи? Почему здесь сейчас никого нет, а по всему видно, что здесь бываюют люди?» Но никто из его спутников не мог ему ничего ответить. Все легли спать. А Любопытный не спал и думал. Вдруг в полночь открылась дверь и вошел огромный человек. Он быстро поел и ушел.

Утром путники двинулись дальше. Любопытный за всю дорогу не проронил ни слова, все думал и думал.

Когда они приехали к хану, Байини-Бата начал их спрашивать, что они видели в дороге. И Любопытный рассказал все, что видел в кибитке.

— Я только сейчас пришел в себя от страха, — закончил он.

— Да ведь это был наш сын Бадма! — вскричала ханша.

В тот же день она поехала в ту кибитку. Положила еду и стала ждать сына. Стемнело. Ей стало страшно одной. Она вышла из кибитки, села на кося и поскакала назад.

Хапу она сказала:

— Я в кибитке никого не видела.

На другой день Байин-Бата поехал сам. Положил мясо и начал ждать прихода почты. Когда стемнело, он незаметно уснул. Проснулся — уже светло, солнце встало. Посмотрел — мясо съедено. Он понял, что проспал. Дома он сказал:

— И я в кибитке никого не видел.

Тогда Иджимя, молодая жена Бадмы, сказала:

— Теперь я поеду.

Она вошла в кибитку, осмотрелась, разложила еду и стала ждать. В полночь открылась дверь и вошел огромный человек. Он начал быстро есть мясо. Поел и пошел к двери. Иджимя схватила его за полу бешмета и сказала:

— Постоите, я хочу с вами поговорить!

Но человек ответил:

— Я не могу. Мое время кончается.— И ушел.

Иджимя со слезами вернулась домой и обо всем рассказала родителям, хапу и ханше.

— Мы поедем с ханшей вдвоем,— сказал Байин-Бата.

Приехали вдвоем. Поставили еду, сидят и ждут. В полночь открылась дверь и вошел огромный человек. Только он начал есть, мать к нему подошла и сказала:

— Здравствуй, родной Бадма!

Она его обняла и заплакала.

— Бадма, почему ты не возвращаешься домой?

— Я живу у черно-лысого волка,— ответил Бадма.—

Просто так он меня не отпустит. Чтобы взять меня домой, вам надо выдержать три испытания. Надо пойти в лес по той тропе, по которой хожу я. В глубине леса вы увидите по обеим сторонам тропы по девятьсот деревьев, которые горят желтым пламенем. Когда пройдете между ними, увидите девять котлов, в которых кипит молоко девятиста коров. Надо искупаться во всех котлах. После этого вас встретит черно-лысый волк. Он задаст три задачи. Если решите все три, волк меня отпустит. До свиданья, отец и мать. Мое время кончилось. Пора бежать в лес к волку.— И он выбежал из кибитки.

Дома хап и ханша рассказали все это невестке. И они решили: «Все вместе пойдем в лес и выручим Бадму».

Втроем они пошли в лес. Увидели в глубине леса пылающие деревья. Один за другим девять рядов пламени. В ряду по сто деревьев с каждой стороны тропинки.

— Я пойду первым,— сказал хан.

Он прошел три ряда пламени и стал задыхаться. «Нет, я больше не могу»,— подумал он. И повернул назад.

Ханша сказала:

— Я видела горе страшнее, чем пламя. Там, у волка, живет мой единственный сын. Я все пройду и доберусь до него.

Она прошла все девять рядов пламени и подошла к котлам. Но, увидев, как бурлит-кипит молоко в котлах, не решилась прыгнуть в котел и пошла назад.

Иджимя сказала:

— Я вышла замуж за Бадму. Что мне делать одной без него? Или я выручу Бадму, или умру в дороге!

И смело пошла вперед. Она прошла девять рядов пламени, искупалась в кипящем молоке, во всех девяти котлах. И навстречу ей выскочил черно-лысый волк.

— Что ты за человек? Зачем ты пришла в мой лес? — спросил он.

— Моего мужа Бадму унес в этот лес черно-лысый волк. Я пришла, чтобы мужа моего спасти,— ответила Иджимя.

— Ты прошла девять рядов пламени и девять котлов кипящего молока,— сказал волк.— Теперь ты должна решить три задачи. Первая: вот две одинаковые гнедые кобылы. Одна из них мать, другая дочь. Определи, где мать, где дочь. Вторая задача: вот две змеи — самка и самец. Отличи самку от самца. И третья: вот три сырых голубя. Найди среди них своего друга.

Иджимя подошла к кобылам. Они ели овес. Иджимя заметила, что одна кобыла тихонько подталкивала овес другой. Она поняла, что это была мать. «Сердце матери — в детях, сердца детей — в пустыне»,— вспомнила она калмыцкую пословицу.

— Вот эта мать,— сказала Иджимя, показав на кобылу, которая мордой подталкивала овес другой кобыле.

— Правильно,— сказал волк и подвел ее к двум змеям.

Иджимя долго смотрела на них и подумала: «Есть поговорка — „Женский под ленивый, а мужской ревнивый“». Пой-

ду к ним поближе, посмотрю, что они будут делать». Подошла поближе. Одна змея не пошевелилась, а другая подняла голову и стала шипеть.

— Вот это самец,— сказала Иджимя, показав на шипящую змею.

— Правильно,— согласился волк и подвел ее к трем одинаковым голубям.

Она посмотрела на голубей и заметила, что у одного из них на глазах слезы. «Друг о друге горюет и слезы проливает»,— подумала она.

— Вот этот голубь — мой друг,— сказала Иджимя, показав на плачущего голубя.

В этот момент голубь превратился в высокого, стройного краснощекого красавца с усами, как крылья ласточки.

Волк спросил девушку:

— Как ты сумела все это разгадать?

Иджимя рассказала. Повторила пословицы и поговорки.

— Ты права,— сказал волк. — Забирай своего друга, идите домой.

Они вернулись домой и жили долго и счастливо.

Аю-Чиктэ и его мачеха-шулма

авным-давно в ханстве хана Умкэ жили старик со старухой. У них была одна-единственная дочь. Целыми днями дочь пасла телят. Однажды на степь налетели пятьсот шулмусов. Они окружили девушку и начали ее бить. А когда убили, одна шулма воплотилась в девушку и вечером вместе с телятами вернулась к старику и старухе. Ни старик, ни старуха не поняли, что к ним пришла шулма, воплотившаяся в их дочь. И жили, как прежде.

Однажды сам хан Умкэ охотился в тех местах. Выстрелил он по стае уток, и одна утка стала падать. Она упала на

крышу кибитки старика. Хан послал слугу, чтобы тот принес птицу. Ждет его ждет, а он не возвращается. Хан послал второго. И тот как ушел, так и пропал. Тогда хан послал старшего советника, но и старший советник не вышел из кибитки. И тогда хан поскакал к кибитке сам. Старший советник увидел хана, выскочил навстречу ему и сказал:

— О мой мудрый, о несравненный хан! В этой кибитке сидит девушка, и все мы смотрим на нее, но не можем оторваться. В сиянии лица ее можно табун охранять, в сиянии глаз ее можно узор вышивать!..

Хан Умкэ вошел в кибитку и видит: слуги его стоят, как столбы, смотрят на прекрасную девушку. А девушка сидит вышивает. Поздоровался хан и чувствует, что не может он не смотреть на эту девушку. «Умерла моя ханша, пора мне слова жениться. Вот кто мне нужен!» — подумал хан. Он забрал своих слуг и поехал домой.

А на другой день хан Умкэ выделил четвертую часть скота всех четырех родов, насыпал четыре мешка золота и четыре мешка серебра и поехал с этими подарками к старика, поехал сватать его дочь. Приехал и сказал:

— Здравствуйте, отец! Я приехал сватать вашу дочь. Будем близкими родственниками. Я привез вам четвертую часть моего скота, четыре мешка золота и четыре мешка серебра.

Старик со старухой согласились.

Хан привез дочь старика к себе и устроил великий пир-хурюм. Шумла в образе прекрасной девушки стала женой хана.

Было у хана двое детей, которых родила ему его первая ханша. Четырехлетнего сына звали Лю-Чиктэ, а трехлетнюю дочку Авха-Цецен.

Молодая ханша долго смотрела на весело игравших детей, а потом вдруг слегла и сказала, что она очень больна. Умкэ-хан объявил: «Кто вылечит мою жену, тому отдам половину всего скота». Приходили знаменитые лекари-эмчи. Но ни один из них не узнал, чем больна ханша. Тогда хан сказал:

— Все, что можно было сделать, я сделал. И ничем не смог тебе помочь. А тебе все хуже и хуже. Может быть, ты сама знаешь, чем тебя лечить?

— Да, мой дорогой хан, я знаю, чем можно меня вылечить, но я не могу вам этого сказать, по повернется мой язык.

Целую неделю спрашивал хан молодую ханшу, чем ее лечить. Но ханша молчит. Вторую неделю молчит. Третью неделю молчит, а сама тает на глазах.

— Моя милая, не бойся, я для тебя ничего не пожалею, скажи, чем тебя вылечить, я сделаю все, что только пожелаешь,— сказал хан.

— Да, дорогой хан, мне все хуже и хуже. Я скоро умру. Придется мне рассказать вам о лекарстве, которое меня вылечит. Мне нужен шулюн из сердца и почек Лю-Чиктэ и его сестры. Если я съем этот шулюн, я буду здорова.

Дрогнуло сердце у хана. «Она хочет съесть моих детей! Что за страшная болезнь?» И посмотрел на молодую умирающую ханшу. В глазах у нее стояли слезы.

— Да, да, дорогая, я тебе все дам, что ты хочешь. Лишь бы мы с тобой были живы, а такие, как Лю-Чиктэ и Авха-Цецен у нас еще будут!

Хан позвал своего верного слугу и сказал:

— Пойди, убей моих детей, выпь их сердца и почки, свари из них шулюн и отнеси его моей ханше. Только этот шулюн может ее исцелить!

Верный слуга связал детей веревкой и повел их в степь убивать. Но умершая ханша, мать Лю-Чиктэ и Авхи, прилетела в степь вместе с серыми тучами, опустилась низко-низко и проговорила из-за тучи гулким голосом:

— Тот, кто убьет моих детей, умрет страшной смертью после мук и пыток.

Проговорила и улетела вместе с тучами на восток.

Верный слуга думает: «Как мне быть? Я должен выполнить приказ хана, я должен их убить. Но если я их убью, я умру после страшных пыток». И он отвел их в дальний хотон и поселил в кибитке у одной старухи. Старухе сказал:

— Детей не отпускай от себя ни на шаг!

И дал ей горсть денег.

А сам поймал двух собак, убил, вынул их сердца и почки, сварил шулюн и отнес его молодой ханше. Ханша съела сердца и почки, выпила шулюн и начала смеяться.

— Мой хан, мне стало совсем хорошо, я совсем здорова, — сказала она.

Прошел месяц. Аю-Чиктэ и Авха стали скучать. Им захотелось взглянуть на отца. Вечером, когда старуха, у которой они жили, заснула, они побежали в ханский улус. К утру добрались до дворца. Хан в это время вышел на прогулку. Он удивился, обрадовался и стал ласкать детей. Вдруг из дворца выглянула молодая ханша. И видит: стоят здоровые невредимые дети и с ними веселый, радостный хан. Вскрикнула ханша и побежала к своей кровати. Упала на нее и застонала: «О, как я больна, о, как мне плохо!»

Пришел хан.

— Что с тобой, моя милая, что случилось?

— Вы меня обманули, хан, вы сварили мне шулюп не из сердец и почек ваших детей, а из собачьих сердец и почек. И от этого мне стало только хуже!

Хан Умкэ вызвал верного слугу и сказал ему:

— Видишь, как больна моя ханша! Ты однажды не выполнил мой приказ. Ты сварил ей шулюп из собачьих сердец и почек, а детей где-то спрятал. Если снова так сделаешь, будешь казнен! Иди выполняй! Принеси моей ханше шулюп из сердец и почек моих детей!

Верный слуга пришел к детям и говорит:

— Беда пришла, ребятки. Выхода нет. Хотел я вас спасти, спрятал у старухи. Но вы сами сюда пришли, вас видела ханша и снова требует шулюп из ваших сердец и почек. Я должен вас убить.

Тогда Аю-Чиктэ упал в ноги верному слуге и стал просить:

— Убейте меня одного, пощадите мою милую сестренку!

А Авха-Цецен подошла к верному слуге, взяла его за руку и сказала:

— Не убивайте моего братика, убейте только меня.

Тут появилась на небе серая туча. Туча опустилась низко-низко, и мать из-за тучи сказала грозным голосом:

— Кто тронет моих детей, тот живет сегодня последний день.

Туча стала подниматься, и мать добавила:

— Около дворца, с северо-западной стороны, зарыт крас-

ный сундук. В сундуке лежит хурсуи. Три больших куска. Возьмите их, дайте моим детям. Дайте им еще мяса и борцигов. И отправьте их на северо-восток. Там живут мои родители.

Верный слуга размыкал красный сундук, дал детям хурсуи, дал им на дорогу мяса и борцигов и отправил их на северо-восток.

А сам поймал двух собак, убил их и снова сварил шулюн из собачьих сердец и почек. Ханна съела его и опять рассмехалась.

А брат и сестра с припасами, которые дал им первый слуга, идут и идут по степи. Скоро еда кончилась. Аю-Чиктэ говорит:

— Теперь мы умрем с голоду. Кругом степь. Сколько нам еще идти?

Тогда Авха-Цеден сказала:

— Не горюй, братик, я однажды не съела свой кусок хурсуна и спрятала его на спине. Сейчас мы его съедем.

Они поели и пошли дальше. Прошел еще один день. Опять идут голодные. Из последних сил добрались они до того места, где жили родственники их матери. Но никого там не было. Все куда-то откочевали. Дети собрали остатки костей и начали их глотать. А потом Авха-Цеден нашла старый котел и начала варить кости. Выплыл жир. Она собрала его и взяла с собой на дорогу. Они пошли дальше. Пошли по следам верблюдов и коней.

И вот видят вдали кибитку. Это была кибитка их деда. У старика были огромные злые собаки. Они никого к кибитке не подпускали. Каждого, кто близко подходил, рвали на куски. Увидев детей, они побежали им навстречу. Старик закричал слугам:

— Скорей бегите за собаками, остановите их! Они разорвут этих детей! Что это за дети? Откуда они?

Когда слуга подбежал к ним, он с удивлением увидел, что собаки ласкали девочку и мальчика. Слуга поздоровался с ними и подумал: «Они не зря сюда пришли». Подбежал старик и спросил:

— Кто вы? Откуда вы?

— Мы дети Умкэ-хапа, — ответил Аю-Чиктэ. — Наша

мать умерла. Отец женился на молодой халпше. Она все время болеет и требует шулпон из наших сердец и почек. Отец приказал нас убить и сделать для нее этот шулпон. Мы спасаемся от отца и мачехи. И вот пришли к вам.

— Как хорошо, что вы пришли ко мне! Ваша мать — моя дочь. А вы — мои милые внуки. Ты, Аю-Чиктэ, будешь жить со мной, будешь ходить со мной на охоту. А ты, Авха, будешь жить со своей бабушкой воп в той белой кибитке.

Прошло много лет. Аю-Чиктэ вырос, женился. Он стал ловким, отважным охотником, метким стрелком.

Однажды он сказал своей жене:

— Я очень соскучился по своей стране, по своему отцу. Хочу поехать посмотреть, как он живет.

— Ну что ж, поезжай, проведай отца и поскорей возвращайся.

Когда Аю-Чиктэ начал собираться в дорогу, к нему пришла сестра Авха-Цецен.

— Куда ты путь держишь, мой дорогой брат? — спросила она.

— Еду на вашу родину, хочу проведать отца.

— Если так, то в дорогу ты должен попросить у дедушки его буланого коня, его белый меч и его желтый лук.

— Милая Авха-Цецен, попроси у дедушки сама все эти вещи.

Авха пошла к дедушке и принесла его белый меч и его желтый лук.

— Иди в табун, Аю-Чиктэ, лови буланого коня. Дедушка разрешил.

Поймал Аю-Чиктэ знаменитого коня, вооружился и поскакал на юго-запад. Летел семью семь — сорок девять дней, а когда оставил за спиной половину пути, вдруг набросилась на него сверху огромная черная птица. Аю-Чиктэ ударил ее плетью — отскочила плеть. Ударил кинжалом — сломался кинжал. Ударил белым мечом и отрубил птице правую лапу. Упала черная птица на землю, а Аю-Чиктэ поскакал дальше. Скачет и видит: конь начал оступаться и ржать. Оглянулся, а за хвост коня уцепилась старуха-ведьма с медным носом, длинными-длинными белыми зубами и с железными когтями. И заметил стрелок, что на правой ноге у

ведьмы ступня отрублена, кровь капает. «Понятно, что за птица на меня сегодня нападала,— подумал Аю Чиктэ.— Эта самая ведьма-шулма и превращалась в черную птицу». Размахнулся он своим белым мечом и ударил ведьму по шее.

— Это бьет тебя меч моего деда! — крикнул он.

Но очень крепкой была шея у ведьмы-шулмы. Голова не слетела. Только осталась на шее глубокая рана. Разжала шулма свои пальцы, выпустила хвост коня и упала на землю. А храбрый стрелок Аю-Чиктэ поскакал дальше. Вот уже и владения отца. Когда он приехал в ханский улус, то не встретил там ни одной живой души. Все было разрушено и разграблено. Повсюду валялись кости людей.

Аю-Чиктэ превратил своего коня в хадак, спрятал его в карман и пошел в ханский дворец. Пришел он в комнату отца и видит: лежат отец на полу еле живой. Грудь его в крови. Все вокруг забрызгано кровью. Через всю комнату тянутся ряды железных крючьев, подвешенных к потолку. А на крючьях висят человеческие сердца и почки. Справа сто сердец и двести почек и слева сто сердец и двести почек. Храбрый был Аю-Чиктэ, но здесь и он неужался. Спрятался у стены за ковер и сидит смотрит.

Вдруг дверь распахнулась и в комнату вбежала, припадая на одну ногу, его злая мачеха. На шее у нее был глубокий шрам. На длинных белых зубах у нее висели сердца и почки пяти человек. Она сняла их с зубов и повесила на крючья в ряд. А потом развела костер, сварила в котле несколько сердец и почек и стала кормить ими своего мужа, бедного хана. Накормила она его, напоила шулюпом, а потом вдруг припала к его груди, вонзила в нее свои острые зубы и начала сосать кровь...

Сердце замерло у Аю-Чиктэ. Хотел он выскочить и разрубить мачеху, но сдержал себя, стал смотреть дальше. А мачеха-шулма насосалась крови и легла спать. Тогда тихо вышел Аю-Чиктэ из укрытия, вынул свой белый меч и разрубил мачеху на куски. Бросил эти куски в котел, а котел поставил на огонь. Вдруг из котла вырвалась черная птица и вылетела через орко наружу. Выбежал Аю-Чиктэ из дворца. Натянул свой желтый лук и выпустил стрелу в птицу.

— Тебя бьет лук моего деда! — крикнул он.

Стрела пронзила ведьму-птицу. Пробила сердце. И упала птица наземь. Аю-Чиктэ разрубил ее, сжег куски на костре, а пепел развеял по ветру.

Потом вернулся к отцу. Помазал его грудь белым, как белые облака, бальзамом, и отец почувствовал себя здоровым. Отвел Аю-Чиктэ отца в хурул, чтобы тот очистился молитвой от нечистой силы, а сам поскакал к жене и сестре.

Всем родственникам он сказал:

— У меня есть свой путук. Я должен уехать на родину. Прощайте.

Взял он жену и сестру, взял скот четырех родов и поехал в свой родной путук. И снова в тех местах появилось ханство. Ханом стал храбрый Аю-Чиктэ.

Бамба и его конь Сарал

Когда-то давно жил хан Бадамджи. Был у него каурый конь, и было у него три сына. Где только этот хан не бывал! Не было воды, которой он не пил. Не было холма, где бы он не ночевал. Не было травы, которой бы не ел его конь. Объездил хан все моря и океаны, все реки и озера, все степи и горы. А на склоне лет решил испытать своих сыновей. Взял он своего каурого коня, отвел его на ту сторону Внешнего океана и отдал на хранение пятистам шулмусам. А когда вернулся домой, сразу же ослеп. И сказал он своим сыновьям:

— Дети мои, я ослеп. И ни один эмчи мне не поможет. Зрение ко мне вернется только тогда, когда вы мне привезете то, чего я никогда не видел.

А сам подумал: «Если и есть на свете что-нибудь, чего я не видел, то найти это можно только на моем кауром Саралконе, которого я оставил за Внешним океаном у пятисот шулмусов. Вот и посмотрю, кто из моих сыновей добр, силен

и мудр, кто сумеет завладеть Сарал-конем и найти на нем то, чего я не видел».

Поехал старший сын. Поехал средний сын. Много лет ездили и ни с чем вернулись.

И тогда младший сын Бамба сказал:

— Отец, разрешите и мне попытать силу-смекалку. Разрешите и мне поехать в дальние страны поискать то, чего вы еще не видели.

— Что ж, поезжай. Ты только и остался у меня. На тебе вся надежда.

Поех Бамба нишу, которую никогда не ел, надел бешмет и сапоги, которые никогда не надевал, взял оружие, которое никогда не брал, попрощался с отцом, с матерью, вскочил на своего быстрого коня и помчался на юг.

Ехал долго. Ехал дни и ночи. Ехал без остановки семью семь — сорок девять дней. И достиг высокого бугра. Взобрался на бугор и стал смотреть вокруг. Видит: вдали стадо коров. Разуздал он коня, пустил его пастись. А сам пошел к стаду. Он встретил древнего старика с большой белой бородой и с большими усами.

— Здравствуйте, старик! Долгих лет вам и доброго здоровья!

— Здравствуй, добрый батыр!

— Чей это скот паш пасете в такой глуши?

— Раньше этот скот принадлежал великому Бадамджи-хану. Но несколько лет назад, говорят, он ослеп. Он больше не мог пастись, и этих коров угнал у него злобный Харальчи-хан. Теперь я работаю на него. Ты находишься в его землях, добрый батыр. А кто ты сам, чей ты сын?

— Я — младший сын хана Бадамджи, — сказал Бамба. — Верно, отец мой несколько лет назад ослеп и сказал, что к нему вернется зрение только после того, как мы ему привезем то, чего он еще никогда не видел. Мои старшие братья объездили весь свет, но ничего необыкновенного не нашли. Теперь еду я.

Старик подумал и сказал:

— Нет страны, где бы не бывал наш хан Бадамджи. Нет воды, которой бы он не пил, нет еды, которой он не ел, нет травы, на которой не пасся его конь. Задавне его выполнить

невозможно. Хан просто испытывает вас. Если ты хочешь, чтобы к отцу возвратилось зрение, ты сначала должен до-стать то, что оставил однажды хан за Внешним океаном у пятисот шулмусов. Для этого возвращайся домой, из молока своей матери сделай арьюн и дважды перегони его, сделай арзу. Половину отдай хану, а половину привезешь мне. Из остатков сделай хурсун, вырежь три куска, а остальное из-мельчи и положи в ууту. Кроме того, на молоке своей матери замеси тесто и пажарь борцигов. Их тоже положи в ууту и скорей возвращайся ко мне.

Бамба вернулся домой, выполнил все, что сказал белобородый старик, и приехал к нему. Старик по-прежнему пас коров недалеко от того бугра.

— Здравствуйте, старик!

— Здравствуй, Бамба!

— Я привез все, что вы приказали.

— А если привез, то давай съюда арзу!

Старик выпил, предложил выпить и Бамбе. Потом старик разговорился и сказал:

— Однажды твой отец, хан Бадамджи, отвел за Внешний океан и оставил там на хранение пятисот шулмусов своего любимого каурого копя. Ты должен завладеть Сарал-конем, а это не так легко. У тебя в ууте есть хурсун и борциги. Хурсун сделан из молока твоей матери. Борциги тоже замешаны на молоке твоей матери. Они тебе помогут. Когда ты пере-правишься на ту сторону океана, тебя встретит старший шулма. Он прыгнет к тебе и захочет тебя проглотить. Ты брось ему кусок хурсуна. Шулма проглотит его и снова пры-гнет к тебе. Дай ему еще один кусок. Он с удовольствием прожует его и спросит: «А еще есть?» Скажи: «Есть!» — и дай третий кусок. А когда он будет есть третий кусок, скажи ему: «Мой отец, хан Бадамджи, оставил у вас на хранение Сарал-копя. Он просил, чтобы его отдали мне». Шулма от-даст тебе копя. Но на обратном пути будь осторожен. Шул-мусы могут его отнять. Доверяй Сарал-копю, он не подведет.

Старик замолчал. Бамба поблагодарил его и направился к Внешнему океану.

Проехал семью семь — сорок девять дней и вот перепра-вился через океан. Навстречу ему выскочил старший шулма.

— Сейчас проглочу тебя, кто бы ты ни был! — крикнул шулма.

Бамба бросил ему хурсун. Шулма проглотил кусок и снова бросился к Бамбе. Бамба кинул ему еще один кусок. Шулма разжевал его, подумал и сказал:

— Вкусно! А у тебя есть еще?

— Есть! — крикнул Бамба и кинул шулме третий кусок.

Шулма съел его и сказал:

— Надо было тебя убить и съесть, но теперь я этого делать не могу. Теперь мы молочные братья. Мы ели молоко одной матери. Я сейчас только понял, что твой хурсун сделал из молока твоей матери.

— Я Бамба, сын хапа Бадамджи, — сказал Бамба шулме. — Мой отец послал меня к вам, чтобы я забрал Сарал-коня, которого он оставлял на хранение.

Шулма, отвернувшись, заплакал, а повернувшись к Бамбе, улыбнулся и сказал:

— Пойдем к коню!

Они открыли двенадцать дверей и прошли через двенадцать комнат. В последней комнате стоял Сарал-конь. Вокруг него было так светло, будто всюду горели священные лампы. День и ночь за конем ухаживали четыреста девяносто девять шулмусов. Они его без конца мыли, чистили и гладили. Поэтому конь так спял.

Когда конь Сарал увидел Бамбу, он разорвал свои стальные путы, подбежал к нему и весело заржал. Он заржал и сказал:

— Как я рад видеть своего хозяина!

Бамба подошел к коню и повел его из двора шулмусов. И тут все четыреста девяносто девять шулмусов схватили коня за шею, за гриву, за голову, за ноги, за хвост и жалобно завывли-заплакали:

— Не отдадим коня, не отдадим!

Бамба вытащил из ууы борциги и бросил их в разные стороны. Шулмусы кинулись за борцигами. А Бамба вскочил на коня и, как ветер, вылетел в степь. Шулмусы погнались за ним. Все четыреста девяносто девять вцепились в хвост коня. Конь начал спотыкаться. Бамба снова бросил борциги. Шулмусы отстали, а потом опять догнали коня.

Тогда Бамба бросил им хурсун. Пока шулмусы разыскивали крошки в траве, конь Сарал унес Бамбу далеко-далеко. Сколько ни гнались шулмусы, а догнать их уже не смогли.

Перебрался Бамба через Внешний океан и попал в ханство хапа Харальчи, того самого, который угнал огромное стадо коров у его отца, хана Бадамджи. Хан Харальчи знал все харалы *, какие есть во вселенной. Всех подданных он держал в страхе. Все боялись его проклятий.

Недалеко от дворца хана Бамба превратил своего коня в плохонького жеребенка и оставил его пастись. А сам пошел во дворец. Хан его схватил, заковал в цепи и бросил в яму.

— Посиди там, остынь-успокойся. А потом будешь моим работником, — со смехом сказал Харальчи.

И Бамба стал его работником. Посылает его хап по разным делам в разные стороны. А Бамба все исправно выполняет. Однажды хан говорит.

— Слышал я, на краю света, у Поперечного моря живет хан-девица красоты несказанной. Вот и привези ее ко мне. А не привезешь, прокляну тебя и твоё потомство на девять поколений!

Пошел Бамба в степь к Сарал-коню. Идет и плачет.

— Зачем горевать, зачем плакать? — говорит конь. — Нет невыполнимых заданий. Куда тебя посылает хап?

Бамба рассказал.

— Я знаю, куда надо ехать, мы с твоим отцом там были, — сказал конь Сарал. — Вон там на юге синеют горы. За теми горами желтая пустыня. За пустыней зеленые горы. А за ними Поперечное море. Там и живет эта хан-девица красоты несказанной. Садись поедем.

И они поскакали к горам. Проехали семью семь — сорок девять дней, и оставил Бамба за своей спиной сине-белые горы, желтую пустыню и плоские зеленые горы. Вот и Поперечное море.

— Здесь остановимся, — сказал конь. — Я буду ждать тебя у этого дерева, а ты иди во дворец. Видишь, белая гора. За горой дворец. Белая гора — это кости тех богатырей, которые шли к этой красавице. Когда встретишь ее, скажи так: «Наш хан просил вас соизволить приехать к нему в гости».

Она подаст тебе руку. Ты бери ее за руку и веди за собой. Она пойдет. Но ты вдруг услышишь сто восемь мелодий грусти и шестьдесят восемь мелодий радости. Полюются звуки дивной музыки, которой ты никогда не слышал. Не вздумай оглянуться назад. Около дворца лежат кости тех, кто оглядывался.

Бамба пошел во дворец. Он со страхом посмотрел на гору белых костей и открыл первую дверь. Его встретила красавица.

— Меня послал мой могучий хан Харальчи,— сказал Бамба.— Он просил вас соизволить поехать к нему в гости.

— Пойдем,— сказала красавица и подала ему руку.

Бамба повел ее за собой. В это время за его спиной прозвучали сто восемь мелодий грусти и шестьдесят восемь мелодий радости. «Откуда исходит эта музыка? Кто играет? На чем играет? Оглянуться посмотреть? Перед дворцом лежит гора костей тех, кто оглядывался». И все-таки Бамба не удержался и начал поворачивать голову, чтобы оглянуться... В этот момент кто-то ударил его по уху и вытолкнул из дворца. Выскочил Бамба, видит, стоит конь Сарал весь мокрый от пота, тяжело дышит.

— Что с тобой, мой конь, что случилось? Где ты так вамок?

— Мой хозяин, мой добрый Бамба! Я боялся за тебя и, когда ты разговаривал с красавицей, прибежал во дворец и не дал тебе оглянуться. Я ударил тебя по уху и вытолкнул из дворца. И вот стою тебя жду.

— Спасибо, мой конь, спасибо!

Сел Бамба на коня, посадил впереди себя красавицу, и они поскакали к хану Харальчи.

Увидела девушка хана и сказала:

— Нет, за черную кость я замуж не пойду!

И снова хан вызвал Бамбу.

— Преврати меня в человека белой кости! А не превратишь, прокляну тебя и твоё потомство на девять поколений.

Опять пошел Бамба к Сарал-коню. Идет плачет.

— Что случилось, что плачешь, мой хозяин, мой добрый Бамба?

— Да вот какое дело. Оказывается, хан Харальчи черной

кости. А красавица сказала, что за черную кость не пойдет замуж. Должен я теперь хапа превратить в человека белой кости. А если не сделаю, проклянет он меня и мое потомство на девять поколений.

— Ну что ж, это можно сделать,— сказал копь Сарал.— Выполний все, что я скажу. Видишь болото. Засыпь сначала это болото красным песком.

Бамба с помощью людей хапа начал таскать на болото красный песок. А когда песку стало много и он памок, копь Сарал прибежал на болото и стал валяться в песке. Девять раз прибегал копь на болото. Девять слоев песка налипло на его шкуру.

— Теперь,— сказал копь Бамбе,— я спущусь в реку и разыщу табуи водяного хапа. Я начну драться с жеребцом этого табуна. Жеребец будет меня кусать, но мне это не страшно, на мне девять слоев защиты. Я буду убегать от него и заману его на берег. Ты стой наготове. Вбей на берегу кол. А как выскочит из воды жеребец, лови его и привязывай. Я схвачу его за шею. Он закричит. На этот крик выбежит из воды весь его косяк, семнадцать кобылиц. Ты всех должен поймать и привязать. Потом у этих кобылиц надо доить молока, слить его в котел, поставить на огонь, а когда оно нагреется, хап должен в нем искупаться. Тогда он станет человеком белой кости.

И копь Сарал побежал в реку. Бамба вбил на берегу кол и стал ждать. А копь встретил табуи водяного хапа, подбежал к жеребцу и укусил его за шею. Жеребец погнался за Сарал-конем. Копь — к берегу и жеребец — к берегу. А там стоит, жеребца поджидает Бамба с крепкой уздой. Мигом привязал Бамба водяного жеребца, а копь Сарал схватил его зубами за шею и свалил на землю. Громко заржал жеребец, и выскочили из воды одна за другой семнадцать кобылиц с жеребятками. Поймал их Бамба, привязал и пошел к хану.

— Хан, дайте мне людей, надо доить кобылиц.

Хан Харальчи отправил жепци доить кобыл и приказал принести большой котел. В него вылили молоко водяных кобылиц. Из дворца вышла красавица.

— Хан,— сказала она,— вы должны искупаться в кипящем молоке. Тогда вы станете человеком белой кости.

Развели костер. Хан смотрит на котел, страшно ему.

— Бамба,— говорит он,— лезь сначала ты, а я потом.

Бамба согласился. Он знал, что молоко еще не кипит. Пригнул в котел и выскочил оттуда цел-невредим.

— Вот он и есть человек белой кости,— сказала красавица, показывая на Бамбу.

Глаза у хана завистью засверкали. Он подошел к котлу. Пока он решился лезть в котел, молоко закипело. Пригнул хан в молоко и закричал. Выскочил из котла черный-черный. Упал и умер.

Не стало хана Харальчи, который пугал людей своими проклятиями.

— Бамба, я буду твоей женой,— сказала красавица.— Ты человек белой кости.

Бамба устроил пир-хурюм и вместе с женой-красавицей поехал к своему отцу. С собой он погнал табуи водяного хана и повел все ханство Харальчи-хана.

Приехал и сказал:

— Отец, я привел вашего Сарал-коня, которого вы оставили на той стороне Внешнего океана у пятисот шулмусов, и привез красавицу, которая жила на дальнем юге у Понеречного моря, я привез табуи водяного хана и все ханство Харальчи-хана, а самого его сварил в молоке.

Бадамджи-хан встал и сказал:

— Спасибо, сын. Ты добр, силен и мудр. Ко мне вернись зрелее. Я снова все вижу.

И он устроил великий пир. Бамбе он передал свое ханство.

А Бамба разыскал старика с белой бородой и белыми усами, который помог ему завладеть Сарал-конем, и сделал его своим министром.

Они жили долго и мирно.

авным-давно в одном ханстве жил маленький мальчик-сирота. Люди прозвали его Саака*. И скоро все забыли, как его зовут,— все звали Саака.

Однажды шел он мимо ханского дворца, и его увидели две дочери хана.

— Кто это идет? — спросила одна другую.

— Да это тот самый.

Мальчик-сирота услышал это и очень обиделся. Пришел домой и говорит сестре:

— В этом ханстве я жить не могу. Все зовут меня Саака, а дочь хана меня назвала Тот Самый. Я уйду. Дай мне на дорогу кусок хурсуца да палей в бортхо арьян. Я найду пскать другое ханство, где меня будут уважать.

И пошел Саака в степь. Пошел в сторону восхода. Вдруг он увидел рыжую лисицу. За ней гнались три собаки. Лисица подбежала к мальчику и залезла к нему под подол бешмета. Саака остановился. Собаки проскочили мимо. Подлетел всадник.

— Мои собаки гнали лису. Мальчик, ты не видел их? — спросил он.

— Они побежали дальше, — ответил Саака.

Всадник умчался. Лисица выскочила из-под бешмета и сказала:

— Ты спас меня, мальчик. Чем тебя наградить? Проси все, что хочешь!

— Мне ничего не надо, лисица.

— Тогда возьми волосок из моего меха. Береги его. А как случится беда, брось волосок. Я тут же прибегу и помогу тебе.

Саака положил волосок в карман и пошел дальше. Скоро он подошел к реке. На берегу стоял высокий тополь. На нем было орлиное гнездо. Вдруг Саака увидел, что по стволу

вверх ползет толстая змея. Выхватил Саака свой нож, подскочил к тополи и разрубил змею на куски.

— Спасибо, мальчик, вы спасли нас! — хором закричали птенцы из гнезда. — Спрячьтесь, мальчик, — продолжали они, — наша мать очень сердитая и может вас проглотить.

Но в этот миг с неба рванулась орлица, камнем упала на мальчика и проглотила его. Потом увидела куски змеи и спросила:

— Кто вас спас от этой змеи, мои дорогие птенцы?

— Нас спас тот мальчик, которого ты проглотила, тот мальчик! — закричали птенцы. — Выпусти его, выпусти его, иначе мы выбросимся из гнезда!

Орлица отпрыгнула мальчика.

— Я верю, ты спас моих птенцов. Что тебе дать? Проси все, что хочешь!

— Мне ничего не надо, орлица, — ответил Саака.

— Тогда возьми мое перо. Если что будет надо, брось его и я прилечу.

Саака спрятал перо и пошел дальше. На берегу моря он увидел большую желто-пеструю щуку. Она открывала пасть и шевелила жабрами. Саака взял ее в руки и осторожно отнес к воде. Щука окунулась, радостно плеснула хвостом, а потом высунулась из моря и сказала:

— Спасибо тебе, Саака. Все, что хочешь, проси — ничего не пожалею! Много добра есть на дне морском. Что тебе принести?

— Мне ничего не надо, щука.

— Ну, а если что будет надо, подойди к морю, ударь три раза рукой по воде, я приплыву.

Пошел Саака дальше. И наткнулся на спящего сайгака. Схватил его за ногу, держит. Закричал сайгак:

— Отпусти меня, мальчик, не губи. Дам тебе все, что ты хочешь!

— Мне ничего не надо. Я и так тебя отпущу.

— Спасибо, мальчик. А когда что понадобится, приходи сюда. Помогу.

Шел, шел Саака и пришел в чужое ханство.

А в этом ханстве жила девушка мудрости небывалой, красоты несказанной. Все сыновья воинов и зайсангов сва-

тали ее. Но хан решил, что выдаст ее только за самого достойного, самого мудрого. Хан придумал состязание: кто спрячется так, что мудрая девушка его не найдет, тот и будет ее мужем. Каждый мог прятаться три раза. Того, кого все три раза находила девушка, хан казнил. Многим сыновьям знатных людей хан отрубил голову.

Когда Саака увидал эту девушку, он подумал: «Я на ней женюсь. Я спрячусь так, что она меня не найдет».

И он сказал хану:

— О великий хан! Я хочу вступить в состязание. Я готов прятаться.

— Ну что ж, давай посмотрим, как ты мудр, пришедший издалека мальчик, — ответил хан.

Саака вышел из дворца. Бросил перо орлицы, и с неба камнем свалилась орлица и села у его ног.

— Я вступил в состязание. Я сватаю мудрую девушку. Я должен три раза спрятаться, чтобы она меня не нашла. А если найдет, меня казнят.

Орлица посадила мальчика на правое крыло и полетела в южное ханство.

Девушка-кудесница вышла из дворца и говорит:

— Этот мальчик сидит на правом крыле орлицы. Орлица летает над южным ханством.

Пошел Саака прятаться снова. Прибежал к берегу моря. Трижды ударил по воде ладонью. Приплыла желто-пестрая щука. Саака рассказал ей о состязании. Посадила его щука в жабры, уплыла на дно моря и остановилась в зарослях водорослей.

Девушка-кудесница вышла из дворца и говорит:

— Этот мальчик сидит в жабрах желто-пестрой щуки. А щука на дне моря, в зеленых зарослях.

В третий раз пошел Саака прятаться. Прибежал в степную глушь. Позвал сайгака. Сайгаку он сказал:

— Дважды я прятался: и в небе и под водой. Дважды девушка-кудесница меня находила. Если ты меня не спасешь, меня казнят!

— Посадила его сайгак себе на спину и поскакал через всю степь. Бежит — облако пыли подымает копытами.

Девушка-кудесница вышла из дворца и говорит:

— Этот мальчик скачет сейчас в степной глуши. Он закрыт облаками пыли, которую подымает сайгак.

Хан сказал:

— Пора его казнить. Три раза он прятался и три раза его нашли.

Но старики возразили хану:

— О, этот мальчик не простой, — сказали они. — Он подружился с жестокой орлицей, которая глотает людей, подружился с желто-пестрой шукой, которая живет на дне моря, и с пугливым сайгаком, который и близко-то не подпускает человека. Давайте испытаем его еще раз.

И пошел Саака прятаться снова. Бросил он волосок лисицы. Лисица тут как тут.

— Что тебе, мальчик?

— Плохи мои дела, лисица. Трижды я прятался и трижды меня находили. Меня должны казнить. Если ты меня не спасешь, отрубят мне хан голову.

Лисица превратилась в старуху, одетую в красивую шелковую одежду. Рукава у нее были широкие-широкие. Вышла старуха мальчика, посадила его в правый рукав и пошла к дворцу.

Девушка-кудесница вышла из дворца и увидела старуху в красивом платье. Она даже забыла, что ей надо отгадывать, где Саака, так ей понравилось платье.

— О бабушка, какой у вас красивый наряд, — сказала она. — Подарите это платье мне!

— Хорошо, хорошо, девушка. Я подарю тебе мое платье. А ты позволь мне сунуть тебе за пазуху мою руку. Она у меня болят, распухла, я хочу ее погреть.

И она сунула за пазуху девушке правую руку вместе с мальчиком.

Девушка-кудесница начала гадать.

— Не могу понять, где он, — подумав, сказала она. — На небе он или на земле. Под водой или на воде. Ничего не понимаю!

Тогда Саака крикнул:

— Выпустите меня, мне душно!

Мудрая девушка признала себя побежденной, и Саака женился на ней.

ханстве хана Хархан-Хурхана жили старик и старуха. Старик пас ханских овец.

Был у старика и старухи всего один сын. И был он совсем маленький — величиной с ухо.

Однажды мальчику приснился страшный сон: будто ночью разбойники убили хана и увезли его ханшу. Мальчик рассказал сон старухе, а старуха хану. Хан сказал:

— Всякие бывают сны, а тем более у маленьких. Нечего беспокоиться. Иди домой, старуха.

На другую ночь мальчику приснился тот же сон. Старуха опять рассказала его хану. Хан ответил:

— Это может пророчиться любому, тем более ребенку.

На третью ночь мальчик видел опять тот же сон, и старуха опять пошла к хану. Хан рассердился и сказал:

— Тот, кто видит такие сны, думает об этом! Я прогоню мальчика из моих владений! Такие мне не нужны!

Мальчика прогнали. Загоревали старик и старуха. А мальчик пришел к берегу моря, построил себе шалаш и стал в нем жить. Каждый день он ловил рыбу и ел ее.

Однажды вечером, когда он жарил рыбу, подползла к нему огромная змея и сказала:

— Мальчик, спрячь меня. За мной гонятся враги.

Мальчик сломал свой шалаш и ветками прикрыл змею. А сам сел и спокойно начал есть рыбу. Примчался всадник.

— Мальчик, ты не видел, здесь проползла змея?

— Видел, — ответил мальчик, — она уползла вон туда.

И он махнул рукой на юг. Всадник ускакал. Змея выползла из укрытия и сказала:

— Я дочь водяного хана. Идем к нам в гости.

— Но как же я пойду в воду?

— Держись за мой хвост и иди!

И змея поползла в море. Мальчик взял ее за хвост и пошел за ней. Он увидел, что вода перед ним расступается.

Скоро они подошли к дворцу. Этот дворец был сделан из блестящего стекла. Их встретил седой-седой старик. Змея ударила хвостом и превратилась в прекрасную девушку.

— Отец, вот этот мальчик спас меня,— сказала она.— Надо его наградить.

— Пусть берет все, что хочет,— сказал седой старик.

Отец и дочь устроили для мальчика пир. Во время угощения девушка подошла к мальчику и незаметно, чтобы не слышал старик, шепнула ему на ухо:

— Когда отец спросит у тебя, что ты хочешь взять, скажи: «Дайте мне вот ту ржавую саблю и ту дырявую ууту, что лежит у порога».

Три дня и три ночи они пиروвали, а на четвертый день старик спросил:

— Мальчик, что хочешь проси, ничего не пожалей.

— Дайте мне ржавую саблю и ту дырявую ууту, что лежит у порога. И еще отдайте мне вашу дочь!

Старик, водяной хан, отвернувшись, заплакал, а посмотрев на мальчика, улыбнулся и сказал:

— Все будет, как ты хочешь.

И пошел мальчик на берег с саблей, с уутой и с ханской дочерью. На берегу он заснул, а красавица взяла ржавую саблю, ударила ею по земле и сказала:

— Пусть появится серебряный дворец с золотой крышей! Пусть появится скот четырех родов с пастухами!

Все тут же появилось.

Проснулся мальчик во дворце. И стал жить с красавицей в полном блаженстве и достатке.

Однажды слуги Хархан-Хурхан-хана заметили, что появился прекрасный дворец там, где раньше ничего не было. Они доложили об этом хану. Они доложили хану, что во дворце живет мальчик величинной с ухо, которого однажды хан изгнал из своих владений, и вместе с мальчиком во дворце живет красавица. Хан приказал:

— Мальчика убить! Красавицу привести ко мне!

Ханские войска подошли к серебряному дворцу. Красавица, дочь водяного хана, открыла ууту и оттуда начали выскакивать непобедимые, неуязвимые воины. Они быстро разогнали войска Хархан-Хурхан-хана.

Тогда злой хан пошел на хитрость. В услужении у него была медноязыкая ведьма на тонких козлых ногах. Он послал ее в серебряный дворец к мальчику величиной с ухо, чтобы она выведала у него секрет его непобедимости. Ведьма обернулась нищей старушкой и пришла в серебряный дворец.

— Меня изгнал хан Хархай-Хурхан, — сказала она. — Я ищу приюта. Пустите меня!

Ее пустили. Она стала жить и присматриваться.

— Где же ваши войска, которые победили воннов великого хана Хархай-Хурхана?! — спросила она однажды.

Дочь водяного хана ей не ответила. Старуха долго ее утешивала. И она, наконец, сказала:

— У нас есть волшебная уута и волшебная сабля.

Ночью старуха превратилась снова в ведьму, схватила ууту и саблю и ушла-ускакала на своих тонких козлых ногах.

Утром мальчик величиной с ухо проснулся и увидел, что он снова один в своем шалаше. А дворца и богатства как не бывало. И он подумал: «Значит, такова судьба».

Однажды на охоте он натолкнулся на зайца. Заяц побежал. Мальчик за ним. Он так увлекся охотой, что не заметил, как оказался недалеко от дворца хана. И он подумал: «За зайцем я больше не побегу. Пойду во дворец и узнаю, что там нового». У стражи он узнал, что хан с ханшей уехали в гости к соседнему хану. А во дворце сидит прекрасная пленница — дочь водяного хана. Мальчик пробрался к красавице. Она рассказала ему, где хан хранит ууту. Мальчик сумел ее достать и принес красавице. Она открыла ее, и оттуда пошли непобедимые, неуязвимые вонны.

— Догоните хана Хархай-Хурхана, — сказала она воннам, — и убейте его. А ханшу приведите сюда.

Вонны побежали и выполнили ее приказание.

Тогда дочь водяного хана приказала трижды протрубить в белую раковину и собрать народ. Весь народ собрался перед дворцом. Красавица вышла из дворца и сказала:

— Ваш злобный хан Хархай-Хурхан убит. Теперь вашим ханом будет мальчик величиной с ухо.

Они устроили великий пир, и весь народ пил и гулял.

А потом мальчик привел во дворец своих старых родителей, и стали они все наслаждаться жизнью.

БЫТОВЫЕ СКАЗКИ

Огда-то, давным-давно жил хан, который славился своей жестокостью. Все его приказания и прихоти выполнялись беспрекословно. А он все придумывал новые затеи, чтобы поиздеваться над своими подданными.

Однажды он вызвал к себе пять человек. Они поспешно прибежали, сняли шапки, упали на колени и стали терпеливо ждать, что прикажет хан. А хан начал прохаживаться туда-сюда и криво усме-

хаться. По его лицу было видно, что он придумывает какое-то страшное наказание для всех пятерых. Хан пристально оглядел каждого, а потом грозно сказал:

— Слушайте, для чего я вас вызвал сюда. Отправляйтесь все пятером куда угодно и разыщите где угодно самого плохого человека в моих владениях, самую плохую птицу, которая летает над моей землей, и самую плохую траву, которая растет на моей земле. Через полмесяца возвращайтесь. Если не выполните приказа, всем отрублю головы.

И хан кивнул в сторону, где обычно происходили казни.

Эти пятеро так испугались, что слова сказать не могли, холодный пот их пошиб с головы до ног, а на лбу у каждого залегли морщины.

— Ну, идите, живо! — крикнул хан.

Те выпили, оседлали коней и поехали куда глаза глядят, поехали искать самого плохого человека, самую плохую птицу и самую плохую траву. Едут, едут, но никто из них не знает, где самый плохой человек, какая птица самая плохая и какая трава хуже всех. Ехали они и спорили. Один говорит:

— Этот человек самый плохой.

— Нет, вот этот, — возражает другой.

Один говорит:

— Эта птица самая плохая.

— Нет, эта птица не самая плохая, есть хуже.

Так они ехали, ехали и ничего не могли решить. Устали. Остановились у берега озера отдыхать. Пустили копей нас- тись. А сами сидят и рассуждают:

— Я думаю, самая плохая птица — цапли.

— А почему?

— Потому что мясо ее есть нельзя, а когда она закричит, буря-ветер подымается.

— Ты правильно говоришь, она и есть самая плохая птица, ее мы и возьмем.

Побежали они вокруг озера и с большим трудом пой- мали цаплю. Посадили ее в уту и поехали дальше. Один говорит:

— Вот эта трава самая плохая. Она называется вороний след. Скот ее не ест. Ее и возьмем.

— Правильно, ее и возьмем.

Нарвали этой травы, положили в ууту и говорят:

— Хорошо идут наши дела, два дела сделали. Осталось найти самого плохого человека.

Едут, едут и видят: пасет овец какой-то оборванец. Подъехали поближе и стали его рассматривать. Был он тощий среди тощих, бледный среди бледных, а одежда висела на нем клочками. Путники поздоровались с ним и говорят:

— Мы едем по приказу великого хана. Ищем самого плохого человека.

— А если так, — отвечает им этот пастух, — то вы меня ищите. И беден я, и плох, и зовут меня Му* — плохой.

Пятеро обрадовались, переглянулись и говорят:

— Его-то мы и ищем!

— А почему тебя прозвали Му? — спросил первый.

— Наверное потому меня прозвали Му, что от рождения никогда я не носил крепкой одежды, никогда не ел хорошей пищи. А сейчас мне уже сорок лет.

— Ты нам и нужен. Поехали с нами!

По дороге они рассказали бедняку Му о ханском приказе.

— Я-то вам подхожу, — говорит Му, — а какую птицу вы везете хану и какую траву?

— Мы везем птицу цаплю и траву вороний след.

— Нет, вы не правы, цапля не самая плохая птица, а вороний след не самая плохая трава!

— Почему?

— Цапля полезная птица. Она своим криком предупреждает людей о наступлении бури и поедает лягушек.

— Да, ты прав. А какая же птица по-твоему самая плохая?

— Самая плохая птица сорока.

— Почему?

— Сороки недружные. Они дерутся из-за падали и разлетаются с кусками в разные стороны. Сорочье мясо есть нельзя. Кроме того, эта вредная птица клюет скот и не любит человека.

— Правильно ты говоришь, — согласились пятеро, — самая плохая птица сорока. А какая по-твоему самая плохая трава?

— Самая плохая трава вороньи лапы. Скот ее не ест. В огне она не горит.

Му слез с коня, искал и нашел траву вороньи лапы.

Все пятеро согласились с ним. Вытряхнули траву вороний след, положили в ууту траву вороньи лапы, выпустили цаплю, поймали сороку и поехали к хану.

Хан встретил их с любопытством, а когда увидел Му, приказал слугам увести его, помыть и одеть в хорошие одежды.

— Ну, рассказывайте, какую птицу вы привезли и какую траву? — обратился хан к пятерым.

— Мы привезли сороку и траву вороньи лапы.

Хан усмехнулся и спросил:

— А кто же вас научил все это взять?

Те перепугались и в один голос заговорили:

— Нас научил этот самый Му. А сначала мы взяли цаплю и траву вороний след.

Тогда хан закричал слугам:

— А ну, притащите сюда этого Му!

Слуги приволокли Му и поставили перед ханом.

— Эй ты, глупец, почему ты заставил их выбросить птицу цаплю и траву вороний след? — грозно спросил хан:

Му спокойно ответил:

— Они поймали цаплю как самую плохую птицу, но она не самая плохая, она полезная, она предсказывает бурю и очищает озеро от нечисти. А сорока вредная птица. Она клюет скот. Сороки недружные птицы, и мясо их несъедобно. А трава вороньи лапы самая плохая трава, потому что ее скот не ест и в огне она не горит. Вот почему я им посоветовал взять птицу сороку и траву вороньи лапы.

Хан немного успокоился и подумал: «А ведь Му в самом деле говорит правильно». Чтобы еще раз проверить Му, он вынул из золотого сундука светящийся желтый камень.

— А ну, Му, возьми этот камень и расскажи о нем, что знаешь.

Му подержал камень в руках, осмотрел его со всех сторон и говорит:

— Внутри этого камня сидят два муравья. Через три года они должны из камня выйти.

Хан удивился. Его стало разбирать любопытство: правду ли сказал Му, сидят ли внутри этого желтого камня два муравья. Наконец, хан не выдержал и, хоть ему жалко было камень, распилил его пополам. Внутри он увидел двух муравьев. Му был прав. Хан стал смотреть на него с еще большим любопытством и сказал:

— Есть у меня в табуне пестро-серый конь. Посмотри на этого коня и расскажи о нем, что заметишь.

Слуги побежали к табуну, поймали коня, привели его к Му. Он посмотрел на него и сказал:

— Чтобы лучше определить его достоинства и недостатки, я должен на нем немного проехать.

— Садись, садись,— сказал хан,— езжай!

Му сел на коня и поскакал.

Проехал вокруг хотона, переплыл на коне реку, вернулся к хану и говорит:

— Конь неплохой, но есть у него один недостаток: коровья повадка.

— А как ты узнал, что у моего коня коровья повадка?

— Узнал я вот как. Корова, хоть сорок раз переплывет реку, обязательно, выходя на берег, задними ногами ударит по воде. И ваш пестро-серый конь, выходя на берег, задними ногами ударил по воде.

— Да, это есть у моего коня,— проговорил хан.— Это произошло потому, что мать его пала, когда он родился, и жеребенка выкармливали коровьим молоком. Вот так. Ну, а теперь посмотри на меня и скажи, каков я сам?

Му начал рассматривать хана. Осмотрел с головы до ног и с ног до головы. И сказал:

— Вы, хан, человек не белой кости, не из ханского рода. Вы происходите от простого человека, от черной кости.

Хан взмахнул руками и закричал:

— Да как ты, подлец, можешь называть меня черной костью, меня, великого хана?! Да я сейчас же тебя казню!

А потом хан подумал: «Ведь все, что Му говорил до этого, было правдой. Вдруг он и тут прав?» И вызвал к себе свою мать. Когда мать пришла, хан сказал:

— Я вызвал вас, чтобы узнать, от кого я происхожу: от белой кости или от черной? Вот этот негодяй осмелился ска-

зять, что я черная кость! Если он наврал, ему сейчас же отрубят голову!

Мать отвернувшись, заплакала и подумала: «До сегодняшнего дня правды никто не знал. Как же мне быть? Сказать правду — не могу. Сказать неправду — человека казнят. Грех на мою душу». И сказала:

— Да, ты хан черная кость. Слушай, что я расскажу. Это было давно. Великий хан был много раз женат. Он жаждал сына. Но каждая жена рожала ему дочь, и хан убивал и жену и дочь. И вот подошел мой черед. Он взял в жены меня, и я родила дочь. Но я узнала, что в эту же ночь жена нашего пастуха родила сына. Испугавшись смерти, я поменялась с ней: ей отдала свою дочь, а у нее взяла тебя и показала хану. Хан был очень рад, что у него появился наследник, он ничего не знал, потому что в ту ночь был на охоте. Да, ты не сын хана, ты сын пастуха.

— Что ж, — сказал хан, — ты, Му, опять прав. Будешь отныне моим советником.

И Му стал советником хана. Для него поставили рядом с ханским дворцом белую кибитку и стали приносить ему лучшую еду. Му понравился, окреп, стал статным и красивым. Он узнал, что недалеко от хана живет богач Очир, а у него есть дочь-красавица. Многие знатные женихи сватали ее, но она всех отвергала. И однажды ночью Му пошел к этой девушке. Подошел к кибитке. Постучался. Вышла служанка. Му сказал:

— Принеси мне большой нож и камень.

Служанка засмеялась и убежала. Она подумала, что это пришел какой-то дурачок. Об этом она рассказала своей хозяйке, дочери богача Очира. Та сказала:

— Ну зачем же ты посмеялась над человеком? Пойди скорей отнеси ему все, что он просит.

Служанка взяла нож и камень и отдала Му. Он взял камень, ударил по ножу, отломал лезвие от рукоятки и попросил служанку, чтобы она передала лезвие своей хозяйке. Когда красавица взяла в руки обломок ножа, она сказала служанке:

— Это тот человек, которого я давно жду. Скорее впусти его.

И Му вошел в кибитку.

В эту ночь сыновья Очира, братья этой красавицы, беседуя между собой, говорили так:

— К нашей любимой сестре каждый день приходит много народа, люди разные, неизвестно кто. Вдруг кто-нибудь пойдет к ней ночью? Надо ее охранять.

И с этой ночи они решили ее охранять. На рассвете, когда Му уходил от красавицы, братья его поймали и привели к хану.

— Вот он, ваш советник Му. Мы поймали его утром у кибитки нашей сестры. Он пришел к ней ночью, хотя был с ней совсем незнаком.

Хан начал допрашивать Му. Допрашивал два дня. Но Му повторял, что он не ходил к дочери Очира. Тогда хан приказал повесить своего советника. Му отвели на место казни. Когда ему накинули на шею веревку, Му сказал:

— Мне надо перед смертью поговорить с ханом.

Его отвели к хану. Хан закричал:

— Как, этот разбойник еще жив?! Почему его до сих пор не повесили?

Му сказал:

— Хан, я действительно был у дочери Очира. Почему я об этом не сказал вам раньше? Вот почему: я отломал у ножа рукоятку, а это означало, что я буду молчать об этой встрече, пока мне не снимут голову. Теперь, перед смертью, я решил вам это рассказать.

Хан внимательно выслушал его и отменил приказ о казни. Он опять назначил Му своим советником, и Му опять стал жить в белой кибитке около хана. Но теперь он все время думал о прекрасной дочери Очира и часто воспоминал ту встречу. Он думал, что над землей каждое утро восходит одно солнце, а над кибиткой Очира — два солнца.

А красавица после встречи с Му ни на кого не хотела смотреть и требовала у отца, чтобы он выдал ее за Му.

Наконец, через два года Му и красавица поженились. Они стали жить дружно и счастливо. А хан по-прежнему со всеми сложными вопросами обращался к Му.

Но вот хану понравилась прекрасная жена Му, и он решил завладеть ею. Позвал он однажды юношу-слугу и говорит:

— Пойди к Му и скажи ему, что его зовет хан.

Когда юноша подошел к кибитке Му, он не решился войти сразу, остановился у дверей и стал слушать и смотреть в щель. А услышал он вот что:

— Когда я смотрю на твое лицо, мне кажется, что это озеро, которое высохло пятнадцать лет назад. А когда я смотрю на свое лицо, мне кажется, что это луна в пятнадцатый день*.— Так говорила жена.

Муж ответил:

— А ведь ты выходила за меня не из-за моей красоты. Во мне главное — ум и достоинство.

Жена улыбнулась, погладила мужу волосы и сказала:

— Да ведь это я так говорила, в шутку.

Юноша постучал. Красавица открыла ему дверь. Увидев ее вблизи, юноша лишился чувств и упал. Му с женой облили его холодной водой, он пришел в себя и сказал:

— Му, вас вызывает хан,— и ушел.

Жена говорит:

— Я уверена, что хан хочет тебя отправить в дальний путь. Когда поедешь, возьми у хана самого хорошего коня, ружье и саблю.

Му пришел к хану. Хан сказал:

— Садись, мой мудрый советник Му. Слушай, что я тебе скажу. Последнее время я чувствую себя больным. Я думаю, что пулю из белого зайца мне поможет. Этот белый заяц живет в далекой степи. Вот я и решил послать тебя за этим зайцем, потому что ты умнее всех и сможешь его поймать.

Му ответил:

— Когда хан приказывает, надо слушать и выполнять приказ. Я поеду.

— Если тебе нужен помощник, бери любого.

— Нет, хан, мне помощник не нужен, я поеду сам. Только дайте мне в дорогу ваше ружье, вашу саблю и самого хорошего коня из вашего табуна.

— Бери, Му, бери все, что тебе нужно.

Му взял ружье и саблю, поймал лучшего коня в табуне и приехал домой. Жена ему говорит:

— Ехать тебе никуда не надо. Коня этого мы заколем. Мясо посолим и посушим. А ты выкопай у озера в ка-

мышьяк яму. Днем будешь в ней сидеть, а ночью приходишь домой.

Так они и сделали. Хан был уверен, что Му уехал в дальнюю степь. Прошел год, прошел второй. А Му все нет. Хан подумал: «Наверное, Му погиб в дороге». И поехал к красавице, жене Му. Ей он сказал:

— Когда я посылал Му в далекую степь, я был уверен, что он выполнит мой приказ. Но срок возвращения уже давно истек. Есть у калмыков обычай: когда брат умирает, на его жене женится другой брат. Мы с твоим мужем были очень хорошие друзья, почти братья. Вот ты и должна теперь стать моей женой.

Красавица ответила:

— А я думаю, что мой любимый муж не погиб, а где-то странствует.

Хан очень удивился, но смог сказать ни слова и вышел. А жена побежала к озеру и сказала Му:

— Бери ружье, саблю и беги вдогонку за ханом. Когда хан тебя увидит и спросит, почему ты так долго ездил, ответь так: «В степи я нашел нужного вам белого зайца, но, когда хотел его поймать, вдруг откуда-то выскочил серый волк и бросился на меня. Я — от него. Он — за мной. Я прибежал в наш хотон и спрятался в своей кибитке. И волк вбежал в кибитку. Но тут уже он меня испугался и побежал в сторону вашего дворца. Не видели здесь серого волка?» А потом выхвати саблю, подними ее над головой и кричи: «Зарублю волка!»

Му взял саблю и ружье и поскакал к хану. Хан вышел к нему навстречу, улыбается и говорит:

— Ну вот, наконец, мой мудрый храбрый Му вернулся. Я давно тебя жду.

Му выхватил саблю и говорит:

— Ехал я по степи, искал зайца. И вдруг волк. И прямо на меня. Я — от него. А он — за мной. Я забежал в свою кибитку. И волк за мной. Но в кибитке он меня испугался и побежал в сторону вашего дворца. Не видели здесь серого волка? Где он, этот волк? Разрублю его на куски!

Хан понял, что речь идет о нем. Он упал на колени и закричал:

— Не убивай меня, Му, прости!

— Я не буду вас убивать, и вас прощаю. Но знайте: вы и есть самый плохой человек во всем вашем ханстве.

После этого хан и Му опять помирились и начали жить дружно. Но хану казалось, что советник ему чем-то вредит. Вызвал хан его к себе и говорит:

— Есть такая пословица: два умных в одном месте жить не могут. Поэтому кто-то должен остаться на этом месте, а кто-то уйти. Если ты хочешь здесь остаться, я отсюда уеду.

— Что вы, хан, зачем нам уезжать? Это ваш нутук. Лучше уеду я.

И Му откочевал в другой аймак.

Хан привык к своему умному советнику, и скоро ему стало скучно без Му.

Однажды осенью хан с придворными поехал на охоту. У подножья Ергеней им встретился беззубый старик. Хан остановился, поздоровался со стариком и спросил:

— Сколько лет прошло с тех пор, как пал туман на этот хамур?

— Пятнадцать лет прошло.

— А сколько лет прошло, как на хамуре не стало воды?

— Десять лет, — ответил старик.

Когда вернулись домой, хан вызвал всех придворных и спросил:

— А ну-ка отгадайте, о чем мы говорили со стариком? Если не отгадаете, всех казню.

Думали, думали мудрецы, но ничего не придумали и решили съездить к Му за советом. Приехали, рассказали о встрече со стариком и говорят:

— Му, помоги нам, наши жизни в твоих руках. Хан дал нам три дня на раздумье.

Му усмехнулся и сказал:

— Когда хан спросил, сколько лет прошло, как на хамуре пал туман, он хотел узнать, когда у старика поседела голова. А вопрос «Сколько прошло лет, как не стало на хамуре воды?» означает: «Сколько прошло лет, как выпали у вас зубы?» Вот вам и вся разгадка.

Мудрецы вернулись и ответили хану так, как научил Му. Хан улыбнулся и спросил:

— А кто вас этому научил?

— Никто нас не учил, никто не учил, мы сами догадались.

— А все-таки ответьте: кто научил?! — грозно повторил хан.

Мудрецы перепугались и лаперебой заговорили:

— Му нас научил!

— Му научил!

— Му!

— Да. А в ваших дурных головах даже такая мысль не может родиться. Все убирайтесь!!

Хан лег и начал размышлять: «Без Му мне плохо. Без него не могу решать судебные дела и государственные вопросы».

Собрал хан всех советников-мудрецов и говорит:

— «Враг близко, войны рядом». Разгадайте-ка эту загадку. Не разгадаете — казнию!

Мудрецы вышли от хана, постояли, подумали и решили опять ехать к Му.

Му им ответил так:

— Возвращайтесь к хану. В изголовье его кровати висит сабля. Возьмите эту саблю, положите на подушку и ничего не говорите.

Мудрецы сделали так, как сказал Му. Хан засмеялся и говорит:

— Это вас опять Му научил?

Мудрецы молчат.

— Отвечайте же! Я жду!

Они опять перепугались и говорят:

— Да, это Му научил.

И хан решил: Му необходим. Придворным он приказал запрячь сорок верблюдов и привезти Му со всем хозяйством обратно.

Когда Му подъезжал, хан сам вышел его встречать. А дороге во дворец, по которой должен был пройти Му, хан приказал выстлать коврами. Был устроен великий шир, и хан сказал:

— Теперь мы с тобой, мой мудрый Му, будем дружить вечно.

Му только усмехнулся. Он-то знал, что такое дружба с ханом.

или-были старик и старуха. У них было тридцать коров. Однажды, когда поднялась буря-шурган, старик и старуха начали загонять скот в загон. Только один красный куцый вол не хотел идти со всеми и все убежал. Тогда старик рассердился, догнал вола, схватил его за куцый хвост и так швырнул, что тот полетел за семьдесят холмов. «Вот какой я, оказывается, силач! — подумал старик. — Что же это я раньше не знал свою силу? А если я такой силач, то печего мне сидеть около своей старухи! Наверное, я сильнее всех на свете! Пойду совершать богатырские подвиги! Слышал я, что у моря живут три брата-богатыря. Вот к ним я и пойду! С ними мне есть о чем поговорить!»

На другое утро старик пошел к трем братьям. Эти братья-богатыри удочками ловили рыбу в море, тем и кормились. Шел, шел старик и встретил, наконец, старшего брата.

— Откуда и куда идете, отец? — спросил богатырь.

— Было у нас со старухой тридцать коров, — отвечал старик. — Когда поднялась буря-шурган, начали мы загонять скот в загон. А один куцый вол не хотел идти со всеми и убежал. Тогда я рассердился, догнал его, схватил за хвост и так швырнул, что он полетел за семьдесят холмов. И я решил: раз я такой силач, печего мне сидеть около своей старухи. Наверное, я сильнее всех на свете. Надо мне совершать богатырские подвиги. Слышал я, что у моря живут три брата-богатыря. Вот к ним я и иду.

Тогда старший брат говорит:

— Подержите, отец, мою удочку, я ненадолго отойду.

Старик взял удилице. Но оно оказалось таким длинным и тяжелым, что он не мог его даже держать. Удилище стало падать в море.

— Скорей, скорей, сюда! — закричал старик, — наверное, клюнул кит!

Старший брат прибежал, вытащил удочку, но на крючке ничего не было.

— Ничего нет. А вы сказали, клюнул кит, — с сожалением проговорил старший брат.

— Я только подумал, что клюнул кит, — смущенно ответил старик.

Тогда старший брат сказал:

— Отец, не мешайте мне ловить рыбу. Идите по берегу на юг, там встретите моего брата. С ним и поговорите.

Старик пошел на юг. Шел, шел и увидел другого рыбака. Это был средний брат.

— Здравствуйте, отец, откуда и куда идете? — спросил он.

Старик ему все по порядку рассказал. Богатырь говорит:

— Подержите, отец, мою удочку, я ненадолго отойду.

Только он отошел, удилище стало падать в руках старика.

— Скорей, скорей, сынок, сюда! Чувствую, попался кит! — закричал старик.

Богатырь подбежал, схватил удочку, легко выдернул ее — крючок был пуст.

— Что ж это вы, отец? А говорили, кит попался!.. Нет даже маленькой рыбки... Знаете, нас три брата... Вы никого из моих братьев не встречали?

— Я встретил старшего брата. Он меня послал к тебе.

— Ага, у старшего были. Ну тогда идите дальше на юг, там рыбачит наш младший брат. До свиданья, отец!

И старик пришел к младшему брату. Все ему рассказал: и про куцега вола, и про двух его братьев. Младший брат говорит:

— Идите, отец, на юг. Встретите кибитку. Там наша мать готовит еду. Поешьте, отдохните. А мы вернемся вечером.

Старик пришел к кибитке. Старуха, мать богатырей, накормила его и спросила, кто он. Старик рассказал.

— Ах, старик, старик! Возвращайся скорее назад к своей старухе! Какие еще богатырские подвиги? Тебе бы до дому добраться! Но идти в обратный путь тебе сейчас трудно, надо отдохнуть. Не знаю, как на тебя посмотрят мои сыновья. Лучше я тебя спрячу, — говорит старуха.

И она посадила его за сундук и накрыла ковром.

Вечером вернулись три брата.

— Не приходил сюда один старик? — спросили они.

— Нет, никакого старика здесь не было, — ответила мать.

Тогда старик из-за сундука крикнул:

— Она неправду говорит. Она сама меня сюда спрятала.

И вышел навстречу братьям.

— Так ты не только хвастун, но еще и предатель, паршивый старикашка! — сказал старший брат.

Взяли братья-богатыри старика и начали его друг другу бросать. От страха у него чуть душа из тела не вылетела. Мать вступилась за старика, братья отпустили его, послап и легли спать. Старуха говорит:

— Пока ты жив, уходи отсюда. Сыновья мои завтра проснутся и будут тебя искать. Предательства они тебе не простят.

Старик молча ушел.

На рассвете он увидел, что три брата гонятся за ним. Куда деваться? Вдруг ближайший холм чуть пошевелился. Оказалось, это был огромный одноглазый мус. Он спал. Старик подбежал к мусу, залез на его голову и спрятался в уголке его глаза. Братья подъехали к мусу и кричат:

— Эй, проснись! Куда ты спрятал старика, за которым мы гнались?

— Ничего не знаю, никакого старика не видел, — ответил мус и опять заснул.

— Эй, проснись! — снова закричали братья. — Мы же видели, как он взобрался на твою голову. Только ты мог его спрятать! Отдавай старика!

Мусу это надоело, он схватил их всех вместе с конями одной рукой, встал и зашвырнул туда, куда конь должен скакать сорок девять дней.

А сам пошел домой. Дома жена поставила перед ним огромный тавак, до краев наполненный вареным мясом. Мус начал есть. И старик, который сидел в глазу муса, тоже захотелось есть. Он выпрыгнул из глаза и увал рядом с таваком. Мус от неожиданности вадрогнул и спросил:

— Кто ты, как ты здесь очутился?

Старик ему все подробно рассказал.

— В вашем глазу я спасся от трех братьев-богатырей,— закончил он.

Мус сказал:

— Ешь мясо со мной.

А когда они наелись, мус посадил старика к себе на ладонь и сказал:

— То, что ты рассказал,— это еще не сказка. Ты вот послушай, что я тебе расскажу.

Когда-то было нас шестьдесят разбойников. Однажды ехали мы по степи. Вдруг пошел проливной дождь. На холме мы увидели огромный череп коня. Мы все заехали в этот череп и укрылись от дождя. Я оказался у самого края, у самого входа, так как был самый слабый. Вдруг я увидел великана, который скакал по степи на рыжей лошади. На скаку он хватал холмы и подбрасывал их вверх. Когда он был уже близко, я выскочил из черепа и поспекал куда глаза глядят. В это время великан схватил холм, на котором лежал тот огромный череп, и вместе с моими друзьями-разбойниками подбросил к небу. Все погибли. Я погнался во всю мочь. Но великан протянул руку и взял меня. Он посадил меня на железный вертел, развел костер и повесил меня жарить. А сам заснул. Я соскочил с вертела. Рыжий конь великана заржал. Но хозяин его проснулся только на миг и заснул снова. Конь опять заржал. Великан закричал: «Почему ты ржешь, мешаешь мне спать?» Он ударил его плетью и опять заснул. Тогда я взял из огня раскаленный вертел и вонзил его в сердце великана. Тот вскочил и закричал: «Где мой барс, бегающий по горам? Где мой беркут, парящий в небе? Где мой кит, плавающий в море?» И рухнул мертвый. С неба на меня ринулся беркут. Он вырвал из меня кусок мяса и начал его клевать. Откуда-то прибежал барс и тоже бросился на это мясо. Остаток беркут кинул в море. Этот кусок схватил кит. А я тем временем успел спрятаться и остался жив. С тех пор здесь и живу.

Так закончил свой рассказ мус. И добавил:

— Никогда не хвались своей силой. Всегда найдутся богатыри сильнее тебя. Живи, как раньше жил, живи, как люди живут. Иди домой к своей старухе.

И старик пошел домой.

то было давным-давно. Жил на свете Сурумзул-Вумба-хан. Конь у хана был гладкий, светло-гнедой. Когда исполнилось хану восемнадцать лет, решил он жениться. Но на ком жениться? Где живет красавица, которая была бы достойна его? Взял он в руки священную книгу и стал читать. Вот что он прочитал: «Далеко-далеко, на юго-востоке, живет в блаженстве Тала-хан. Есть у него красавица-дочь, прекрасней которой нет. Так прекрасна она, что в сиянии лица ее можно табуи охранять. Так прекрасна она, что в сиянии глаз ее можно узор вышивать. Достигнуть ее может лишь богатырь Ээде-Мерген на светло-сером коне».

«Значит, она моя суженая,— решил хан Сурумзул.— Ведь богатырь Ээде-Мерген — мой богатырь!»

— Эй, позвать ко мне храброго богатыря Ээде-Мергена! — крикнул хан.

Пришел Мерген.

— Слушай меня, мой лучший богатырь, мой храбрый Ээде-Мерген. Я решил жениться. Я прочитал вот это место в священной книге и понял, что дочь Тала-хана — моя суженая, моя невеста. Ты поедешь за ней. Ты должен ее привезти.

— О великий хан,— ответил Ээде-Мерген,— Тала-хан живет далеко-далеко. Если птица филин вздумает туда полететь — трижды яйца успеет филин снести, трижды птенцов выведет филин в пути! Один ехать в такую даль не могу.

— О храбрый Ээде-Мерген! Ханство мое, как океан, велико! Много у нас бесстрашных богатырей. Выбери себе помощников, выбери себе попутчиков. Кого угодно бери.

— Что ж, я согласен. Я выберу сто самых лучших богатырей.

И начал готовиться в путь. Перед отъездом Мерген устроил для своих попутчиков великий пир. Три недели пили

богатыри пьянящую араку. Три недели ели богатыри вкусный, жирный махан.

И вот помчались на юго-восток сто лучших богатырей. Впереди на светло-сером коне скакал Эде-Мерген.

Долго-долго мчались богатыри. Где едут, не знали они. Считали, считали быстрые дни, и счет потеряли они. И даже Эде-Мерген забыл, когда он выехал в дальний путь.

И вот, наконец, они увидели огромный табун. Крупные серые кони были в том табуе.

Мерген позвал к себе юношу-табунщика и, поздоровавшись, спросил у него:

— Чьи эти крупные серые кони?

— Эти кони принадлежат всеильному Тала-хану.

— А как далеко до его дворца?

— Отсюда до дворца Тала-хана резвый конь тридцать три месяца без остановки бежит.

— А не дашь ли кобылу из табуна дружке моей поесть?

— Вы едете в гости к хану. Вы едете издалека. Как же вам не помочь? Берите, ешьте, храбрые богатыри!

И он выбрал для них четырех гладких коней. Расположились на зеленой траве богатыри, сварили мясо, поели и поскакали дальше.

Семью семь — сорок девять дней мчались богатыри. И вот на пути огромное стадо красных коров. Это стадо пас белобородый старик. Поздоровавшись, Мерген спросил у него:

— Чьих коров вы пасете, мудрый старик?

— Несравненный, всеильный Тала-хан хозяин этих коров.

— А как далеко до его дворца?

— Восемнадцать месяцев конь бежит до золотого дворца.

— А не дашь ли хотя бы одну корову дружке моей поесть?

— Вы едете к хану издалека. Как же вам не помочь?

И он выбрал для них четырех жирных коров.

Богатыри поели мяса и поскакали дальше. Семью семь — сорок девять дней прошли как один.

И вот на пути стоит большая гора. На вершине горы сверкает белый снег. Мерген на своем светло-сером коне взлетел на вершину и посмотрел вокруг. И вот вдали он увидал

светло-коричневый стройный дворец. Сияние восходящего солнца излучала крыша его. Казалось, легкий дворец парил над землей. Спустился с горы Эде-Мерген и сказал:

— Теперь до дворца Тала-хана уже не так далеко.

Богатыри помчались вперед. Дворец был совсем близко. И вдруг они наткнулись на колодец. Снаружи колодец был покрыт сверкающим золотом, а внутри — сияющим серебром. Остановились они у колодца. Наполнили колей. Расположились на отдых и стали следить за дворцом. Они побыли у колодца недолго и заметили, что каждое утро к дворцу стекаются толпы людей.

А во дворце в это время узнали, что какие-то чужие люди стоят у колодца. Величественный Тала-хан послал к колодцу гонцов.

— Узнайте у них, с миром они к нам пришли или с войной?

Эде-Мерген взял с собой семерых спичаей и поехал к хану. По ходу солнца, по обычаям предков объехал дворец и остановился у пестро-желтого знамени хана. Спрыгнул с коня, привязал его и вошел во дворец. Смело распахнул все восемнадцать дверей, подошел к трону великого хана Тала и по-ученому поклонился ему.

— Люди пришли к нам в гости. Сначала накормите и напоите их, а потом расспросите, зачем они к нам пришли, — распорядился хан.

Гостей накормили. Эде-Мерген встал и сказал:

— Я Эде-Мерген. Я приехал к вам на светло-сером коне. Я посол Сурумзул-Бумбы-хана. На северо-западе мой повелитель живет. Когда ему исполнилось ровно восемнадцать лет, когда захотел жемчужья Сурумзул-Бумба-хан, взял он в руки священную книгу и стал читать. Вот что в этой книге он прочитал: «Далеко-далеко, на юго-востоке, в блаженстве живет Тала-хан. Есть у него красавица дочь, прекрасней которой нет. Так прекрасна она, что в сиянии лица ее можно табуш охранять. Так прекрасна она, что в сиянии глаз ее можно узор вышивать». И аладыка послал меня сватать вашу дочь. Вот его дорогие подарки. Примите, хан.

— А каков же он из себя, тот, кто вздумал стать моим зятем? — спросил Тала-хан.

— Двенадцатым воплощением Будды является наш Бумба-хан *.

И тогда Тала-хан сказал:

— Последние три года мою дочь сватают сыновья ноёнов и ханов со всей вселенной. Но я обещал ее отдать только тому, кто выиграет в трех состязаниях. И хотя хан твой является двенадцатым воплощением Будды, ты, его посол, тоже должен участвовать в этих состязаниях. Выиграешь во всех трех, заберешь мою прекрасную дочь. Первое задание мое таково: за один день сто человек должны вынуть сто ведер араки и съесть сто баранов. Второе задание таково: снежно-белый хадак надо пронести сквозь раковину-дуг и не замять хадак. В большое отверстие надо вставить хадак и через малое отверстие вынести его паружу. Третье задание труднее всех: из пятисот одинаковых девушек надо узнать мою дочь.

— Я согласен выполнить ваши задания, хан, — с поклоном сказал Мерген.

А на другое утро Мерген и его богатыри пришли к ханскому дворцу на состязание. Мерген понял, что если каждого посадить, поставить перед ним ведро араки и вареного барана, то некоторые могут еду и питье не одолеть. И он приказал сварить сто баранов в ста кибитках и поставить в каждую кибитку ведро араки. А потом сто богатырей заходили в каждую кибитку и легко съедали и выпивали все, что в ней было. Так за день они обошли сто кибиток.

— Ну что, хан, выполнил я первое задание?

— Да, Мерген, ты мудр, ты выполнил, но посмотрю, как ты выполнишь второе задание.

— К нему я буду готовиться. Приду через месяц.

Он поймал муравья и приказал своим помощникам:

— Кормите этого муравья каждый день изюмом, сахаром и маслом. А я на месяц уйду.

Переоделся Мерген в одежду бедняка и пошел в кибитку к старухе, которая раньше служила у хана.

— Эдже, если у вас нет сына, я хочу быть вашим сыном, — сказал Мерген.

— Да, у меня нет сына, — ответила старуха. — Я согласна. Будь моим сыном.

И он стал жить у этой старухи, пасти ее овец и делать всякую домашнюю работу. Через несколько дней, когда старуха привыкла к нему, он спросил:

— Эдже, а почему это около дворца вашего хана каждый день собирается так много людей?

— О, неужели ты не знаешь, что уже три года, как сыновья ханов и бойцов сватают дочь нашего хана? Но хан устроил для них состязания, и вот люди приходят смотреть. Говорят, что богатыри, приехавшие с северо-запада, недавно выиграли первое состязание.

Через некоторое время Мерген пошел к своим узнать, как ухаживают за муравьем. Оказалось, что у него от жирной пищи вырос длинный хвост, а сам он стал сильным и быстрым.

Вернулся Мерген к старухе и сказал:

— Отпустите меня, эдже, на несколько дней.

— Иди, иди, сынок, гуляй, но береги себя.

Пришел Мерген к своим друзьям, взял у них откормленного муравья, переделал в свою одежду богатыря и пошел к хану.

Хан ему дал раковину-дунг и снежно-белый хадак. Вышел Мерген из дворца, а народ стоит ждет. Все хотят посмотреть, как выполнит Эде-Мерген второе задание. А он взял муравья, привязал хадак к его хвосту, в малое отверстие раковины положил изюм и сахар, а в большое пустил муравья. Муравей к тому времени проголодался, почувал запах изюма, к которому он привык, и побежал сквозь раковину. Вылез он из малого отверстия и вытащил снежно-белый хадак, несколько его не испачкав. Все стали поздравлять Мергена.

— Ну что, хан, выполнил я второе задание?

— Да, мудрый Мерген, и со вторым заданием ты справился. Посмотрим, как ты справишься с третьим, самым трудным.

Мерген вернулся к старухе и сказал:

— Сегодня опять было очень много народу у дворца, было очень шумно. Что там такое, не слышали?

— Говорят, что те приезжие богатыри выиграли и второе состязание. Да, интересно, смогут ли они выиграть

третье. Ведь для этого надо знать тайные приметы ханской дочери.

— А вы знаете их?

— Знаю.

— А какие же это приметы, ээдже?

Старуха молчит. Мерген поделю ее спрашивает,— молчит. Вторую поделю,— молчит. Наконец, она сказала.

— Я могла бы тебе рассказать ее приметы, но я боюсь хапа. У него есть священная книга, в которой отражается все, что делают простые люди.

— Не беспокойтесь, ээдже, я сделаю так, что хап ничего не узнает. Мы с вами обманем эту книгу. Надо в этот большой котел насыпать перьев, вы залезете в него, я закрою котел крышкой, к крышке приставлю трубу и через трубу буду слушать, что вы мне скажете.

Так и сделали. Поставили котел на треногу, старуха залезла в него, Мерген его закрыл, обмазал глиной, сверху к крышке приставил деревянную трубу, к трубе приставил широким отверстием раковину-дунг, а к узкому отверстию приложил ухо. Вот что он услышал: «Когда придешь к пятистам девушкам, будь веселым, старайся их рассмешить. Шутя, выдумывай небылицы. Когда девушки будут смеяться, обрати внимание на их зубы. У ханской дочери на шести верхних передних зубах написана священная шестисложная молитва». — И она замолчала.

А на другой день Ээде-Мерген пришел к хану и сказал, что готов к третьему состязанию.

— Иди, Мерген, иди, посмотрим, как ты мудр. Ведь еще никто не сумел узнать мою дочь.

И дунгчи хана объявили:

— Выходите, умные и смекалстые! Ищите среди пятисот одинаковых девушек дочь хана!

Ээде-Мерген вместе с сыновьями ханов и ноюпов начал ходить среди девушек и смешить их. И все смотрел на их зубы. И вот, наконец, он заметил у одной из них на верхних зубах шестисложную молитву.

— Вот она, дочь хапа! — громко сказал Мерген.

Тала-хап задрожал от гнева. Он понял, что теперь придется ему отдать замуж свою прекрасную дочь, а вместе

с ней четвертую часть скота всех четырех родов. «Что же, кто рассказал ему признаки моей дочери?» — подумал хан. Он побежал к себе читать священную книгу. И он прочитал: «На трех железных ногах, с чугуниной шкурой, с глиняным поясом, с телом из перьев, с деревянным хоботом — вот кто рассказав, хан, твою великую тайну!»

Удивился хан и сердито сказал:

— Нет на земле такого существа! Врать стала моя священная книга! Потеряла она свое волшебство! — И бросил книгу в огонь.

А Мерген пришел к хану и говорит:

— Ну что, хан, и третье состязание я выиграл?

— Да, выиграл, — ответил задумчиво хан.

— А если так, то приглашаю вас завтра на пир-хурюм, который я устраиваю в честь невесты нашего Сурумзул-хана.

Пировали они семью семь — сорок девять дней. А как кончился пир, Мерген сказал:

— Теперь нам пора в дорогу, великий Тала-хан.

Хан ответил:

— Я выдаю за вашего хана мою единственную дочь. За ней я отдаю четвертую часть скота всех четырех родов и десять тысяч кибиток. Кроме дочери, у меня никого нет. Я прошу тебя, мудрый Эде-Мерген, останься у меня, будь моим сыном. Я тебя полюбил.

«Придется согласиться, чтобы все благополучно ушли, — подумал Мерген. — Иначе он что-нибудь придумает и всех нас задержит».

— Я согласен, — ответил Мерген, — я останусь с вами, великий хан.

И вернулся к своим друзьям.

— Мой друг, богатырь Цаган-Дархан! — сказал Мерген, — ты вместо меня поведешь дружинку, дочь хана, скот и людей. Где будет длинная черта — там иди. Где будет круг — вочуй. А я через несколько дней вас догоню.

И он попрощался с дружиной, пожелал им белого пути*.

Прошло несколько дней. Эде-Мерген начал думать, как бы вырваться из плена Тала-хана. И он решил притвориться больным.

— Мой хан, — сказал он. — Я очень болен. Я не могу походить в дворец: здесь слишком шумно. Дайте мне отдельную кибитку.

— Я все сделаю, что хочет мой сын, — сказал хан.

Эде-Мерген перешел в белую кибитку, которую поставили вдали от дворца в открытой степи.

Дунгчи Тала-хана объявили по всем его владениям:

— Кто вылечит сына хана, получит половину его скота!

Приходили мудрые знахари, приходили знаменитые эмчи, но никто ничего не мог понять. А Эде-Мерген чувствовал себя все хуже и хуже. Он начал худеть и желтеть. Тогда Тала-хан призвал самого главного ламу своих владений.

Мерген узнал, что к нему едет главный лама. «Как бы мне его провести? — подумал он. — Мне поможет дохлая собака! Да. Она лежит недалеко от кибитки». Он притащил собаку в кибитку и положил рядом с собой. Пока приехал главный лама, собака разложилась и начала издавать зловоние. Лама вошел в кибитку и тут же выскочил. Хапу он сказал:

— Я лечу больных на расстоянии. Мне не обязательно подходить к больному. И болезнь я могу распознать, даже не заходя в кибитку. Вот шелковая нитка. Пусть один конец ее больной привяжет к своей руке. Я буду держать нитку за другой конец и все узнаю.

Мерген привязал конец нитки к лапе дохлой собаки. Лама долго держал в руках другой конец нитки, а потом сказал:

— У больного омертвели кровеносные сосуды. Других болезней нет. А вылечится он только тогда, когда съест то, что захочет.

Хан обрадовался: значит, можно вылечить любимого сына! И все рассказал Мергену.

— Что хочешь проси, дорогой Мерген! Я дам тебе все, что угодно!

— Что ж, хан, если вы согласны дать мне все, что угодно, то я прошу три лекарства. Сожгите кусок сандалового дерева, пеплом его наполните человеческое сердце и дайте его мне. Потом заколите барана и кровью, взятой из его рубца, наполните человеческое сердце и дайте мне. А по-

том возьмите два человеческих глаза, наполните их золотом и дайте мне!

— О сын мой, все, что ты требуешь, невыполнимо! Ведь никто из людей не согласится погибать из-за тебя!

И тогда Мерген сказал:

— Отец, приближается час моей смерти. А мужьяны умпрают в дикой пустынной глуши. Дайте мне двух слуг, которые проводят меня в далекий путь.

Хан согласился и дал двух слуг. Вместе с Мергеном они поехали в степь. Уехали далеко и остановились отдохнуть. «Как бы мне от них избавиться?» — подумал Мерген. И он решил их напоить. Когда те опьянели и заснули, он вскочил на своего светло-серого коня и поскакал назад, к дворцу Тала-хана. Хану Мерген сказал:

— Сколько ни приручайте дикую птицу, она не будет домашней. Сколько ни ласкайте чужого сына, он не будет родным. А вы, хан, не знаете простых вещей. Я действительно для своего исцеления попросил у вас то, что невыполнимо. Но не потому, что для этого нужны были человеческие сердца. Нет, вам они не понадобились бы, потому что вам печем было бы их наполнять. Вы не знаете простых вещей: сандаловое дерево сгорает без пепла, в рубце барана не бывает крови, а глаза человека ненасытны, и золотом их никогда не наполнишь. Ваших верных слуг я наполнил дольями и оставил спать в степи. А теперь, хан, прощайте!

И он взлетел на своего светло-серого коня, объехал дворец по ходу солнца и повернул на северо-запад. Ехал дни и ночи. Ехал без отдыха и без сна. Девятимесячный путь прошел за девять дней и нагнал свою дружину.

«Как прекрасна она, — подумал он, глядя на дочь Тала-хана. — Недаром о ней в священной книге написано, что в сиянии лица ее можно табу охранять, а в сиянии глаз ее можно узор вышивать». И он ехал рядом с красавицей и не знал, что ей сказать.

А она три недели молчала и вдруг спросила:

— Каков он, Сурумзул-Бумба-хан, мой жених?

«А что если я темного пошучу над ханом?» — подумал Мерген и ответил красавице:

— Наш хан всем хорош, но рот у него, как у барса.

Молча ехали еще семь дней.

И вот остался всего месяц пути. Мерген на своем светло-сером коне поскакал вперед, чтобы предупредить о приезде дочери Тала-хана. Через три дня он был во дворце.

— Мой хан,— сказал Мерген,— я выиграл состязания у Тала-хана, и он отдал мне свою прекрасную дочь. Я везу ее к вам. Скоро она приедет вместе с моей дружиной, со своими подданными и скотом.

— Спасибо тебе, мой храбрый Мерген. А скажи, так ли она красива, как сказано в священной книге?

Мерген вспомнил свою шутку и сказал:

— О хан, она очень красива, но губы у нее, как у зайца.

Скоро приехала повеса с дружиной, со всеми подданными и скотом. К пиру уже все было готово.

Когда красавица входила во дворец, она подумала: «Ведь у хана рот, как у барса. Чтобы его не смущать, надо прикрыть свой рот». И прикрыла его рукавом. Хан Сурумзул увидел это и подумал: «Не зря мне Мерген говорил, что у нее губы, как у зайца. Стыдитесь. Прикрывается». Он отвернулся от нее.

«Он отвернулся от меня, — подумала красавица, — значит, у него и вправду рот, как у барса». И тоже отвернулась.

Но когда они сели за угощение, то увидели друг друга и поняли, что Мерген их обманул.

Хан ушел с пира, взял с собой палачей, вызвал к себе Мергена и приказал вырвать ему оба глаза. Глаза он бросил в пазу с водой и поставил ее в прохладное место. Мергену он сказал:

— Иди, куда хочешь, живи, где хочешь, а в мое ханство не заходи!

Эде-Мерген со своим верным слугой пошел на юг. Они пришли к высокой горе, построили шалаш и стали в нем жить. Слуга каждый день уходил на охоту и приносил для слепого Мергена мясо.

Однажды Сурумзул-хан начал строить великий дворец. Он хотел построить такой дворец, какого не было нигде в мире. Он хотел, чтобы этот дворец стоял вечно и было бы на века прославлено имя Сурумзул-Бумбы-хана.

Но ханские мастера ничего не могли сделать. Как

только возводили они стены пужной высоты, стены разваливались. Тогда хан собрал мастеров и сказал:

— Да, жалко, нет моего мудрого Ээде-Мергена! Он бы нам подсказал, что сделать, чтобы стены не разваливались. Если бы был Ээде-Мерген!

И он кликнул клич по ханству: «Кто пойдет к Ээде-Мергену и выведает у него тайну, как надо построить великий дворец, чтобы он не разваливался, тот получит четвертую часть скота всех четырех родов».

В большом хуруле Сурумзул-хана служил манджик, племянник Ээде-Мергена.

— Я пойду к Мергену,— сказал манджик,— я выведаю его тайну!

И он пошел к Мергену. С собой он взял два ремешка с пряжками.

Мерген его спросил:

— Кто ты, зачем ко мне пришел?

— Это я, твой племянник, манджик.

— Кто тебя сюда прислал?

— Меня хан изгнал из своих владений. Сначала я жил в большом хуруле, оттуда меня прогнали. Потом жил в среднем, потом в малом. Когда выгнали из малого хурула, хан сказал: «Уходи из моих владений и даже на край их ногой не ступай!» И вот я ищу приют.

— Ну если так, живи у меня. Будешь есть то, что приносит мой слуга с охоты. А скажи мне, манджик, что нового у нашего хана?

— Наш хан давно начал строить великий дворец, такой, чтобы стоял вечно и вечно славил ханское имя. Но ханские мастера никак не могут его построить. Как возведут стены до пужной высоты, они обрушиваются.

— Так и должно быть. И они никогда не узнают причины.

— А что за причина, скажите, дяди?

— Со временем скажу. Живи у меня.

Манджик начал выполнять домашнюю работу: варить мясо, убирать жилище. Однажды он крикнул:

— Дворец разваливается! Даже отсюда видно!

И тогда Мерген начал рассказывать:

— Так у них будет всегда, потому что они не знают секрета. А надо пойти коня, у которого три ноги пестрые, у которого шерсть такая короткая, что нехватишь, а на лбу длинная белая лысина. Копь должен быть вinoxодцем. Ему должно быть четыре года. Седло на нем должно быть красное, а сбруя вся в чекашном серебре. На коня надо посадить трехлетнего мальчика и замуровать их в основание на девять локтей в глубину. И тогда дворец будет стоять вечно.

Манджик тихонько записывал все, что говорил Мерген. Но слепой Мерген услышал шорох бумаги и закричал:

— Ты записываешь? Ты пришел выведать мой секрет! Отдавай бумагу!

И бросился к манджику, но тот вывернулся, пробежал под руками слепого Мергена и выбежал из шалаша. Мерген крикнул слугу. Слуга прибежал.

— Беги, догоний манджика, он утащил мой секрет!

Слуга догнал манджика.

— Что ты взял у Эде-Мергена?

— Я взял у него эту пряжку.

И манджик отдал слуге ремешок с пряжкой. Слуга вернулся к Мергену.

— Вот она, ваша пряжка, мой хозяин.

— Какая пряжка, зачем мне пряжка? Он утащил секрет! Беги за ним снова, отними секрет!

Слуга опять побежал за манджиком и догнал его уже очень далеко от кибитки.

— Ты что меня обманываешь, мальчишка? Ты не пряжку взял у моего хозяина, а секрет!

— Его секрет в этой пряжке, — ответил манджик и отдал слуге второй ремешок с пряжкой.

Слуга пернулся к Мергену.

— Нет, ты меня не понял, — сказал Мерген. — Мой секрет в словах. Слова он написал на бумаге. Эту бумагу надо было отобрать.

Слуга снова побежал за манджиком, но не догнал его.

Манджик пришел к хану Сурумаулу и рассказал ему секрет Мергена. Хан все сделал, как сказал манджик. Дворец был построен, и видно было, что он будет стоять вечно.

Однажды Эде-Мерген сказал своему слуге:

— Надо заставить хана, чтобы он пернул мне мои глаза. Воланы наш шалам и перенеси его на вершину вон той зеленой горы. А потом пойди на серую гору. На ее вершине лежат огромный бык. Он прикрывает собой пуп земли. Сдвинь быка с места. Из-под него хлынет вода. И затопит все ханство Сурумзул-хана. Тогда он сам принесет мне мои глаза.

Слуга все сделал, что приказал Мерген. Сдвинул с места быка, и из-под него хлынули потоки воды. Началось наводнение.

— О, если бы здесь был Эде-Мерген! — воскликнул хан. — Он бы спас нас от наводнения. Идите, слуги, разыщите мне Эде-Мергена!

Слуги прибежали туда, где жил Эде-Мерген, но там его уже не было. И все-таки его нашли.

— Возвратись к хану, — сказали они, — тогда хан вернет тебе твои глаза.

— Нет, я не возвращусь к хану. А хан, если я ему нужен, пусть сам вместе с ханшей придет ко мне и принесет мне мои глаза, — ответил Мерген.

Слуги доложили эти слова хану. Хан пришел к Мергену вместе с ханшей и принес ему его глаза. Мерген вложил их под брови и стал видеть.

— Мерген, прошу тебя, останови наводнение, — сказал хан, преклонив колени.

Мерген послал своего слугу, чтобы тот подвинул на место огромного быка. Слуга подвинул его и остановил воду. Все были спасены.

— Спасибо тебе, — сказал хан. — Ты мой лучший богатырь. Ты самый мудрый человек. Прости меня, я был нечестным, я не должен был тебя ослеплять. Возвращайся в мое ханство.

— Я прощаю тебя, хан, — ответил ему Мерген. — Но в ханство твое не вернусь.

И Мерген остался жить в своем шаламе.

или когда-то один хитрец. Его звали Сеняка. Он нахал землю, сажал картошку. Тем и жил. Когда в степь пришла весна, все звери собрались на праздник. Они радовались, что благополучно перезимовали. Все бегали по молодой траве, играли, веселились. Была среди них и лисица. Она веселилась больше всех, играла со своей телью, кувыркалась, кружилась. И вдруг занозила себе лапу. Все веселье пропало. Захромала она в сторону, туда, где потише, и добралась до вспаханного поля Сеняки.

А Сеняка в это время спал и видел сон, будто на его поле лежит красивая рыжая лисица. Вскочил Сеняка, схватил лопату и побежал на поле. Видит, лежит мертвая лисица. Подошел поближе: «Нет, она не мертвая, она дышит», — подумал Сеняка. Подошел еще ближе и увидел: из правой передней лапы лисицы торчит колючка. А лисица не убегает. «Наверное, она хочет, чтобы я вытащил у нее запозу». Взял Сеняка лисицу, связал ей лапы, а потом уже вытащил колючку.

«Меня не проведешь», — подумал он. Положил связанную лисицу на край своего поля, взял лопату и начал сажать картошку. Он сажал и думал. Сажал и думал. А думал он вот что: «Почему на земле есть богачи? Житья от них нет простым людям. Как избавиться от богачей?» Но так ничего и не придумал.

В это время три брата-богача после осмотра своих многочисленных табунов охотились в тех местах. Подъехали они к Сеняке. Начали с ним разговаривать. Сеняка им отвечает, а сам думает: «Какие у них сильные, красивые кони! Вот бы мне такого коня! У меня никогда не было коня».

А старший брат говорит:

— Сеняка, вон у тебя лежит, свернувшись, собака. Не продашь ли ее нам?

— Нет, не продам. Это у меня единственная собака. В степи она мне скотница. В руках она мне дитя.

— А почему ты своей гончей связал все четыре ноги?

— Я ее связываю, потому что она очень резвая, слишком много зверей ловит.

Богачи стали упрашивать Сеняку, чтобы он продал эту собаку.

— Продать не продам, а променять на хорошего коня могу!

Богачи обрадовались, и младший брат отдал ему своего коня. Сеняка взял его, отдал лису и сказал:

— Вы зря ее не пускайте. Развяжите ей ноги только тогда, когда увидите зверя. Она его догонит и сама принесет.

Богачи уехали.

Сеняка сидит и думает: «Что же будет? Ведь они скоро поймут, что я их обманул! Что я им отвечу?»

А братья-богачи приехали в свой табун, поймали коня для младшего брата и поскакали домой. По дороге они увидели зайца. Они пустили за ним собаку, а сами поехали медленно, чтобы подождать собаку.

— Сейчас она принесет нам зайца,— сказал старший брат.

Но скоро они поняли, что ждать бесполезно.

— Наверное, собака поймала зайца и принесла его к своему старому хозяину, к Сеняке,— сказал средний брат.

— Завтра мы к нему поедem,— сказал младший.

А Сеняка приказал своей жене пожарить картошки, сварить чай, пожарить борщигов и приготовить араку. Потом он выкопал около кибитки яму и все угощения спрятал в ней. Сверху он забросал яму землей и разравнял. На стену он повесил толстую палку на ремешке и сидит ждет братьев-богачей.

Прискакали братья. Сеняка набил табаком их трубки и подал каждому с почтением.

Старший брат сказал:

— Собаку твою мы пустили на зайца. Но после этого не видели ни собаки, ни зайца. Наверное, собака вернулась к тебе. Отдай ей!

— Нет, она ко мне не прибегала,— ответил Сеняка.—

Наверное, было так: заяц забежал в пору. И собака за ним. А пора была узкая, собака в ней застряла и задохнулась. В прошлом году был такой случай. Я ее откопал. Она тогда чуть не погибла. А теперь вот вы ее не нашли. Эх, жалко собаку.

— Да, наверное, так и было,— сказали братья.

Тут Сеняка снял со стены толстую палку на ремешке, вышел из кибитки, ударил по тому месту, где закопал араку, чай, картошку и борщиги. Ударил три раза и выпул из ямы все угощения. Братья за ним подглядывали. Сеняка внес в кибитку все, что достал из ямы, и начал угощать богачей. Когда братья захмелели, старший сказал:

— Забудем об этой собаке, друг наш Сеняка! Давай лучше меняться. Хочешь моего коня? Берн. А мне за него дай вот эту палку на ремешке.

Сеняка сказал:

— Нет, обменять ее не могу. Эта палка волшебная.

— Мы знаем, что она волшебная, потому и просим. Отдаем тебе лучшего коня!

— Нет, одного коня мало. Коня я съем за две недели, а палка может кормить всю жизнь.

— Ну, возьми двух копей.

— Ладно, давайте.

Сеняка взял двух коней, а братья, радостные, ушли домой с палкой. Но сколько они дома ни били палкой по земле, сколько ни копали потом на этом месте, ничего не нашли.

— Я думаю, Сеняка нас обманул. Да и с собакой тоже. Завтра поедем и проучим его. Всыпем ему плетей! — сказал старший брат.

А Сеняка знал, какие жестокие эти братья. Немало бедняков убили они своими плетями. И Сеняка придумал, как еще раз обмануть богачей и отомстить им за всех. Он взял овечью толстую кишку, наполнил ее кровью, завязал и спрятав под шапку своей жене. Ей он сказал:

— Скоро приедут богачи. Я скажу тебе: «Жена, вари чай!» А ты сиди, не двигайся. Я еще раз повторю — не шевельсь. В третий раз я прикрикну — не обращай внимания. Тогда я вскочу, схвачу нож и ударю тебя по голове. Кишка

дохнет, хлынет кровь. Ты надай. Я возьму свою плетку и ударю тебя три раза. Тогда ты вставай и пид варить чай.

Приехали братья-богачи.

— Эй, жена! Видишь у нас гости! Вари чай! — крикнул Сеняка.

Жена сидит будто и не слышит. Сеняка повторил. Сеняка крикнул в третий раз, потом схватил нож и ударил им жену по голове. Хлынула кровь. Жена упала. Тогда Сеняка снял со стены свою плетку, ударил жену этой плетью три раза и сказал:

— Вставай, вставай, милая!

Жена вдруг встала и говорит:

— Сейчас я вам сварю чай.

Братья-богачи смотрят, от удивления слова сказать не могут. Забыли даже, зачем пришли.

А жена Сеняки сварила чай и начала их угощать.

Старший брат говорит:

— Друг наш Сеняка, отдай нам эту плетку, мы тебе дадим двух коней.

— Нет, не могу вам ее отдать. Она мне самому нужна. Я очень сердитый и часто убиваю людей. Чем же я буду их оживлять, если отдам вам ее?

Наконец, Сеняка согласился и отдал плетку за трех коней.

Братья-богачи побежали с плетью домой. Им хотелось скорее ее испытать. Все трое зарезали своих жен. Но сколько они их ни били плетью, жены не встали.

На другой день братья собрались к Сеняке.

— Мы убьем его! — воскликнули они. — Мы его свяжем и сожжем!

А Сеняка сидел дома и больше ничего не мог придумать. Вдруг прискакали братья-богачи, схватили Сеняку, связали и потащили в степь. Привязали его к тополи у ручья. А сами поехали искать дров, чтобы сжечь Сеняку.

«Зачем они поехали? — думал Сеняка. — Что они хотят со мной сделать?»

В это время мимо него чабан гнал отару, принадлежащую этим богачам. Был чабан старый, горбатый, а глаза в трахоме. Подошел он к Сеняке и спрашивает:

— Что ты делаешь, почему ты привязан к дереву?

— О, это волшебное дерево. Вы же знаете меня. Я Се-
няка. Я сажаю картошку. И вот от долгого труда я стал гор-
батым. И глаза у меня последнее время стали болеть. А вот
это дерево все вылечивает. Посмотри, старик, на мои глаза!

— У тебя адоровые глаза.

— Ну тогда отвязывай меня. Наверное, и свина уже вы-
прямилась.

Старик отвязал Сесяку и увидел, что спина у него пря-
мая.

— Здесь многие лечатся,— сказал Сесяка.

— Послушай, друг Сесяка, привяжи и меня к этому де-
реву.

Сесяка привязал старика, а сам взял его отару и погнал
к себе домой.

Братья-богачи вернулись с дровами. Они готовы были
всех расторгать.

— Да ведь это не Сесяка у дерева,— сказал младший
брат.

— Нет, это он! Это просто его новая хитрость! Он нас
снова обманывает и принял не свой вид! — грозно сказал
старший брат. — Мы его все равно сожжем!

— Но ведь я не Сесяка! — закричал старик.

— Врешь, ты Сесяка.

И они сожгли старика.

— Поедем теперь в кибитку этого хитреца и заберем все,
что у него есть,— сказал средний брат.

Поехали в кибитке. Видят: стоит Сесяка, а около него
огромная отара.

— Что такое? Мы же тебя сожгли! Как ты здесь по-
явился? — спросил старший брат.

— А помните, из костра летели искры? Одной искрой был
я. Я попал в ручей, а оттуда в реку. В это время водяные де-
лили свое богатство. Я помог им разделить овец. И они мне
за это дали вот эту отару.

— А ведь верно,— сказал средний брат,— река сегодня
волновалась и шумела. Наверное, в это время водяные делили
своих овец.

— Да, они утром делили овец, а сейчас делают копей. Хо-
рошие кони у водяных, я видел.

У братьев-богачей глаза от жадности разгорелись. Много у них своих коней, а еще больше хочется.

— А как бы нам понасть туда, помочь им разделить коней? — спросил средний брат.

— Надо взять в руки по прутику, чтобы не снесло течение, да насыпать в шаровары побольше песку, чтобы тверже идти по дну.

Братья насыпали себе полные шаровары песку. Взяли по прутику.

— А кому идти сначала?

— Сначала идет старший брат, за ним средний, а последним младший, — ответил Сеняка. — Идите друг за другом, не отставайте.

Первым вошел в воду старший брат. Он быстро начал тонуть. Над водой он взмахнул рукой, в которой был прутик.

— Это он вас зовет, — крикнул Сеняка.

И братья один за другим вошли в воду. Все они тут же утонули.

Так Сеняка отомстил злым богачам.

Три сына старика Дживдя

ил когда-то старик Дживдя. У него было три сына. Однажды старик тяжело заболел. Сыновья не отходили от него, делали все, что можно. Но старость взяла свое.

Однажды ночью, накануне смерти старик сказал:

— Половину моего скота отдайте за молебен, а другую половину расходуйте по-хозяйски...

А потом совсем тихо добавил:

— На юге три тополя...

И умолк. Слова эти услышал только младший брат. А к утру старик умер.

Три брата расходовали скот совсем не по-хозяйски. И скоро съели последнюю овцу.

Тогда младший брат вспомнил последние слова отца: «на юге три тополя...» Не сказав братьям ни слова, он незаметно ушел на юг к трем тополям. Между ними он начал копать яму и нашел там драгоценный камень-эрдни с лошадиную голову величиной. Взял он камень-эрдни, яму засыпал, а сверху заложил кусками дерна, чтобы никто не подумал, что здесь копали.

Прошло несколько дней, и старшие братья вспомнили, что отец когда-то закапывал около трех тополей драгоценный камень-эрдни. Они побежали к тополям. Стали копать. И поняли, что кто-то здесь недавно копал, а яму прикрыл дерном. «Здесь некому было быть, кроме нашего младшего брата», — решили они. Прибежали к младшему брату и говорят:

— Пропал камень-эрдни. Хоть ты взял — ты взял, хоть не ты взял — ты взял. Признавайся!

Младший брат не признается. Пугали они его — не признается. Ласкали — не признается. И тогда они решили отвести его на суд к хану Балаку.

На другое утро отправились в ханский улус. Впереди шел старший брат, позади средний. Младшего держали в середине, чтоб не убежал. Идут, идут по дороге и видят: пересекает ее другая дорога, а на ней следы верблюда.

Старший брат говорит:

— Горбы этого верблюда свисают влево.

Средний брат говорит:

— Да, вы правы, мой старший брат, горбы у него свисают влево и нет у него правого глаза.

Младший брат говорит:

— Вы правы, мои старшие братья. А едет на верблюде женщина да к тому же еще беременная.

Через некоторое время они встретили богатого человека на красивом карем копе. Он скакал без седла, без узды. Было видно, что у него что-то случилось. На всем скаку он осадил коня, поздоровался с братьями и спросил:

— Вы в дороге ничего не видели?

— Нет, ничего, — ответил старший брат. — Но видели след верблюда. Горбы его свалены влево.

— Это не верблюд, а верблюдица,— добавил средний брат,— а правого глаза у нее нет.

А младший сказал:

— На верблюдице сидела беременная женщина, ушедшая от мужа.

— Вы ее видели, видели! — закричал всадник.— А раз видели, найдите мне ее!

— Мы никого не видели, мы видели только след,— ответили братья.

— Нет, вы мне не хотите ответить! Я вас отведу на суд к хану! Он вас накажет за то, что вы скрываете, где моя жена!

Пришли к хану. О них доложили. Хан сказал:

— Пусть войдут.

Все четверо вошли, поклонились хану. Богатый мужчина сел повыше, а братья сели у самых дверей друг за другом, по старшинству. Хан сказал:

— Напите их всех, а потом я буду слушать, что они мне расскажут.

Сначала заговорил богатый мужчина.

— Моя жена,— сказал он,— ушла от меня. Она уехала на верблюдице. Эти три брата видели ее и не хотят мне помочь ее найти. Они утверждают, что видели только след. Но все в их рассказах полностью совпадает с приметамы моей жены и моей верблюдицы! Я уверен, что братья видели ее! Но они не хотят признаться!

Хан спросил братьев:

— Кто вы такие? Кто ваш отец?

— Мы сыновья старика Дживдя,— ответил старший брат.

Хан, услышав этот ответ, приказал всем выйти. Когда богач и три брата вышли, хан сказал своему главному министру:

— Я знал старика Дживдя. Его сыновей надо беречь. Они не простые. Они очень наблюдательные. У них надо учиться. Я верю, что они не видели верблюдицу, а все поняли по следу. Но не мешает их проверить. Поставьте для них белую кибитку, зарежьте барава, принесите кумыс. Надо их угостить. А сейчас пусть войдут ко мне, я послушаю, что они скажут.

Братья вошли. Старший говорит:

— О великий хан! Мы пришли к вам, чтобы вы разрешили наш спор. Наш отец Дживдя зарыл когда-то около трех тополей драгоценный камень-эрдни с лошадиною голову величиной. Этот камень должен принадлежать нам троим. Когда мы со средним братом пошли за ним, под тремя тополями его не оказалось. Его кто-то выкопал, а яму заложил дерпом. Мы уверены, что камень-эрдни забрал ваш младший брат. Но он не признается. И пугали мы его — не признается. И ласкали — не признается. И вот привели к вам на суд.

Хан сказал:

— Вы пришли издалека. Вы устали, проголодались. Для вас все приготовлено. В белой кибитке для вас сварен барап. Идите ешьте, отдыхайте. А о вашем споре поговорим потом.

Братья ушли. Хан вызвал главного министра и приказал строго следить за ними, чтобы они никуда не ушли.

И вот сидят они в белой кибитке, едят барапа, пьют кумыс. А главный министр стоит у кибитки и слушает. Старший брат говорит:

— Вы думаете, нам дали кумыс? Нет, это не кумыс. Это человеческая кровь.

Средний брат говорит:

— Вы думаете, нам дали баранину? Нет, это не баранина. Это собачье мясо.

Младший брат говорит:

— нас угощает хан. А хан наш не белой кости, а черной.

Главный министр побежал к хану и все, что говорили братья, доложил ему. Хан рассердился. Он вызвал гююче и спросил ее:

— Что за кумыс ты дала трем братьям? Признавайся!

— О хан, — ответила она, — я все расскажу. Когда я допла кобыду, у меня из носу вдруг пошла кровь и попала прямо в молоко. Мне стало жалко его выливать, и я сделала кумыс из молока с кровью.

— О, братья правы, братья правы, — сказали советники.

Хан вызвал чабапа.

— Признавайся, какое мясо ты дал тем братьям? Разве ты им дал не баранину? Разве ты дал им собачье мясо?

— О хан, я сейчас все расскажу. Это было три года назад. В отаре пало много овец. Некому было выкармливать

ягпат. И вот одного ягнепка я нутнал к своей собаке. Она его выкормила. Этого барана я и зарезал для наших гостей.

— Братья правы, братья правы,— в один голос заговорили ханские советники.

Хан сидит и думает: «Оба раза они оказались правы. Напервое, они и в третий раз окажутся правы. Значит, я не белой кости. Но при советниках я выяснять это не буду. Пойду к матери сам». Он пришел к матери и спрашивает:

— Скажите мне, правда ли, что я не белой кости?

— Откуда ты это узнал? — спросила мать.

— Отвечайте!

— Да. Я не хотела тебе этого говорить, но раз ты узнал, слушай. Давно это было. Мой муж, великий хан, ушел воевать. Очень скоро он погиб. Чтобы ханство не распалось, чтобы ханство стояло, чтобы был пад ханством хан, я сошлась с простым человеком и родила тебя.

«Опять братья правы»,— подумал хан и пошел к ним в белую кибитку.

— Я не вправе решать ваши споры,— сказал он.— Я человек черной кости. А вот на юге живет мудрая белая девушка. Она может разрешить любой спор. Идите к ней.

Братья пошли на юг. Шли долго, шли, не зная усталости, шли и потеряли счет дням. И, наконец, нашли эту мудрую девушку. Рассказали ей, зачем пришли.

— Сначала я задам вам задачу,— сказала она,— и если вы дадите правильный ответ, я буду решать ваш спор. Слушайте. Когда-то давно пошел один человек к далай-ламе. А на пути к далай-ламе сидел волк, который никого не пропускал. Но этого человека волк не тронул. Он его просто прозевал. Так кто же по-вашему безгрешен: далай-лама, волк или человек?

Старший брат ответил:

— Конечно, безгрешен далай-лама.

Средний брат ответил:

— Конечно, безгрешен волк.

Младший брат ответил:

— Конечно, безгрешен человек.

— Ты и взял камень-эрдни,— сказала белая девушка младшему брату.— Неси его сюда.

Делать нечего, пришлось младшему брату пойти за камнем и принести его. Белая девушка расколола его на три части и раздала братьям. Они поблагодарили ее и пошли домой.

По дороге они услышали, что хан Черджи выдает замуж свою дочь. Они пришли в ханский улус и узнали, что дочь хана сидит одна в белой кибитке и ни с кем не разговаривает. Никто не может заставить ее сказать даже одно слово. Кто ее разговорит, тот возьмет ее в жены и станет ханом. Но если пришедшему не удастся ее разговорить, ханская дочь может столкнуть его в пропасть-ад. Много сыновей ханов и ойонов сидят уже в этом аду.

Первым пошел в белую кибитку старший брат. Он не сумел разговорить красавицу и пошел в пропасть-ад. Скоро и средний брат оказался там же. Младший подумал: «Нет, я сразу в белую кибитку не пойду. Надо подготовиться. Надо придумать что-нибудь интересное. А про занае иметь что-нибудь необыкновенное. Надо найти птицу-тоти, говорящего попугая».

И он пошел искать птицу-тоти. Искал долго, где только не бывал. Прошло три года, а птицы-тоти нет. И, наконец, он нашел птицу, но не живую, а мертвую. Она умерла три года назад. Собрал младший брат в одну кучу все ее кости и перья, взял аршап, живую воду, намочил ею кости и перья, и птица оживла. Оживла и сказала:

— Спасибо тебе, человек.

Младший брат с птицей-тоти в рукаве пришел к хану Черджи.

— Я пойду в белую кибитку. Я смогу разговорить вашу дочь.

— Что ж, види, посмотрим, как ты умеи,— ответил хан.

Младший брат вошел к ханской дочери. А вокруг белой кибитки расположились ханские сановники во главе с ханом. Сидят и слушают, не заговорит ли красавица.

А младший брат пристально смотрит на нее и говорит:

— Слушайте меня, ханская дочь. Слушайте историю. Жили когда-то два плотника. Взял один из них большое бревно и стал вырезать из него человека. Но не доделал и бросил. Тогда второй взял его и стал резать дальше. У него получилась красивая девушка. Вы слушаете меня, ханская

дочь? Так вот, слушайте, что было дальше. По степи ехал святой лама. Он оживил эту деревянную девушку, и она стала удивительно прекрасной, похожей на вас. Тогда прибежал первый плотник, который начал резать, и говорит: «Это мое, я начал это дело!» — «Нет, мое, я закончил!» — сказал второй плотник. «Нет, девушка моя, я ее оживил», — сказал лама. Они начали спорить, драться, потом схватили ее и разорвали на куски. А по-моему, эта девушка должна была принадлежать ламе.

Ханская дочь обо всем забыла и воскликнула:

— Нет, она должна была принадлежать первому плотнику, который начал ее делать!

— Она заговорила, она заговорила, — слышались голоса советников-мудрецов.

— Пусть еще раз заговорит, — сказал хан, — тогда я ее отдам.

Младший брат вытащил из рукава птицу-тоти и говорит ей:

— Спрячься под подушкой ханской дочери и оттуда скажи те слова, которым я тебя учил все эти дни.

Птица спряталась под подушкой. Младший брат говорит:

— Почему же вы, ханская дочь, опять замолчали, почему вы ничего не говорите?

А птица-тоти из-под подушки отвечает:

— Потому и не говорю, что если я заговорю, то из всех мест, откуда выходит воздух, будут слышны мои слова, потому я не говорю.

Ханская дочь невольно закричала:

— Что это такое? Что это такое?

— Она опять заговорила, — сказали советники-мудрецы.

— Пусть этот человек будет ее мужем, — промолвил хан.

Младший брат женился на ханской дочери и стал ханом. Он приказал выгнать всех людей из ада-пропасти. Вышли оттуда и его братья. И все стали жить счастливо и наслаждаться жизнью.

пл-был хан; звали его Яду. И был у него пегий Аранзал-конь. В улусе этого хана жила старуха. У нее было три сына. Перед смертью старуха им сказала:

— Ничего у нас нет, ничего я вам, дети мои, не могу оставить. Вместо завещания я вам оставляю добрый совет: никогда не нанимайтесь на работу к нашему хану.

И умерла. Пошел старший брат искать работу. Встречает его хан Яду с пегим Аранзал-конем.

— Хочешь у меня работать?

«Мать советовала не наниматься на работу к хану. А что если я все-таки наймусь?» И ответил:

— Хочу! А какая работа?

— А работа простая — ухаживать за моим Аранзал-конем. Поить его, кормить, мыть, чистить, убирать навоз. Только уговор: друг на друга не сердиться. Кто рассердится, у того вырезать полоску кожи со спины. Я рассержусь — ты у меня вырежешь ремешок со спины. Ты рассердишься — я у тебя вырежу.

— Согласен, — ответил старший брат.

На другое утро он начал чистить ханскую конюшню. Работал до вечера. И будто бы ничего не сделал. В сердцах он выругался и сказал:

— Черт поберет, до чего же много навоза у этого Аранзал-коня!

— Да ведь ты рассердился! — радостно сказал хан, который все время стоял и подслушивал.

Он подошел к старшему брату и своим острым ножом вырезал у него ремешок со спины.

Так повторилось три раза. Не вытерпел старший брат, убежал от хана.

Пошел работать к хану средний брат. И с ним случилось то же самое. И он сбежал от хана.

Пришел младший, Шовара.

— Ну что, будешь у меня работать?

— Буду.

— Тогда иди убирай навоз. А уговор мой знаешь: не сердиться.

С утра до ночи работал Шовара. А хан приказал не давать ему есть. Голодным он лег спать. Утром снова привился за работу. Прибежал хан. Масково говорит:

— Ну что, Шовара, как работается? Не сердиться ты на меня?

— Что вы, что вы, хан, не серджусь!

И опять без еды проработал до вечера. А к ночи съел пробку из сена, заткнул ногому коню задний проход и пошел спать. В полночь проснулся и видит: конь надулся и сдох. Шовара вытащил пробку и пошел спать. Утром он доложил хану:

— Ваш любимый конь околел.

Хан побежал к коню. Конь лежит мертвый.

— Это ты виноват! Ты, наверное, его обкормил?!

— Что вы, что вы, хан, я дал ему норма столько, сколько надо. Уж не сердитесь ли вы?

— Нет, нет, я не сержусь,— опомнился хан.

А у самого руки дрожат, а сам усы кусает. Побежал он к ханше, а Шовара тихонько пошел за ним.

— О моя ханша,— говорят хан,— этот Шовара настоящий шулма. Он жулик, он негодяй! Он обкормил моего Аранзал-коня, и конь сдох! О, что бы я с ним сделала, с этим прохвостом!

— О хан, да вы никак рассердились? — сказал Шовара, который стоял у дверей и слушал. В руках его сверкнула острый нож.

— О Шовара, пощади меня!

— Нет, падить я вас не буду. Вы моих братьев не щадите. Подставляйте спину!

И Шовара вырезал у хана тонкий ремешок со спины.

— Что тебе теперь делать? Коня нет. Наси моих овец,— сказал хан.

И Шовара погнал овец. Но ханские овцы были какие-то беспокойные, они не паслись, а все время бежали. Шовара

никак не мог собрать их в кучу. Забегался, устал. К вечеру он их пригнал. Хан спросил:

— Все овцы целы? Давай сосчитаем!

Они сосчитали их и загнали на баз.

Наутро Шовара опять погнал их в степь. Овцы опять бегут. Замучился Шовара. И он решил: «Загошю-ка я их в балку, сорву с них копыта, и они не будут бегать». Как задумал, так и сделал. Овцы без копыт лежат, успокоились. Наступил полдень, время обеда. И Шовара пошел к хану.

— Хан, я пришел к вам обедать.

— А где же овцы, где ты их оставил, ведь они разбегутся?

— Нет, они не разбегутся. Я их успокоил, они смиренно лежат в балке. А вы не сердитесь, хан, что я пришел к вам обедать?

— Что ты, что ты, не сержуйся! Всегда приходи обедать!

Вечером Шовара пригнал овец. Они без копыт еле-еле пришли.

— Что такое? — кричит хан. — Почему овцы хромают?

— Они хромают с непривычки. Сменили свою жесткую обувь на мягкую, вот и хромают. А вы что, сердитесь?

— Нет, нет, я просто спрашиваю, — с трудом скрывая злобу, сказал хан.

Утром ни одна овца не встала.

— Ну что ж, теперь иди паси коров, — сказал хан Яду.

Шовара погнал коров. А коровы у хана были очень жадные, никак не могли напиться. Целый день простоял Шовара у колодца, все таскал и таскал воду кожаным ведром, а коровы все мычали и пили, мычали и пили.

«Что с ними сделать?» — думает Шовара. На другой день он взял потник, разрезал его на мелкие кусочки, побросал их в котел с водой, вскиятил и роздал коровам. Все они подавились и подошли. Вечером Шовара пригнал одного быка.

— А где коровы? Куда ты дел коров? — кричит хан.

— Они почему-то подошли у колодца, а вы что, сердитесь?

— Нет, нет, я не сержусь, я между прочим спрашиваю.

На другой день Шовара погнал к колодцу быка. Бык ре-

вет, хочет пить. Шовара взял да и столкнул его в колодец. «Пей там, сколько тебе надо». А сам побежал к хану.

— Хан, хан, ваш бык упал в колодец!

Хан прибежал к колодцу, смотрит.

— Что делать? Что делать? Беги, Шовара, за веревкой! Спроси у ханши веревку! Скорей!

Шовара побежал. Вернулся очень скоро и говорит:

— Ваша проклятая жена веревку не дает. Говорит: «И так вытащите!»

— Ах она шулма! Да такую бабу убить надо! Беги, доставь веревку!

Шовара прибежал к ханше и убил ее. Сел рядом и сидит. Хан его ждал, ждал у колодца, не дождался и прибежал назад. Видит, мертвая ханша.

— Что это такое?

— Я выполнил ваше приказание, хан. Вы же сказали: «Такую бабу убить надо!»

Хан сел и стал думать. «Бороться с ним невозможно. Он слишком хитрый. Оставлять его на работе не могу. Он смерти моей хочет. И он скоро своего добьется. Что делать? Что делать? Как от него избавиться? Надо послать его к шулме на мельницу. Оттуда еще никто не возвращался». И крикнул:

— Эй, Шовара! Запрягай быков! Поедешь на мельницу. Отвезешь смолоть пять мешков зерна.

Шовара поехал. Дорога на мельницу шла через лес. Вдруг навстречу вышел огромный медведь и говорит:

— Сейчас я съем твоих быков.

— Подожди, медведь, быков моих пока не ешь. Мы потом их вместе съедем. А сейчас поедем со мной. Будешь моим другом.

— Согласен, — сказал медведь.

Они поехали вместе. По дороге Шовара поймал двух зайцев и бросил их в мешок. Вот и мельница у заруды. А невдалеке озеро. Навстречу выскочил сам шулма.

— Зачем приехал? — кричит.

— Хочу смолоть зерно.

— Я просто так не мелю. Если выиграешь в трех состязаниях, буду молот, проиграешь — проглочу и тебя и твое

верно! Ха-ха-ха! Первое состязание — борьба. Второе — бег. Третье — пока не скажу. Если выиграешь по всех трех, я тебе не только отдам муку, но еще и подарю дудку, которая играет шестьдесят восемь мелодий счастья и сто восемь мелодий скорби.

— Согласен, — ответил Шовара. — Давай бороться. Но я ведь очень сильный. Могу так пзмять, что живым не уйдешь. Борись лучше с моим старым отцом. Он послабее.

— Ладво, — сказал шулма.

Шовара выпустил на него медведя. Начал медведь мять шулму, начал его душить.

— Ой, ой! — кричит шулма. — Спаси меня, забери своего старого отца! Ты победил!

Шовара оттащил медведя.

— Ну теперь побесим наперегонки вокруг вои того озера, — говорит шулма.

— Что ж, побесим. Только знай: я всегда в беге первый. И есть у меня привычка: все время бить плетью того, кто бежит позади. Поэтому бегн лучше с моим маленьким братцем.

И вытащил из мешка зайца. Они побежали. Шулма бежит вокруг озера, а заяц — в лес. Обежал шулма озеро, пришел весь мокрый, зальхался. Смотрит, а Шовара маленького братца гладит.

— Ну что ж, и здесь ты победил!

— А теперь я предложу состязание, — говорит Шовара. — Вон видишь белого коня? Пронеси его покруг озера!

Шулма поднял коня, два шага пронес его и упал.

— Эх ты, куда тебе, смотри, как я его пронесу промеж ног!

Вскочил Шовара на белого коня и проскакал на нем во-круг озера.

— Что ж, ты победил, — тихо сказал шулма.

Смолот оп пять мешков зерна, отдал Шоваре муку да еще отдал ему дудку, которая играет шестьдесят восемь мелодий счастья и сто восемь мелодий скорби.

Шовара все забрал, и поехали они с медведем к хану. По дороге они съели обоих быков. Тогда Шовара запряг в телегу медведя и на нем привез муку. Приехал ночью.

— Хан, куда пустить быков?

— Пусти на баз. Там у меня несколько коров. Ты их не пас, и они остались живы.

Утром хан вскочил и побежал к телеге. Смотрит, в мешках мука. «О Шовара, он и шулма обманул!» И побежал на баз посмотреть коров. Подходит, все коровы лежат мертвые, а среди них прохаживается медведь.

— Что ты наделал, что ты наделал, Шовара? Откуда здесь медведь?

— Да вот как было, хан. Быки ваши по дороге сдохли, и мне пришлось запрячь медведя, чтобы привезти вам муку. А ночью-то я забыл, что у меня медведь запряжен, думал, — бык. Вот я и пустил его на баз, как вы сказали. А вы что, рассердились?

— Нет, нет, я просто так спрашивал, интересно было, откуда медведь.

— Что мне теперь делать, хан?

— Я купил новую отару овец. Иди паси.

Шовара погнал овец в степь. Там он вынул дудку, которую ему подарил шулма, и заиграл. Овцы сразу пустились в пляс.

В это время хан пошел следом смотреть, как пасет отару Шовара. Видит: овцы не пасутся, а пляшут. «Да ведь так они весь жир стрясут!» — подумал хан. И побежал к Шоваре, но не удержался и сам начал плясать вместе с овцами.

— Шовара, прошу тебя, перестань играть на своей дудке, останови нас!

Шовара спрятал дудку. Все остановились.

А вечером, когда хан пил чай, Шовара подошел к его дверям и опять заиграл на дудке. Хан вскочил и начал приплясывать. Случайно он наступил на угли очага и обжег себе ногу.

— О Шовара, шулма тебя заберит! — крикнул хан и осекся.

Но Шовара вытащил свой нож и вырезал еще один ремешок с ханской синьвы.

«Нет, мне его не выжить, надо бежать». — решил хан. На другой день с утра он положил в большой черный сундук много припасов и сказал:

— Шовара, пойдн за тот холм и нарви мне там белого ковыля.

А сам думает: «Как только он скроется с глаз, сразу побегу».

Шовара понял, что хап собирается божать. Он видел, как тот укладывал свой сундук. Он сказал хану, что пошел за ковылем, а сам незаметно залез в сундук.

Хан немного посидел, потом схватил сундук, завалил на плечи и пошел куда глаза глядят. Много прошел, устал и говорит:

— Ну, забавился я, наконец, от этого Шовары.

А Шовара из сундука кричит, будто издалека:

— Нет, хан, я был с вами и буду с вами!

«Какой хороший слух у меня! — подумал хап. — Но я не хочу слышать его голоса!»

И отрезал себе одно ухо. Через некоторое время он сказал:

— Ну теперь-то я далеко от него!

— Нет хан, я с вами!

И хан отрезал себе второе ухо. Наконец, совсем устал и решил поесть. Поставил сундук, открыл крышку, а оттуда выпрыгнул Шовара и говорит:

— Ну как, хан, вы себя чувствуете? Не сердитесь?

Хан задрожал, ничего не ответил и побежал к реке прятаться в камышовых зарослях. А Шовара поел, взял черный сундук на плечи и пошел дальше. Скоро он попал во владения соседнего хапа. У этого хана болела дочь, и никто ее не мог вылечить. Хан пообещал отдать дочь в жены тому, кто ее вылечит.

Шовара сказал:

— Я гадатель. Я могу узнать, чем она больна.

Его привели к дочери хана. Шовара посмотрел на нее и сказал:

— Болезнь у красавицы страшная, но вылечиться от нее легко. Болезнь на нее напускает безухий шулма, который прячется в камышовых зарослях у реки. Хан, вы должны послать людей, чтобы они убили того шулму.

Хан тут же послал людей. Те побежали к реке, поймали в камышовых зарослях безухого хана Яду и убили его.

Так Шовара расправился с ханом, так он отомстил за своих братьев.

А дочь соседнего хана на счастье Шовары вдруг выздоровела, и Шовара женился на ней.

Скупые старик и старуха

В старину жили старик и старуха. Всю жизнь до самой смерти были они скупыми. Когда из орка их кибитки шел дымок, люди говорили:

— Вот они что-то варят. Нет, не то, чтобы отведать, но хоть бы посмотреть, что они едят! Ведь никому этого еще не удавалось!

И когда струйка дыма над одинокой кибиткой становилась совсем тонкой, когда старик, старуха и их дети должны были садиться за еду, люди, бывало, заходили к ним. Но куда вдруг пропадала еда! Никто не мог понять. Так никогда ее и не видели.

Из-за своей скупости старики держались подальше от людей и постепенно перенесли свою кибитку в открытую степь. Скоро они оказались где-то на отшибе, далеко от ханского улуса. Даже сам хан удивился. Однажды он сказал:

— Тому, кто увидит, что едят эти старикки, кто принесет мне что-нибудь из их еды, тому я выделю сто кибиток моих подданных.

Но никто не решился пойти к этим старикам. Все знали, если не выполнишь то, за что взялся, хан отрубит тебе голову.

Тогда четырнадцатилетний мальчик сказал:

— О хан, если это правда, если вы выполните свое обещание, я пойду к ним и привнесу вам их пищу.

— Да будет так, — сказал хан. — Иди!

И вот на рыжем с лысиной коне мальчик поехал к одинокой кибитке, к скупым старику и старухе. Он слез с коня

далеко от кябитки и осторожно, без шума подошел к пей. Отворнул тихонько угол кошмы и смотрит сквозь решетку. Смотрит и видит: сидят старик отдыхает, сидит старуха набивает цаган махан, сидит их сын оципывает лебеда, сидят дочь месит тесто.

«Сейчас я зайду к вам и застапу вас врасплох. Куда вы денетесь?» — подумал мальчик. Открыл дверь и вошел. Куда девался цаган махан, который был у старухи? Куда девался лебеда, который был у сына? Куда девалось тесто, которое было у дочери? Ничего нет. Сидят с пустыми руками.

— Здравствуйте, аава, здравствуйте, ээдже,— сказал мальчик.

— Здравствуй, здравствуй, мальчик,— отвечали они.— Откуда ты и куда?

— Я из ханского улуса. Давно вас не видел. Соскучился. Захотел повидать.

— Хорошо, хорошо, проходи, садись.

Мальчик прошел вперед, сел, посидел немного молча, а потом говорит:

— Аава, до чего странно, до чего все это интересно.

— А что странно, что интересно? В чем дело?

— О аава, когда я ехал к вам, чтобы вас проведать, я наткнулся в степи на огромную страшную змею. И она погналась за мной. Как я хлестал моего коня! Но змея не отставала.

— Да, странное, удивительное дело,— отозвался старик.

— Так вот. Змея рядом. Что мне делать? Я соскочил с коня, схватил камень и одним ударом рассек змею на две части. И если теперь, аава, вы спросите меня, как велика была большая часть змеи, я отвечу: она была так же длинна, как цаган махан, которым опоясала себя наша почтенная ээдже. А если вы спросите, каков был камень, которым я рассек змею, то я отвечу: камень был величавой с тесто, которое месила ваша дочь. А если вы скажете, что я все лгу, я отвечу: все это видел лебеда, которого потом убил и оципал наш сын.

— Да он все видел! — хором крикнули старик и старуха.

— Ну а раз так — располагайся, устраивайся,— добавил старик.

Они вынули все, что спрятали, и каждый стал делать свое дело: старуха — набивать цаган махан, сын — ошипывать лебедя, а дочь — месить тесто.

Скоро все было сварено, сжарено и поставлено перед стариком.

— О аава, ведь вы подданный нашего хапа! — сказал мальчик.

— Да, я его подданный. А как же?

— Удивительное дело. Ничего не пойму. Ведь по обычаям нашего улуса, во всем нашем ханстве все приготовленное мясо кладут в тавак и ставят перед гостем.

— Ну да, ну да, конечно, так принято в улусе нашего хапа.

Старик смутился и нехотя поставил всю еду перед мальчиком. Все сидят. Еда остыла. Тогда мальчик встал, снял с седла хурджиц, вывалил в него всю еду и завязал его. Ни старик, ни старуха, ни сын, ни дочь, ни он сам ничего не попробовали.

Подходит вечер. Больше ничего не готовят. Все сидят голодные. Настала ночь. Постелили кошму. Ложатся спать. Мальчик лег рядом со стариком. Через некоторое время начал мальчик храпеть, а сам одним глазом все поглядывает. И видит: встала старуха и начала готовить тесто. Сделала три тогаша и положила их в жар очага против каждой из трех ножек тагана. Мальчик все видит, а сам храпит. Вдруг он встал и вышел из кибитки.

«Что он еще затевает? — думает старуха. — Да нет, наверное, ничего, наверное, просто вышел на двор».

А мальчик нашел лалочку, обстругал ее, сделал из нее шор. Потом вошел в кибитку и лег на свое место. Лег и говорит:

— Аава, вы спите?

— Нет, не сплю, — отвечает старик.

— О да, конечно, верно ведь говорят люди: от старого человека сон бежит. Давайте коротать ночь. Расскажите мне о старине. Ведь вы, наверное, знаете много интересных историй.

— Увы, увy, мой мальчик, я ничего не знаю и не умею рассказывать.

— Ну что ж, а я знаю. Я не знаю, что было в старипу, но могу рассказать, что сейчас делается.

— Рассказывай, мальчик, рассказывай.

А тут подошло время поспеть тем трем тогашам, которые старуха положила против ножек тагана. И мальчик начал:

— Было нас у отца три сына. Росли мы без матери. Вот выросли мы, а ничего у нас нет: ни скота, ни одежды. Пришло время отцу умирать. И он, как это принято, стал делить между нами тремя свое наследство. А делил он между нами то, что у нас было. В кибитке нашей стоял только таган. И вот три его ножки отец и стал делить. «Вот тебе, мой старший сын, вот тебе, мой средний сын, вот тебе, мой младший сын», — говорил он, указывая на ножки тагана. И каждый из нас потом под своей ножкой готовил себе тогаш. Я сейчас покажу вам, аава, как это было.

И мальчик встал. В руке он держал шор.

— Моя ножка была вот тут, — продолжал он, — вот здесь я готовил свой тогаш. Когда он был готов, я брал шор, вот так, накалывал его и доставал из жара... Ой, аава, что это такое? Я вам показывал, как я это делал раньше, у себя в кибитке, и вдруг достал горячий вкусный тогаш! Как интересно! Откуда он здесь, аава?

— А я почему знаю, — буркнул старик.

— А старший мой брат готовил свой тогаш вот здесь, около этой ножки...

И мальчик вытащил из золы второй тогаш.

— Ой, аава, смотрите! Еще один тогаш! Откуда они берутся? Странное дело... Да... А средний мой брат вот здесь готовил свой тогаш... О, как это удивительно! Целых три тогаша! Аава, посмотрите! Что за чудо! Откуда они?

— А я почему знаю, — снова мрачно сказал старик.

Мальчик и тогаша положил в хурджин. Положил, лег и захрапел.

Тогда хозяйский сын подполз к матери и говорит:

— Этот шулма и завтра от нас не уйдет. Он заставит нас и завтра голодать, как сегодня. Что бы ему такое сделать? Пойду-ка я убью его коня!

Тогда мальчик вдруг вскочил, незаметно взял горсть золы и побежал на двор. Там он поменял местами своего коня и

хозяйского. Тот тоже был рыжий, но без лысины на лбу. Мальчик сделал ему золой лысину, а лысину своего коня присыпал землей. Вернулся обратно и лег.

Встал хозяйский сын. Он замотал чумбур вокруг шеи коня с лысиной и задушил его. Потом вбежал в кибитку и закричал:

— Мальчик, мальчик, иди сюда, смотри, что случилось! Твой конь запутался и задушился!

— А какой конь задушился,— медленно, будто сквозь сон спрашивает мальчик,— тот, у которого лысина от природы, или тот, у которого лысина от золы? Если с природной лысиной, то значит мой.

И он повернулся на другой бок и захрапел.

Тогда хозяйский сын выскочил во двор и потер тряпкой лоб задушенного коня. Со лба слетела зола, и не стало никакой лысины.

— О, и здесь он нас обманул, проклятый шулма!

А под утро, когда чуть посветлел восток, старик говорит старухе:

— Наше пастбище истощилось, вся трава выбита, надо нам перекочевать на другое место. Приготовь что-нибудь на дорогу.

Он встал и начал укладываться. А старуха развела огонь и начала жарить жирную баранью грудинку.

Мальчик приоткрыл один глаз. Старуха жарит. «Пусть дожарит, тогда я встану». А старуха жарит грудинку и все поглядывает на мальчика, как бы он не проснулся. Вот мясо и готово. Вдруг мальчик встал. Старуха быстро спрятала мясо за пазуху. И стоит, наклонившись вперед, чтобы горячее жирное мясо не жгло ее тело.

— Вы, аава, я вижу собираетесь перекочевывать,— говорит мальчик.— И я тоже собираюсь от вас уезжать. Хорошо у вас погостил. До свидания, аава, будьте здоровы.

Он попрощался с сыном и с дочерью старика и шагнул к старухе.

— До свидания, ээдже, я еду домой.

— До свидания, до свидания, передай от нас привет ханскому улусу.

— О ээдже, я вас так полюбил. Ведь я не помню свою

мать. Вы для меня все равно что родная мать. О ээдже, поцелуйте меня в щеку.

— О, ведь и ты мне все равно что родное дитя,— ответила старуха и поцеловала его.

Тогда мальчик обнял старуху, прижал ее к себе и говорит:

— Если бы была жива моя мать! Она так же приласкала бы меня, как вы сейчас!

А когда он прижал к себе старуху, горячее мясо коснулось ее тела и стало ее нещадно жечь. Старуха хочет вырваться, а мальчик не отпускает и говорит:

— Как мне хорошо около вас, о ээдже!

Старуха не вытерпела боли, выбросила из-за пазухи грудинку и сказала:

— На, бери ее! Ты ведь этого добивался!

Мальчик взял грудинку и бросил ее в свой хурджин.

— Спасибо, спасибо, ээдже, всяческих благ вам желаю.

И он вскочил на своего ковя и помчался в ханский улус. Свой хурджин с вкусной едой скупых стариков он отдал пораженному хапу.

Хан сдержал свое слово, и четырнадцатилетний мальчик стал владельцем ста кибиток.

Три брата и сестра

или-были старик и старуха. Было у них три сына и дочь. И было у них пятнадцать коров, много овец и коз. Когда старик и старуха умерли, братья решили делиться. Сестра сказала младшему брату:

— Когда будете делиться, возьми меня и черную корову.

Младший брат пришел к старшим и говорит:

— Дайте мне сестру и черную корову. А остальное берите себе.

Братья обрадовались, что им много достанется, и отдали младшему сестру и черную корову.

А только одна эта черная корова и была дойной. Остальные не доились.

Хорошо живут младший брат с сестрой: есть у них всегда и молоко и масло.

А у старших братьев скучно дома. Скота много, а нет ни молока, ни масла. Даже чай сварить не из чего*.

Старшие братья говорят:

— У нас по семь коров, а есть нечего. А у него одна корова и полно еды. Это несправедливо. Пойдем к хану. Он нас рассудит.

Пришли они к хану. Рассказали все, как есть. Хан сказал:

— Приходите с вашим младшим братом завтра и приготовьте ответы на мои вопросы: «Что на свете самое красивое и что на свете самое резвое?»

Пришли братья домой и думают: «Что на свете самое красивое? Что самое резвое?»

Старший брат говорит:

— Я думаю, самое красивое это платье нашей матушки.

— Верно, оно и есть самое красивое,— согласился средний брат.

— А что же самое резвое? Я думаю, это наш гвевой конь, на котором мы пасем овец.

— Верно, наш гвевой конь.

Пошли они к младшему брату и передали ему ханские вопросы.

— Завтра мы все пойдем к хану и будем отвечать ему,— сказали они.

Сестра говорит младшему брату:

— Когда хан спросит, что на свете самое красивое, отвечай: «Луна, но красивее солнце». А когда спросит, что самое резвое, отвечай: «Ветер, а резвей — мысль». Если хан спросит, кто тебя научил, отвечай: «Никто не учил, сам говорю».

На другой день братья пошли к хану.

— Ну, отвечайте,— сказал хан,— что самое красивое в природе?

— Платье нашей матушки,— сказал старший брат.

— Да, платье,— подтвердил средний.

— Ну, а ты как думаешь? — спросил хан у младшего брата.

— Самое красивое — луна, но красивее — солнце!

— Так. А что самое резвое?

— Наш гнедой конь, на котором мы пасем овец,— сказал старший брат.

— Да, наш конь,— подтвердил средний.

— Самое резвое — ветер, но еще резвее — мысль! — сказал младший.

— Хорошо, хорошо,— сказал хан.— А кто тебя этому научил?

— Никто не научил, сам говорю!

— Если не признаешься, кто научил, я тебя казню! — крикнул хан.

Младший брат молчит. Его привели к месту казни. Тогда он сказал:

— Меня научила моя сестра.

Хан всех отпустил и сказал младшему брату:

— Пусть твоя сестра завтра придет ко мне. Пусть подойдет к моей кибитке и сядет. Но пусть сядет ни в кибитке, ни снаружи.

Дома младший брат все рассказал сестре.

— Я испугался, когда меня привели на место казни, и сказал про тебя,— закончил он.

На другой день сестра подошла к кибитке, подняла войлок внизу кибитки и села между решеткой и войлоком *: и не внутри кибитки и не снаружи. Увидел это хан и подумал: «Да, она действительно мудра». И женился на ней.

Однажды к хану приехал купец на нежеробой кобыле и привязал ее к старой телеге. Когда после угощения гость вышел от хана, то увидел, что рядом с кобылой под телегой лежит жеребенок. Подошел хозяин телеги и сказал:

— Жеребенок мой. Он лежит под моей телегой.

— Нет, мой,— сказал купец,— ведь здесь стоит моя кобыла!

— Но ведь твоя кобыла не была жеребой! Как же появился от нее жеребенок?

— Но и от телеги не мог появиться жеребенок!

Пришел хан. Он отдал жеребенка хозяину телеги, потому что тот был его земляком.

Но купец не уехал из хотона. На другой день он пришел к хану. Хана не было. Купца встретила ханша.

— Почему вы не уезжаете, ведь вы спешили, у вас дела? — спросила она.

— Да, я спешил, но остался здесь. Я хочу получить жеребенка. Ведь он от моей кобылы.

— Ладно, я вам помогу, — сказала ханша. — Когда придет хан, попросите у него нитку длинной в локоть. Когда хан спросит, зачем такая нитка, вы ответьте: «Сделаю из нее сети и поставлю их около вашего дворца рыбу ловить». Хан скажет: «Да разве можно на сухом месте рыбу ловить?» А вы ответьте: «А разве может телста жеребенка родить?» Хан спросит: «Кто это тебя научил?» Отвечайте: «Никто!»

Вошел хан. Купец сказал ему все, как его научила ханша.

— Кто тебя всему этому научил? — закричал хан.

— Никто.

— Если не скажешь, голову отрублю!

Купца привели на место казни. Тогда он сказал:

— Меня ханша научила.

— Да, ты прав, жеребенка тебе вернут. Но с ханшей я справлюсь, — сказал хан.

«Я выгощу ее», — подумал хан.

— Уходи от меня, ты мне больше не нужна, — сказал хан. — Все, что хочешь, во дворце бери, только уходи. Бери все, что тебе нравится.

На прощанье хан устроил пир. Напился пьяный и свалился. Ханша втащила его на телегу и повозла в степь. По дороге хан проснулся и спрашивает:

— Где я, что это такое?

— Вы же разрешили мне взять с собой все, что мне нравится, — ответила ханша. — Вот я вас и взяла, потому что вас люблю.

Хан снова признал правоту ханши.

Они вернулись во дворец и больше не ссорились. Хан всегда слушал, что ему говорила мудрая ханша.

Прекрасная Цаган и старуха Сявда

авным-давно жили старик и старуха с тремя дочерьми. У них было сто красных коров. Однажды старик собрался в улус на базар.

— Дочки мои милые,— спросил он,— что вам привезти, что вам купить?

— Купите мне шелку покрепче да соболей потемнее,— сказала старшая дочь.

— Купите мне шелку покрепче да соболей потемнее,— повторила средняя дочь.

А младшая дочь подумала и сказала:

— Купите мне чернобрового ханского сына.

Приехал старик Товгун на базар. Купил для двух дочерей шелку да соболей и пошел в ханский дворец за чернобрым ханским сыном.

Вошел во дворец, а там идет пир, пьют-гуляют богатыри. Старика никто не замечает. Сел он возле дверей и сидит. Слова всем вира поднесли. Добрались и до старика.

— Кто ты? — спрашивают. — Пей, ешь, а потом подойди к хану расскажи, зачем приехал.

Выпил старик, стал посмелее и подошел к хану.

— О великий хан! У меня есть три дочери да еще сто коров. Собрался я на ваш базар. Две дочери попросили у меня шелков покрепче да соболой потемнее, а младшая, Цаган, попросила, чтобы я купил ей вашего чернобрового сына.

Хан засмеялся. Засмеялся и подумал: «Если она так сказала, то пусть так и будет. Быть ей женой моего младшего чернобрового сына!» И он сказал старику:

— Езжай, старик, домой. Бери дочь и вози ее сюда. Хочу посмотреть на ту, которая вздумала купить моего сына! Да скажи ей, чтобы спила белую рубашку и белые шаровары. Хочу посмотреть, какая она искусница!

Старик поехал домой.

Старшие дочери радостно его встретили. Понравились им шелка да соболя.

— Отец, а где подарок для меня? — спросила Цаган.

— Ах, дочка, хан приказал мне привезти тебя к нему. Хочет он посмотреть на тебя. Так и сказал: «Хочу посмотреть на ту, которая вздумала купить моего сына». Что теперь будет? А еще приказал, чтобы ты сшила белую рубаху и белые шаровары. Посмотреть желает на твое искусство.

— Не горюйте, отец, все будет хорошо. Дайте мне белого полотна. Я сейчас же начну шить рубаху и шаровары.

И она весело улыбнулась. Отец принес полотно. Цаган взяла его и пошла к озеру в одинокую белую кибитку.

Через неделю она вернулась. Белая рубаха и белые шаровары были такими, что их надел бы сам хан.

Старик запряг верблюда. Видя, как отец боится встречи с ханом, Цаган решила: «Незачем ему ехать со мной. Пусть сидит дома».

И она сказала:

— Без матери кибитка осиротеет, без отца скот осиротеет. Свидите дома. К хану я поеду сама. Только дайте мне кого-нибудь в провожатые.

Тут подскочила старуха Сявда, их соседка. Она сказала:

— Я ее провожу, я знаю дорогу к хану! Мы вместе с дочкой отвезем вашу красавицу Цаган.

А сама подумала: «Хочет хан женить своего младшего чернобрового сына. И если мы с дочкой привезем ему эту краля, хан обязательно женит сына на ней. Но не бывать этому! Мы погубим Цаган в дороге, и чернобровый сын хана женится на моей дочери!»

Они сели в телегу — старуха Сявда, ее дочь и Цаган. Старик Товгун дал своей красавице Цаган на дорогу много вареного мяса, хурсуна, борцигов и большой бортхо чигяна.

Они поехали. В дороге старуха Сявда говорит:

— О Цаган, какое вкусное мясо дал тебе отец! Какие вкусные борциги! Давай сначала мы все будем есть твою еду, а потом все будем есть нашу еду.

Цаган согласилась. Старуха Сявда и ее дочка набросились на припасы Цаган и в два дня съели все. А верблюда старуха направила не по короткому пути, а по длинному, в обход.

Еще семь дней ехать. У Цаган нет ни крошки. А те едят, ее не приглашают.

Целый день просидела Цаган голодная, а на следующий день сказала:

— Тетушка Сявда, дайте и мне кусочек.

— Просто так ничего не дают! Хочешь есть — отдай один глаз!

«Как же я ирпеду к хану без глаза? — подумала девушка. — Нет, лучше потерплю». Но к вечеру ей так захотелось есть, что она решилась.

— Берите мой глаз, тетуника Сявда, только дайте поесть!

Старуха выколола ей глаз, сунула его себе в карман и дала немного мяса.

Через два дня Цаган опять попросила:

— Дайте хоть кусочек... Дайте хоть глоточек.

— Отдай второй глаз и получишь сколько тебе угодно!

«Нет, совсем без глаз мне незачем и ехать к хану. Я не увижу его младшего чернобрового сына! Как бы мне ни хотелось есть, но я потерплю».

А старуха верблюда совсем не погоняет. Медленно тинется верблюд, останавливается, пасется. Нескоро еще ханский улус. Цаган лежит, совсем обессилела. Тогда старуха говорит:

— Вижу, вижу, ты очень хочешь есть. Знаю, ты согласишся отдать второй глаз.

И она схватила нож и выколола второй глаз девушки. Дала ей поесть.

На другое утро старуха начала кружить по степи, искать старый колодец, чтобы туда сбросить Цаган. К полудню она нашла колодец, и они вместе с дочерью столкнули туда спящую девушку.

Скоро показался ханский улус.

Они подъехали к дворцу. Вышел хан. Дочь Сявды поднесла ему белую рубаху и белые шаровары, которые шила Цаган.

— Хорошо ты пьешь, — сказал хан. — Мне нравится.

Дочь Сявды была некрасивая, и хан смутился.

Старухе поднесли трубку. Хан смотрит на дочь старухи и спрашивает:

— Почему у нее такие пиналые глаза?

— Потому, — отвечает старуха, — что она все время вперёд смотрела, встречи с вашим чернобровым сыном ждала.

— А почему у нее такой костлявый нос?

— Потому что она в пути все воздух нюхала, ждала, скоро ли ханский улус.

Хан пригласил их во дворец. «Уж если я дал обещание, я его сдержу, — подумал хап. — Будет она женой моего сына».

И устроил великий пир. Чернобровый сын хана не хотел жениться на дочери Сявды, по такому была воля хапа. Они поженились.

В ханском улусе жили старик и старуха, у которых никогда не было детей. Старик пас ханский скот. Уже правил страной внук того хана, при котором старик начал работать. И вот уже женился чернобровый правнук великого хана.

Каждый день проходил старик мимо заброшенного колодца. И вот идет он однажды и слышит: из колодца доносятся стоны. Старик заглянул туда, испугался и погнался к коров домой. Старухе он сказал:

— В старом колодце лежит девушка. Она живая. Стоит. Я испугался и убежал.

— Ах, чтоб тебя, глупый ты старик! Да разве можно живого человека бояться! Какой же ты после этого мужчина. Найденное дитя надо взять. Вернись, вытащи девушку из колодца и вези домой!

Старик побежал в степь и вытащил девушку. Вытащил и ахнул: оба глаза у нее были выколоты. Но все равно она была красива. Старик привел ее домой. Старуха радостно сказала:

— Ну вот, теперь у нас будет дочь! Как тебя зовут, доченька?

— Цаган, — ответила девушка.

Хотя она была слепая, она помогала старухе делать домашнюю работу.

Однажды старик поехал на базар.

— Что тебе купить, дочка?

— Купите мне клочки-обрезки шелковой материи.

Старик привез ей обрешки. Из них Цаган сшила такой красивый кисет, что старик и старуха глазам не поверили.

— Возьмите, отец, этот кисет, — сказала Цаган, — и поезжайте к ханскому дворцу. Люди будут просить у вас продать этот кисет, но вы не продавайте. Скажите так: «За деньги не продаю, а на высушенные глаза меняю».

Когда старик приехал к дворцу, его со всех сторон обступили люди.

— Старик, продай кисет!

— О, какой красивый кисет!

— Да такой кисет самому хану носить!

Старик ответил:

— За деньги не продаю, а на высушенные глаза меняю!

Дома чернобровый ханский сын рассказал об этом.

— Как я хочу этот кисет, — добавил он. — Но где взять высушенные глаза?

Тогда старуха Сявда, его теща, полезла в карман и вытащила сухой глаз.

— На, иди, меняй! — сказала она.

Чернобровый ханский сын побежал за стариком, взял кисет и отдал ему высушенный глаз.

Старик отнес его своей дочери. Цаган взяла глаз, размочила его в воде и вложила себе под бровь. И сразу стала видеть.

— Я вас вижу, отец и мать! — сказала она.

С глазом она стала еще красивее.

Она сшила кисет прекрасней прежнего и опять послала старика с ним к ханскому дворцу.

— За деньги не продавайте, на глаз меняйте!

Старика опять обступили люди, все хотели купить кисет. Но старик сказал им, что меняет его на высушенный глаз.

Старуха Сявда отдала своему зятю, чернобровому ханскому сыну, второй глаз, и тот обменял его на кисет.

Так у Цаган снова стало два глаза.

А старуха Сявда начала думать, думать и решила: «Что-то тут неладно. Зачем это старик менял кисеты на глаза? Зачем они ему? А кисеты шиты очень искусно... Неужели их сшила... Цаган? И это для нее старик выменивал глаза? Ну да. Так и есть. О, как я глупа! Зачем я отдала эти глаза?!

Ну, ничего. Все равно я ее погублю. Ведь я знаю, где ее душа. По дороге сюда она мне сама рассказала, что душа ее находится в сердце серебристой рыбы, которая плавает в озере Шикирлык.

Дочери Сявды сказала:

— Ты должна притвориться больной и сказать мужу, что тебя вылечит только уха из серебристой рыбы, которая плавает в озере Шикирлык.

На другой день дочь Сявды начала стонать.

— Что с тобой? — спросил ее муж.

— Я очень больна, места себе не нахожу.

— А что ты хочешь? Чем тебя лечить?

— Меня вылечит только уха из серебристой рыбы, которая плавает в озере Шикирлык.

Чернобровый ханский сын со своими приближенными приехал к озеру, чтобы поймать серебристую рыбу.

В этот момент Цаган почувствовала, что скоро умрет.

— Отец, — сказала она, — я скоро умру. Когда умру, сбросьте мое тело в озеро Шикирлык. Там моя душа.

Чернобровый ханский сын поймал серебристую рыбу и убил ее.

В тот же миг умерла Цаган.

Ханский сын вырезал сердце рыбы и положил его в свой разноцветный кисет.

Для дочери Сявды сварили уху из серебристой рыбы. Она попробовала ее и сразу выздоровела.

А старик отнес тело Цаган к озеру и сбросил в воду. Сел на берегу, сидит, думает-горюет.

Через несколько дней ханский сын со своими слугами, со своими собаками и с любимым беркутом отправился на охоту к озеру Шикирлык. Пустил он своего беркута, а тот полетел прямо к воде, нырнул и назад не возвращается. «Что с ним?» — думает ханский сын. И он послал за беркутом слугу. Слуга ушел и тоже не возвращается. Тогда чернобровый ханский сын пошел сам. Запел в воду и видит: стоит невиданный подводный дворец из толстого стекла. И его сразу потянуло к этому дворцу, захотелось узнать, что в нем. Вошел внутрь и видит: лежит прекрасная девушка с закрытыми глазами, такая прекрасная, что все вокруг освещено ее светом.

А в изголовье сидит маленькая девочка и плачет. Слуга и беркут застыли, смотрят на них. Ханский сын взял девочку на руки и стал ее ласкать. Она все равно плачет. Он стал давать ей разные вещи — она не успокаивается. Он дал ей свой разноцветный кисет. Девочка сразу успокоилась, вытащила из кисета сердце серебристой рыбы, подбежала к прекрасной девушке и положила это сердце ей в рот. Девушка открыла глаза. Она стала такой прекрасной, что чернобровый ханский сын, забыв все на свете, подбежал к ней и спросил:

— Кто ты, красавица? Как тебя зовут?

— Меня зовут Цаган, — ответила она.

И рассказала о том, как она со старухой Сявдой ехала к нему, как старуха выколола ей оба глаза и сбросила в колодец, как ее спас старик и как недавно кто-то выловил серебристую рыбу, в которой находилась ее душа.

Все понял чернобровый ханский сын.

— Ты будешь моей женой, — сказал он. — Поедем домой!

Дома он пошел прямо к хану.

Старуха Сявда и ее дочь заволновались: «Почему ханский сын, приехав с охоты, не зашел к нам, а прямо пошел к хану? Что с ним такое? Может, кончилось наше время и надо бежать?»

Пришел сын хана и говорит:

— Что вы хотите: меч и кровь или конские хвосты?

Старуха Сявда и ее дочь перепугались и говорят:

— Зачем нам меч и кровь. Дай лучше конские хвосты.

И тогда ханский сын приказал привязать их к хвостам диких лошадей и пустить в степь.

А сам он женился на прекрасной Цаган. Они жили долго и счастливо.

ханстве Хатучи*-хана жили-были два мальчика. Одного звали Эвя, другого Дживя. Эвя вдруг умер. Тогда Дживя бросил его у подножья холма, взял свою палку и полетел вместе с ветром.

В степи пасся верблюд. Он увидел зеленое деревце и спросил:

— Как ты, деревце, попало сюда, в степь?

Деревце ответило:

— Жили-были Эвя и Дживя. Эвя умер, а Дживя полетел вместе с ветром. Вот я и попало в степь.

— Тогда, — сказал верблюд, — я сломаю свои рога.

Сломал он свои рога и пошел к морю напиться. Подошел к берегу, а море его спрашивает:

— Верблюд, верблюд, а где твои рога?

Верблюд ответил:

— Жили-были Эвя и Дживя. Эвя умер, Дживя полетел вместе с ветром, а зеленое деревце попало в степь. Поэтому я и сломаю свои рога.

— Раз так, — сказала море, — я высохну.

И высохло.

Птица чибис полетела к морю напиться, а море высохло.

— Море, море, — спросила птица чибис, — почему ты высохло?

Море ответило:

— Жили-были Эвя и Дживя. Эвя умер, а Дживя полетел вместе с ветром, зеленое деревце попало в степь, верблюд сломал свои рога. Поэтому я высохло.

— Раз так, я оторву свой хохолок, — сказала птица чибис.

И оторвала его.

И полетела напиться к океану. Океан спросил:

— Чибис, чибис, где твой хохолок?

Птица чибис ответила:

— Жили-были Эвя и Дживя. Эвя умер, а Дживя полетел вместе с ветром, зеленое деревце попало в степь, верблюд сломал свои рога, а море высохло. Поэтому я оторвала свой хохолок.

— Раз так, я весь уйду под землю,— сказал океан.

И ушел под землю.

Девушка, служанка Хатучи-хава, пришла к океану с чайником за водой. А океана нет, он ушел под землю. Девушка спросила его:

— Океан, океан, почему ты ушел под землю?

Океан ответил:

— Жили-были Эвя и Дживя. Эвя умер, а Дживя полетел вместе с ветром, зеленое деревце попало в степь, верблюд сломал свои рога, море высохло, а птица чибис оторвала свой хохолок. Поэтому я ушел под землю.

— Раз так, я поломаю свой чайник,— сказала девушка.

И поломала его.

Пришла домой без чайника. Ханша спрашивает:

— Девушка, девушка, а где твой чайник?

Девушка ответила:

— Жили-были Эвя и Дживя. Эвя умер, а Дживя полетел вместе с ветром, зеленое деревце попало в степь, верблюд сломал свои рога, море высохло, птица чибис оторвала свой хохолок, а океан ушел под землю. Поэтому я сломала чайник.

— Раз так, я расплету свои косы,— сказала ханша.

И расплела.

Хап увидел это и спросил:

— Моя ханша, почему ты расплела свои косы?

Ханша ответила:

— Жили-были Эвя и Дживя. Эвя умер, а Дживя полетел вместе с ветром, зеленое деревце попало в степь, верблюд сломал свои рога, море высохло, птица чибис оторвала свой хохолок, океан ушел под землю, а наша девушка сломала чайник. Поэтому я расплела свои косы.

— Раз так, я сбрую свою бороду,— сказал хап.

И начал брить.

Подошел к хану его старший табущик и спросил:

— О хан, почему вы бреете бороду?

Хан ответил:

— Жили-были Эвя и Дживя. Эвя умер, а Дживя полетел вместе с ветром, зеленое деревце попало в стену, верблюд сломал свои рога, море высохло, птица чибис оторвала свой хохолок, океан ушел под землю, наша девушка сломала чайник, а моя ханша распустила косы. Поэтому я брею бороду.

— Раз так, я сломаю себе лопатку, — сказал табущик.

Он прыгнул с коня и сломал себе лопатку.

Табуи остался без приемотры, стал разбредаться. Жеребец-вожак подбежал к табуицику и спросил:

— Почему вы ложитесь?

Табуицик ответил:

— Жили-были Эвя и Дживя. Эвя умер, а Дживя полетел вместе с ветром, зеленое деревце попало в стену, верблюд сломал свои рога, море высохло, птица чибис оторвала свой хохолок, океан ушел под землю, девушка хана сломала чайник, ханша распустила косы, а хан сбрил бороду. Поэтому и сломал себе лопатку. И вот лежу.

Жеребец-вожак вместе с табуином пошел по ветру. И увидел летящего вместе с ветром Дживя. Дживя спросил у жеребца:

— Чей это табуи? Где табуицик?

Жеребец ответил:

— Жили-были Эвя и Дживя. Эвя умер, а Дживя полетел вместе с ветром, зеленое деревце попало в стену, верблюд сломал свои рога, море высохло, птица чибис оторвала свой хохолок, океан ушел под землю, девушка хана сломала чайник, ханша распустила косы, хан сбрил бороду, а табуицик сломал себе лопатку. И вот мы без табуицика идем по ветру, ищем летящего вместе с ветром Дживя.

Дживя сказал:

— Я и есть Дживя. А хан, который сбрил себе бороду, не может быть ханом!

Он погнал табуи к ханскому дворцу. Хан, сбывшего бороду, сделал старшим табуициком, а сам женился на ханше и стал ханом.

Всех подданных Хатучи-хана Дживя освободил. И все начали наслаждаться жизнью.

ил-был хан. Каждое утро он уезжал далеко в степь. Он любил прогуляться, пока прохладно. Каждый раз он видел рыжую лисицу. Пробовал он ее преследовать на своем резвом буланом коне, но лисица всегда легко уходила. Однажды пришел хан к зурхачи и говорит:

— Бегает по степи рыжая лисица, и ее не может догнать даже мой резвый буланный конь. Что это такое?

Зурхачи подумал и сказал:

— Это не лисица. Это шулма.

Хан поверил зурхачи и объявил в своем улусе: «Все, кто ездит верхом, должны явиться на двух конях и с гончими собаками».

Эта весть быстро полетела по степи. Все мужчины, все юноши сели на коней и прискакали к хану.

Хан сказал:

— Поедьте со мной на охоту. Есть тут в степи рыжая лисица, которую трудно догнать. Нас теперь много, и мы должны ее догнать!

Все поскакали в степь. Хан был впереди. И вот выскочила рыжая лисица. Началась погоня. Гнались с утра до вечера. Гнались, пока собаки не устали. Гнались, пока кони не притали. А к лисице никто не приблизился. Собаки уставали, кони приставали, а у лисицы сил будто прибывало. Она бежала все быстрее и скрылась.

По степи прошел слух, что никто не сможет догнать рыжую лисицу. И тогда один старик сказал:

— Ее можно догнать. Но догонит ее только моя гончая собака. А больше никто — ни собака, ни конь.

Все рассмеялись.

— Что ты, старик, с ума снял? Лучшие ханские борзые ее не догнали, лучшие ханские кони ее не догнали, так где уж твоей паршивой собаке догнать эту лисицу.

Но старик не унимался. Всем говорил одно:

— Мои собака догонит!

Слова эти дошли до хана. Тогда хан позвал старика к себе.

— Я пришел по вашему зову,— сказал старик,— и заране знаю, что вы мне прикажете. Вы прикажете мне поймать ту рыжую лисицу.

Хан был доволен. Он сказал:

— Ты хороший старик. Ты будешь участвовать в охоте. Но если твоя собака не поймает лисицу,— берегись!

И они опять все поехали в степь; все мужички, все юноши. Все на двух конях, все с собаками. Впереди же ехал хан.

Рыжая лисица увидела их и побежала. Опять началась погоня. Гнались полдня. Собаки стали уставать. Кони стали приставать. А лисица уходит. И тут все увидели, что не отстает от нее только собака старика.

— Вот увидите,— сказал старик.— К концу дня моя собака пригонит сюда лису-шулму и на глазах у всех вас схватит ее за ногу. Только прошу вас об одном: когда собака будет гнать лисицу мимо нас, не шумите и не кричите. Моя собака не любит, когда кричат. Она и так поймает лису, а крик ей помешает.

И вот все увидели, как собака гонит рыжую лисицу прямо на них. Все замерли. Но в тот момент, когда собака была уже совсем рядом с лисицей, хан вдруг не выдержал и закричал:

— Хватай ее! Хватай ее!

Собака уже схватила лисицу за ногу, но вздрогнула от крика хана, на повороте опрокинулась и испустила дух. Погибла и лисица.

Старик заплакал. Он сказал:

— Я ведь просил вас не кричать. Собака испугалась крика и погибла. У лисы-шулмы семьдесят одна хитрость, а у моей собаки семьдесят две. Лиса проявила семьдесят одну хитрость. Собака моя — тоже семьдесят одну. А проявить семьдесят вторую хитрость вы ей помешали. И вот она погибла.

Хан попробовал успокоить старика:

— Погибла твоя собака, но ведь погибла и лиса-шулма. В наших владениях теперь не будет шулмы. Ты достоин награды. Хочешь, бери коней, бери овец. Бери сколько хочешь!

— Ничего мне, хан, не надо. Был я всегда бедняком, бедняком и останусь. Только жалко мне очень мою гончую собаку.

СКАЗКИ О ЖИВОТНЫХ

Семь братьев-волков

то было в Алтайских горах. Семь братьев-волков однажды ночью пошли к табуну. Первым шел волк-вожак, старый и мудрый. А остальные шли вслед за ним один за другим.

Вот и табуны насытятся на вольной траве. Остановились волки недалеко, и начал вожак табуны озирать, коня выбрать. И вдруг он увидел коня самого захудалого из захудалых, самого старого из старых,

самого тощего из тощих. Зубы его были искрошены, копыта его были изношены, живот висел, как мешок. Но признаками Аравзала был этот конь одарен. Несомненно, когда-то он был могучим конем.

И решил мудрый волк-вожак: «Надо сначала зарезать и съесть этого коня. Он опаснее всех».

А рядом паслись двухгодовалые и трехгодовалые гладкие жирные жеребята. А глаза у волков разгорались — так им хотелось есть. И волки сказали вожаку:

— Надо напасть на жирного главного коня, надо напасть на гладкого, бурой масти коня, надо напасть на высокого, сытого коня, который ведет весь табун.

Но вожак ответил им:

— Сначала мы съедем воп того захудалого старого коня, а потом нападём на жирного, гладкого вожака.

— Нет, пап старый и умный брат, ты что-то не то говоришь. Уж если поесть, так поесть! Мы не ели очень давно. Ты, наверное, совсем постарел и перестал дело понимать. Ведь даже табунщики будут над нами смеяться, и люди скажут о нас: «Какже трусливые, слабые волки! Напали на самого старого коня! Не смогли зарезать хорошего, жирного, молодого коня!» Нет, мы сами пойдем, без тебя и зарежем, кого хотим.

И они побежали внистером и напали на самого жирного, гладкого, вкусного коня. А старый волк-вожак отошел подальше от них, сел и начал протяжно, жалобно выть.

Когда половина ночи прошла, он подошел к братьям и тихо сказал:

— Да, вы зарезали очень хорошего коня. Наверное, вволю наелись? Наверное, вкусное мясо?

Но никто из братьев ему не сказал: «И ты, брат, с нами поешь».

И старый волк долго вокруг мяса ходил и все нюхал, нюхал его. А когда сытые волки вздремнули, он съел небольшой кусок.

Скоро сытые волки проснулись и сказали:

— Есть мы совсем не хотим. Но жалко мясо бросать. Надо его доесть.

А когда доели мясо, начали они кувыркаться-кататься по траве.

Забрезил рассвет. Прискакали табуничики, стали менять копей под седлами. И один из табуничков взял того самого старого захудалого коня с признаками Аранзала.

Тут табуничики увидели волков, выхватили плети и погнались за братьями с громкими криками. А братья-волки побежали за бугор. Табуничики стали отставать. Только один не отстает. Волк-вожак думает: «Этот конь очень резвый. Надо завести его подальше, туда, где каменистая земля. Там конь разобьет свои копыта». И он направил стаю туда, где была каменистая земля. Там конь разбил свои копыта и начал отставать.

Но вот к волкам стал приближаться другой всадник. Волк-вожак оглянулся и подумал: «Этот конь быстроногий кобылой рожден. Этот конь копыта ни где не собьет». И крикнул братьям-волкам:

— Примените новую хитрость, побегим против ветра. Коню против ветра намного труднее бежать, и он отстанет от нас.

Побежали они против ветра, и конь скоро отстал.

Но к полудню заметил мудрый вожак, что их нагоняет третий конь, тот самый старый и тощий конь, в статях которого признаки Аранзала были видны. И крикнул братьям вожак:

— Надо скорее бежать к горе! Только на ней мы сможем спастись!

И побежал со всех ног к высокой горе. Но тяжело было братьям его за ним попевать: слишком много мяса съел каждый из них. А табуничик на старом тощем коне уже догнал одного из волков и ударил его тяжелой плетью по широкому лбу. Братьев осталось шесть. А табуничик еще одного догнал и снова плетью своей взмахнул..

До горы добрался только один вожак.

Конь не мог бежать вверх по горе и повернул назад.

Лег отдыхать волк-вожак. Лежал, лапы свои усталые облизывал и думал: «Зря мои братья не послушали меня, старого волка».

**Барс, волк,
лиса и верблюд**

анным-давно жили четыре брата: барс, волк, лиса и верблюд. Зима затянулась. Запасы кончились. Стали братья голодать. Однажды лиса говорит:

— Есть нам нечего. Силы наши кончаются. Скоро мы все умрем. Чтобы нам всем не погибнуть от голода, надо кого-нибудь съесть.

Барс и волк говорят:

— Правильно. Тебя и съедем.

— Нет, меня есть пользы мало. Что у меня за мясо? Никто не ваестся. А вот если верблюда съесть, всем хватит, все наедимся.

— Что ж,— сказал верблюд,— если в этом ваше спасение, ешьте меня.

Верблюда зарезали. Барс вял веревку и пошел за дровами. И лиса и волк начали обдирать и потрошить верблюда. Когда их дело подходило к концу, лиса отхватила жирный кусок рубца и начала его быстро есть.

— Что ты делаешь? — закричал волк,— ведь барс вернется, все проверит и увидит, что не хватает куска. Тогда тебе недобровать!

— Послушай, волк, ведь верблюд был глупый. А у глупых никогда не бывает жирного рубца. Так и скажем барсу.

Волк подумал: «А и в самом деле глупым был наш верблюд. И откуда быть жирному рубцу у такого глупого?»

А лиса уже ест нутряной жир. Волк опять говорит:

— Что ты делаешь, лиса? Барс придет, спросит: «Где нутряной жир?»

— Ах, какой ты недогадливый, волк! Ведь верблюд был глупый. А у глупых разве бывает нутряной жир? Так мы барсу и скажем.

Волк подумал: «А правда, бывает у глупых нутряной жир? Наверное, не бывает. Лиса ведь все знает».

А лиса уже ест цаган махан.

— Что ты делаешь, лиса, ты погубишь себя и меня! — закричал волк.

А лиса отвечает:

— Ты не беспокойся. Я все улажу сама. Когда барс тебе спросит, где цаган махан, ты ни слова не говори, а только кивни на меня, а я уж знаю, что ответить.

Пришел барс.

— Ну, как тут у вас? Все в порядке? Все на месте?

— Все в порядке, — ответил волк.

Барс начал проверять.

— А где жирная часть рубца?

Лиса отвечает:

— Ведь верблюдо-то ваш был глупый. А у глурых не бывает жирной части рубца.

«Да-а, такого я не слышал, но, может быть, оно и так», — подумал барс.

— А где путряной жир? — грозно спросил он.

— Ах, барс, ты умнейший из умнейших, а рассуждаешь, как ребенок. Ведь верблюдо был глупый, а у глурых разве бывает путряной жир?

Барс начал думать. Думал, думал и решил: «Наверное, права лиса. Не бывает у глурых путряного жира».

— Ну, а где цаган махан?

Все молчат. Барс посмотрел на волка, а тот кивнул на лису. Лиса говорит:

— Ах, барс, самый мудрый из барсов, ты видишь, как волк тебя обманывает? Съел цаган махан и кивает на меня!

Барс кинулся на волка. Волк пустился бежать. А лиса, пока никого нет, начала перетаскивать мясо в яму. Перетаскала все мясо и забросала его землей.

Барс догнал волка, убил его и прибежал обратно.

— А где же мясо?

— Ах, барс, что тут было — не рассказать. Верблюдо-то ожил, встал и говорит: «Если мы будем зимой друг друга есть, то что же будет весной?» Очень он был сердит. Он сказал: «Уйду от вас в землю, чтобы вас не видеть». И ушел в землю. Вон хвост его торчит.

И лиса показала на толстый чепек.

Барс схватил этот пенек и начал тянуть его изо всех сил. Но вытянуть не мог. От натуги лопнула в нем главная жила, и он сдох.

А лиса начала спокойно есть вкусное верблюжье мясо.

Как суслик лису перехитрил

од деревом у родника жила птица-баклан. Однажды прибежала к ней лиса и говорит:

— Птица-баклан, отдавай мне яйца, которые ты снесла! Если не отдашь, я иссушу родник, из которого ты пьешь, и подпилю дерево, под которым ты спасаешься от солнца.

Отдала птица-баклан яйца лисе и сидит плачет. Пробегает мимо суслик.

— Что ты плачешь, соседка?

— Да вот забрала у меня лиса яйца. Грозилась, если не отдам, иссушить этот родник и подпиливать это дерево.

— Не плачь, соседка. И не верь лисе. Если она к тебе снова придет и опять будет тебя пугать, ты скажи ей: «Чем же ты иссушишь мой родник и чем подпилишь мое дерево?» Лиса ничего тебе не сможет ответить. Но не говори ей, кто тебя научил.

А лиса поела яйца. Они были очень вкусные. И захотела еще. Прибежала к птице-баклану и говорит:

— Отдавай мне скорее яйца! Или я иссушу твой родник и подпилю твое дерево!

— А чем ты, лиса, иссушишь мой родник? Чем ты подпилишь дерево?

— Кто, кто тебя научил таким словам, глупая птица?

Птица испугалась лисы и говорит:

— Это меня суслик научил.

«Я отомщу этому суслику!» — подумала лиса. И побежала его разыскивать. Видит, стоит суслик около своей норки.

«Как бы схитрить, как бы его поймать? — думает она. — Надо ему сказать что-нибудь приятное, такое, чтобы он не прыгнул в норку, а остался на земле». Лиса осторожно подошла поближе и говорит:

— Суслик, суслик! Какой ты красавец! Шея у тебя, как у хорька. Спина, как у зайца. Ты самый красивый зверек!

Суслик и вправду подумал, что он красавец, напыжился от гордости и, забыв обо всем, решил пробежаться перед лисой, показать свою красоту. А лисе только этого и надо. Цап-царап! — И суслик в ее когтях.

— Сейчас я тебя съем, вредный зверек. Ты зачем научил птицу-баклава тому, что ей знать не надо?

— Если ты глупый зверь, — ответил суслик, — то ты меня съешь сразу, а если умный, то только после того, как сосчитаешь до восьми.

«Я умный зверь, — подумала лиса. — Значит, я сначала сосчитаю до восьми». Она открыла пасть и начала считать:

— Один, два, три, четыре...

А суслик выпрыгнул и скрылся в норке.

Слон и волк

дважды встретились в степи слон и волк. Оба они были голодны. Волк говорит:

— Слон, ты, наверное, очень хочешь есть. Надо тебе обязательно найти что-нибудь поесть.

— Да, волк, я вижу, ты заботишься обо мне. Но что ты думаешь? Где достать еду?

— Здесь недалеко есть один хотон. В центре его лежат овцы. Как стемнеет — нападём.

— Нет, волк, нападать на овец я боюсь. Ведь их охраняют. Я еще никогда не нападал.

— Ну что ж, я пойду один, принесу жирного, вкусного барана, наемся до отвала. Но ты уж не проси ни кусочка. Не дам. Трусливых кормить не стоит.

Слон немного подумал и говорит:

— Какой я тебе помощник? Что пользы с того, что я пойду? Или, может быть, ты боишься идти один?

— Я-то один идти не боюсь. Но тебе одному идти легче, ведь ты огромный, сильный, ты можешь один броситься на сотню врагов и всех победить. Ты мог бы и без меня сходить за бараном.

— Да, волк, я вижу ты хитрец. Но меня ты не проведешь.

— Что ты, слон, говоришь? Ты ведь силач, ты во много раз сильнее меня. Сколько овец убьешь — всех можешь на себе утащить. А скоро зима. Надо запастись едой.

— Ну ладно, я согласен. Пойдем вместе.

Когда стемнело, они осторожно пошли к хотону. По дороге слон шепотом сказал:

— Волк, я что-то боюсь. В случае чего, ты меня одного бросишь, а сам убежишь. Давай свяжемся за шею веревкой. Тогда мы будем все время вместе, и никто никого не бросит.

Волк согласился. Они связались веревкой. Когда подошли к овцам, отовсюду громко залаяли собаки. Слон испугался, забыл все на свете и пошел назад. Пошел и поворот за собой волка, забыл, что он с ним связан веревкой. Волк кричит:

— Куда же ты, слон? Ведь собаки лают потому, что они нас с тобой боятся!

А слон не слышит ничего, идет и идет все быстрее. А петля на шее волка все туже и туже. Волк тяжело дышит, волк задыхается, а слон шагает и шагает. Оглянувшись слон и видит: волк бежит за ним по пятам, зубы оскалены, язык вывалился, глаза кровью налиты. На смерть перепугался слон и со всех ног побежал в дальние края.

И с тех пор слон не живет в нашей стени.

или когда-то четыре брата: баран, козел, заяц и петух. И не было у них кибитки.

Однажды они вчетвером пошли по степи. Идут и видят: лежит мертвый волк. Заяц говорит:

— Хорошая у волка шкура. Надо волка ободрать.

Ободрали они волка, баран взвалил на себя шкуру, и все четверо двинулись дальше.

И вот в степной глуши увидели кибитку. Подошли ближе — слышна музыка. Расстелили они волчью шкуру у дверей и все вместе сразу вошли в кибитку. Там было семь волков. Один играл на домбре, а другие плясали. Баран так испугался, что со страху вдруг сказал:

— А ну-ка, децунки, дайте мне домбру, я попробую сыграть!

Волк, который играл, так удивился, что встал, протянул барану домбру и говорит:

— Берц, господин, играй... Выше проходи, садись...

Взял баран домбру, сел и играет. Сидит играет, а сам напевает:

Лихо пляшут семь волков,
А посьмой уже готов.
Ловко мы его задрали.
Шкуру мы с него содрали.
Шкура за дверьми лежит.
Куцый волк уже дрожит.

А куцый волк считался среди волков самым храбрым.

Волки говорят куцему:

— Пойди-ка посмотри, что там за дверью.

Он онасливо вышел и с ужасом вернулся.

— Одного нашего уже порешили, — сказал он тихо.

И все волки вдруг выскочили из кибитки и побежали со

всех ног куда глаза глядят. Бежали, бежали и наткнулись на пустую кибитку. Вошли в нее, отдышались и стали думать, что ж теперь делать. Старший волк говорит:

— Надо послать самого смелого и самого сильного, чтоб он выгнал незваных гостей из нашей кибитки. Кого пошлем?

— Куцего! Куцего! — закричали наперебой все волки.

— Я уже старый. У меня нет былой силы, и не пойду, — сказал куцый волк.

Но волки и слушать не хотели. Пришлось идти ему. Прибежал Куцый к кибитке, где сидели четыре брата. Он подумал: «Я действительно самый храбрый и самый сильный. Недаром волки выбрали меня! Сейчас как вбегу к ним да как съем их всех!..»

И вбежал в кибитку с открытой пастью. Баран с испугу побежал да как ударит его рогами по носу, а козел со страху носкакал да как ткнет его рогами в брюхо, а заяц забежал по кибитке туда-сюда, думая, куда бы спрятаться, а петух взлетел на сундук и закукарекал во все горло.

Волк испугался и выскочил из кибитки. Прибежал к своим друзьям.

— Ну как там? Ну как? — обступили его волки.

— Что и говорить! Беда! Только смелость и смекалка меня спасли. А то бы растерзали меня в кибитке эти звери. Лупоглазый так ударил меня в нос, что искры из глаз посыпались, а рыжий бородатый так дал мне в живот, что и сейчас еще больно. А серый ушастый все бегал по кибитке, наверное, искал дубину. А пестрый щеголеватый кричал с сундука: «Дайте его мне! Дайте я его разорву!» Меня не хотели выпускать, но я их обманул, вырвался и убежал.

«Больше мы туда не пойдём», — решили волки.

Так баран, козел, заяц и петух победили семерых волков, заняли их кибитку и стали в ней жить-поживать дружно и весело.

ПРИМЕЧАНИЯ¹

- Лава — отец; почтительное обращение к старикам.
Арака, арза — водка, перегнанная из чигяна (см.).
Аразаал — сказочный волшебный конь; конь богатыря.
Архад — кожаный сосуд для чигяна (см.).
Аршан — живая вода.
Ацал-такил — подарки, подношения.
Бакши — учитель, настоятель монастыря.
Батыр — богатырь.
Бортхо — кожаный сосуд для араки.
Борциг — фигурное тесто, зажаренное в масле.
Бура — верблюд-самец.
Бурхач — бог; изображение бога.
Гелюнг — буддийский монах.
Гююче — человек, ухаживающий за кобылами.
Далай-лама — глава ламаистской церкви.
Дали — созерцание.
Даличи — отшельник, посвятивший свою жизнь молитвам, созерцанию.
Дунг — раковина. Используется как духовой музыкальный инструмент при богослужении, а также для созыва народа глашатаями.
Дунгчи — глашатай. Он созывает народ звуками раковины, дунга.
Джолум — верхняя часть кибитки, жилище беднейшего кочевника.
Зайсанг — дворянин, владелич рода, аймака.
Зурхачи — гадатель, астролог.
Йерал — благопожелание.
Кебюп — мальчик, юноша.
Лама — буддийский монах.

¹ Примечания к сказкам построены по следующему принципу. В начале помещен словарь часто повторяющихся в тексте непереводенных калмыцких слов; затем следуют библиографические справки к каждой сказке и примечания к тексту (в сказках ссылки на примечания такого рода помечены звездочкой).

- Мангас — человекоподобное чудовище огромной силы, олицетворение врага.
 Манджинк — мальчик, прислуживающий в хуруле (см.); ученик в хуруле.
 Махан — мясо.
 Мус — многоголовое чудовище. Мусы живут в горах, в степи, в камышовых зарослях.
 Пирвана — в буддийской религии мистическое состояние высшего «блаженства», «слияния» с божеством.
 Нойон — князь, владетель улуса (см.).
 Нутук — владения хана или нойона.
 Орго — дымовое отверстие в крыше кибитки.
 Тавак — глубокое деревянное блюдо для мяса.
 Тайши — военачальник.
 Тамга — клеймо.
 Тенгри — небожители, по буддийской мифологии.
 Тогаш — сдобная булка в виде большого бублика.
 Токуг — металлическое (часто серебряное) украшение, подешиваемое к концам кос женщины.
 Тотт — полугай.
 Тотхо — щель, просвет над дверью кибитки.
 Тузум — высокий цилиндрический кожаный мешок для муки, крупы.
 Улан — красный.
 Улус — род; район.
 Мута — широкий кожаный мешок с отверстием сбоку; в ууту собирают вязали.
 Хадак — кусок шелкового материала, преподносимый при приветствии почетному лицу.
 Хамур — холм, возвышенность.
 Хара — черный.
 Харал — проклятие.
 Хорза — водка, два раза перегнанная из чигяна (см.).
 Хормуста — предводитель тридцати трех тенгриев, небожителей.
 Хотон — селение, несколько кибиток.
 Хурджин — кожаная переметная сумка.
 Хуреун — сушеный творог.
 Хурул — буддийский монастырь.
 Хурюм — свадебный пир; все необходимое для свадебного пира.
 Цаган — белый.
 Цаган махан — букв. белое мясо. Так называют толстую кншку, начиненную салом и мясом.
 Цалма — аркан.
 Чигли — кумыс.
 Чумбур — повод уздечки.
 Шара — желтый.
 Шардык — коврик из войлока.
 Шор — заостренная палочка.
 Шулма — ведьма, черт. Шулмусы — ведьмы, черти, нечистая сила.
 Шелюн, шулюн — крепкий мясной навар, бульон.

Шутэи — статуэтка, изображающая божество.
Эмчи — лекарь.
Эрдни — драгоценность, драгоценный камень.
Эрлик — существа подземного ханства. Эрлик Номпи-хан — хан подземного ханства, судья мертвых.
Ээджо — мать; вежливое обращение к женщине.
Итха — старинный струнный музыкальный инструмент.

Богатырские сказки

*Батыр Дамбин-Улан и храбрый конь его
Давшурии-Хурдуи-Хара*

Сказка опубликована в «Седклии юю». Сказки этого сборника названий не имеют. «Батыр Дамбин-Улан» соответствует сказке № 6. Цикл «Седклии юю» записан сотрудниками Калмыцкого научно-исследовательского института языка, литературы и истории (ИИЯЛИИ) Л. С. Сапгаевым и В. Бушпаевым в 1958—1959 гг. в Гордовиковском районе Калмыцкой АССР у шестидесятилетнего сказителя Муутла Буршова.

К стр. 17. Слева направо, по ходу солнца подъезжал к ним богатырь... — по обычаям калмыков, чтобы показать свое уважение к хану, к ламе, полгалодеь подъезжать к дворцу, к хурулу по ходу солнца, слева направо.

Эрип-Сян-Сеняка

Сказка опубликована под № 10 в «Седклии юю» (см. примечание к предыдущей сказке).

К стр. 32. Ута-Хаалга — букв. «Длинная дорога».

К стр. 37. Зара-Цецри — букв. «Мудрый еж».

Волшебные сказки

Зальга-Мерген и конь его Золь-Цоохор

Сказка не публиковалась. Взята из рукописного фонда Калмыцкого ИИЯЛИИ. Записана сотрудником института А. Ш. Кичиковым в 1961 г. в Элисто у семидесятилетней сказительницы Кутуктаевой.

У нее же Кичиковым записаны еще пять сказок, приведенные в этом сборнике, также не публиковавшиеся: «Сказка величавого Уштин-шутана», «Медноволосая девушка», «Хан Наран-Арслан», «Главный министр» и «Скупые старик и старуха».

Кутуктаева — калмычка из рода Гюсюн-Эркетен торгутского племени, уроженка станицы Варшавской бывшего Верхне-Уральского уезда Оренбургской области.

Кутуктаева — замечательная сказительница, сохранившая для нас образцы совершенно особой области калмыцкого фольклора — сказок оренбургских калмыков.

Очень интересно, что маленькая этническая группа в несколько сот человек, не имевшая никаких культурных связей с основной массой калмыков, сумела сохранить многочисленные сказки, легенды, песни и даже героический эпос «Гессер».

Все сказки, записанные у Кутуктаевой, не публиковались и не переводились.

В сказке «Зальта-Мерген» интересен мотив полигамии, отсутствующий в калмыцких сказках.

Родственные мотивы Аа Ан 530Б.

К стр. 39. Зальта-Мерген. Мерген — меткий охотник, стрелок. Зальта — букв. «шамепный».

К стр. 40. ... Старик Ак-Сакал трехсот семидесяти семи лет. Ак-Сакал — букв. «Белая борода». Как свидетельствует акад. Б. Я. Владимирцов (*Монголо-ойратский героический эпос*, Москва, 1923, стр. 47), табущик богатыря во всех ойратских эпосах из Северо-Западной Монголии неизменно носит турецкое имя Ак-Сакал. Во всех эпосах ему триста семьдесят семь лет. Этим подчеркивается мудрость табущика, который обычно дает богатырю советы.

...Скот четырех родов — овцы, кони, коровы, верблюды.

• *Месяц овцы* — май.

К стр. 45. Птица-гаруда — огромная, очень сильная волшебная птица, царь-птица из индийской мифологии.

К стр. 47. Внешний океан — по представлениям калмыков, земля окружена океаном. Внешний океан часто упоминается в калмыцких сказках.

К стр. 49. Пусть будет белым твой путь! У калмыков все доброе, хорошее, счастливое обозначается словом «белый», например «цагаи саната» (букв. «белая мысль») означает «добродушный». «Белого пути!» — означает «счастливого пути!»

К стр. 59. Приложил главному нойону хана китайскую тамгу. Тамга — клеймо. Тамгу выжигали на правой щеке побежденного полководца.

Сказка величавого Ууштин-шутэна

Записана у Кутуктаевой (см. прим. к сказке «Зальта-Мерген»). Мотив Аа Ан 530Б.

Вступление и обрамление сказки напоминают соответствующие элементы в циклах «Седлики кюр», «Волшебный мортвац» (М., 1959) «Двадцать пять рассказов веталы» (М., 1958). Аа Ан 325.

В этой сказке своеобразен мотив «Хана фруктовых садов». Этот мотив появился тогда, когда калмыки жили на Алтае, в Джунгарии. В сказках степняков он давно утрачен.

К стр. 61. ...Мы примем сан Убуши... Принявшие сан Убуши — миряне, давшие обет воздержания от мирской суеты, обет соблюдения постов, проводящие время в молитвах и созерцании.

Медноволосая девушка

Записана у Кутуктаевой (см. прим. к сказке «Зальта-Мерген»).

Особенность этой сказки — совершенно оригинальный сюжет, но перекликающийся ни с одним из сюжетов калмыцких сказок. Интересно любовная линия, очень редко встречающаяся в калмыцком фольклоре. Родственный мотив см. Аа Ан 303.

К стр. 89. ...Поднимай в орко жердь... — по калмыцким обычаям, когда в кибитке рождался мальчик, в орко выставляли шест, жердь, чтобы все знали об этом радостном событии.

К стр. 85. Красавица расплела свою косу... — по калмыцким обычаям девушки носят одну косу, замужние женщины — две.

Хан Наран-Арслан

Записана у Кутуктаевой (см. прим. к сказке «Зальта-Мерген»). Подобный мотив встречаем и сказке «Царница Энгетю-Наран» в сб. «Волшебный мертвец». Аа Ан 706 (безручка).

К стр. 90. Наран-Арслан — букв. «солнечный лев».

К стр. 93. ...И трикратно совершила адис. Адис — возложение на голову священного предмета. Священник может возлагать свою руку.

Главный министр

Записана у Кутуктаевой (см. прим. к сказке «Зальта-Мерген»).

К стр. 104. Сегодня вы вошли в дом, вдвое сложив свою плеть. — По обычаям калмыков, в дом нельзя входить с плетью, сложенной вдвое: это признак воинственности.

Три брата

Опубликована под № 11 в сб. Рамстода, т. I. Подобные мотивы встречаем в сказках «Три брата» в сб. Наймана Бадмаева (Астрахань, 1899) и «Бурая кобылица и три брата» в сб. «Народное творчество Калмыкии». Родственные мотивы Аа Ан 519.

Сказка про три чуда

Переведена по подстрочному переводу проф. А. М. Позднева, опубликованному в «Записках Восточного отделения Российского археологического общества», 1891. Там она называется «Про стрелка-молодца и Царкип-хара».

Русский перевод опубликован в сб. «Калмыцкие сказки», Элиста, 1962. Аа Ан 400 + 465 + 561 + 563; Аа Ан 315 А.

Старик Бегда и пятнадцатиголовый черный мус

Опубликована в сб. «Хальмг фольклор», Элиста, 1941.

Девушки-сирота

Опубликована в «Хальмг фольклор» и «Хальмг туульс» Ла Ан 511 + 403 А + 709.

Вечно живой Чилдин-Баатр

Опубликована в «Хальмг фольклор» и «Хальмг туульс». Переключается с № 20 в сб. Рамстедта, т. II.

К стр. 136 Дербен-ойраты — так называли себя калмыки.

К стр. 137. Если этот хурсун не послужит мне едой, то по крайней мере утолит жажду. Богатырь не считает хурсув едой, он ост мясо. Хурсун утоляет жажду. Он кисловатый на вкус.

Бюрюн-Тегес

Опубликована под № 19 в сб. Рамстедта. Мотив Ла Ан 513.

Арамбар-хан

Опубликована в «Хальмг туульс» по рукописи И. И. Попова, 1890 г. (Новочеркасский Государственный архив).

Старик, старуха и из друг сорока

Опубликована в «Хальмг фольклор» и «Хальмг туульс», Ла Ан 563.

Бадма, его невеста и черно-лысый волк

Опубликована под № 11 в «Седклин кюр».

Аю-Чиктэ и его мачеха-шулма

Опубликована под № 7 в «Седклин кюр». Ла Ан 327 А.

Вамби и его конь Сарал

Опубликована под № 4 в «Седклин кюр». Ла Ан 551, 550, 531.

К стр. 171. Хан Харальчи знал все харалы... — харалы (проклятия) наряду с йерелами (благопожеланиями) — один из видов устного народного творчества. Имеют стихотворную форму.

Саака

Опубликована в «Хальмг фольклор» и «Хальмг туульс» Ла Ан 329 + 554.

К стр. 175. Саака — букв. «тот самый».

Мальчик величиной с узо

Опубликована под № 14 в сб. Рамстедта, т. I.

Бытовые сказки

Бедняк Му

Сказка не публиковалась. Взята из подготовленного к печати сб. «Хальмг туульс», т. II. Записана сотрудником института Л. С. Сангаевым в 1962 г. в поселке Дурновка Приволжского района Астраханской обл. у сказителя Николая Эрдэпиевича Гальдянова.

К стр. 185. *Му* — букв. «плохой».

К стр. 190. *..Луна в пятнадцатый день...* — месяцы в буддийском календаре лунные, поэтому пятнадцатого числа всегда полнолуние. Луна в пятнадцатый день в представлении калмыков — олицетворение красоты.

Старик-силач

Опубликована под № 12 в сб. Рамстедта, т. I.

Эдв-мерген

Опубликована под № 2 в сб. «Седклин юор».

К стр. 201. *Двенадцатым воплощением Будды является наш Бужба-хан...* — во представлении буддистов-ламанстов, Будда бес-смертен и многократно перевоплощается. Будда воплощается в людей и животных.

Облашник Сеняка

Опубликована в «Хальмг фольклор» и «Хальмг туульс». Аа Ан 1535.

Три сына старика Дживдя

Опубликована в «Хальмг фольклор» и «Хальмг туульс».

Сказка о братьях-следопытах — один из любимых сюжетов калмыцких сказок. Аа Ан 925/*5591.

Шовара

Один из любимых сюжетов калмыцких сказок. Перевод сделан на основе трех текстов: сказки «Шовара», опубликованной в «Хальмг фольклор», сказки № 3 из «Седклин юор» и сказки «Шовара», записанной Л. С. Сангаевым в 1961 г. в поселке Нишкуль Калмыцкой АССР у пятидесятилетнего сказителя Тюмюда Кичикова. Сказка опубликована в Рамстедта, т. I, под № 6.

Перевод одной из упрощенных версий этой сказки под названием «Злобный хан» публиковался в сборниках: «Сказки донских калмыков», Ростиздат, 1938; «Народное творчество Калмыкии», Элвста, 1940; «Калмыцкие народные сказки», Элвста, 1961; «Калмыцкие сказки», Гослитиздат, Москва, 1962, Аа Ан 1082. Аа Ан 1000 + + 1007 + 1071 + 1072 + 1082.

Скупые старик и старуха

Записана у Кутуктаевой (см. прим. к сказке «Зальта-Мерген»).
Соответствует сказкам «Скупой богач» и «Скупой хан с пегим конем», опубликованным в «Хальмг фольклор» и «Хальмг туульс».

Три брата и сестра

Опубликована в «Хальмг фольклор» и «Хальмг туульс». Аа Аи 875.

К стр. 236. ...нет ни молока, ни масла. Даже чай сварить не из чего... — калмыцкий чай варится с молоком, с солью, заправляется маслом, жиром.

К стр. 237. ...села между решеткой и войлоком... — калмыцкая кибитка делается из деревянных решеток на каркасе из жердей. Решетки покрыты войлоком. Сеть между решеткой и войлоком, значит, оказаться в «стоне» кибитки, т. е. ив снаружи, ив внутри нее.

Прекрасная Цаган и старуха Сяда

Опубликована в «Хальмг фольклор» и «Хальмг туульс» под названием «Старик Товгун». Аа Аи 410, 709.

Эя и Дживя

Опубликована под № 8 в «Седклин кюр». Чрезвычайно своеобразная сказка, цень побылиц.

К стр. 248. Хатучи — жадный.

Старик с гончей собакой

Сказка не публиковалась. Взята из подготовленного к печати сб. «Хальмг туульс», т. II. Записана Л. С. Сангаевым в 1961 г. у Тюмюда Кичикова (см. прим. к сказке «Шовара»).

Сказки о животных

Все сказки о животных опубликованы в сб. «Хальмг фольклор», и «Хальмг туульс».

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Аа Аи — Н. П. Андреев, *Указатель сказочных сюжетов по системе Ларне*, Л., 1929.
«Седклин кюр» — «Седклип кюр» («Задушевный разговор»), Элиста, 1960.
«Хальмг фольклор» — «Хальмг фольклор» («Калмыцкий фольклор»), Элиста, 1940.
«Хальмг туульс» — «Хальмг туульс» («Калмыцкие сказки»), Элиста, 1961.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Предисловие	5
БОГАТЫРСКИЕ СКАЗКИ	
Батыр Дамбин-Улан и храбрый конь его Давшурип-Хурдун-Хара	11
Эрип-Сян-Сеяка	25
ВОЛШЕБНЫЕ СКАЗКИ	
Зальта-Мерген-Баатр и конь его Золь-Цоохор	39
Сказка величавого Ууштин-шутана	61
Медноволосая девушка	78
Хан Наран-Арслан	90
Главный министр	101
Три брата	106
Сказка про три чуда	115
Старик Бегдэ и пятнадцатиголовый черный мус	129
Девушка-спрота	130
Вечно живой Чилдин-Баатр	135
Бюрюн-Тегес	140
Арамбар-хап	148
Старик, старуха и их друг сорока	150
Бадма, его невеста и черно-лысый волк	156
Аю-Чиктэ и его мачеха-шулма	160
Бамба и его конь Сарал	167
Саака	175
Мальчик величавой с ухо	179
ВЫТОВЫЕ СКАЗКИ	
Бедняк Му	183
Старик-силач	194
Ээде-Мергон	198
Обманщик Сеняка	211
Три сына старика Дживдя	216
Шовара	223
	271

Скуные старик и старуха	230
Три брата и сестра	235
Прекрасная Цаган и старуха Сявдо	239
Эвя и Джиня	246
Старик с гончей собакой	249

СКАЗКИ О ЖИВОТНЫХ

Семь братьев-вожков	253
Барс, волк, лиса и верблюд	256
Как суслик лису перехитрил	258
Слов и волк	259
Четыре брата	261
Примечания	263

МЕДНОВОЛОСЯЯ ДЕВУШКА

Калмыцкие народные сказки

Утверждено к печати Калмыцким научно-исследовательским институтом языка, литературы и истории при Совете Министров Калмыцкой АССР

Редактор *И. Л. Елсвич*
 Художник *М. Ложманова*
 Художественный редактор *И. Р. Бескин*
 Технический редактор *И. Г. Михалина*
 Корректоры *С. А. Баровская и Ф. А. Дворкина*

Сдано в набор 28/III 1964 г. Подписано к печати 26/VIII 1964 г. А 00354.
 Формат 60×84¹/₁₆. Печ. л. 17. Усл. печ. л. 17. Уч.-изд. л. 13,47
 Тираж 100 000 экз. Изд. № 1211. Зак. 2138. Том. план 1964, № 124. Цена 68 коп.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
 Москва, Центр, Армянский пер., 2

Типография «Красный пролетарий» Политиздата,
 Москва, Краснопролетарская, 16.

68 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО "НАУКА"